

Музей -заповедник
ТАРХАНЫ

Музей -заповедник
ТАРХАНЫ

Саратов
Приволжское
книжное издательство
Пензенское отделение,
1990

Библиотека Ладовед.
SCAN. Юрий Войкин 2017г.

Под редакцией директора Государственного лермонтовского музея-заповедника «Тарханы» заслуженного работника культуры РСФСР
Т. М. Мельниковой.

Музей-заповедник «Тарханы». — Саратов: Приволж. кн.
М89 изд-во (Пенз. отд-ние), 1990. — 112 с, ил.
ISBN 5-7633-0158-7

У почитателей наследия великого русского поэта М. Ю. Лермонтова постоянно растет интерес к колыбели его творчества. Ежегодно эти памятные места посещают свыше двухсот тысяч человек.

За последнее время экспозиционный комплекс музея-заповедника увеличился почти в два раза. Здесь открыты новые разделы экспозиций, о чем рассказывается в предлагаемом издании, которое подготовили Т. М. Мельникова, Л. В. Полукарова, Н. К. Потапова, Л. В. Рассказова, В. П. Ульянова.

1502010700-16

М 153(01)-90 Б^с

ББК 83.3(2-Рус)5Л61

ISBN 5-7633-0158-7

Приволжское книжное
издательство, 1990 г.

УСАДЬБА

Лермонтово (бывшее Тарханы) — старинное русское село в юго-западной части Пензенской области — край детства и колыбель творческих вдохновений Михаила Юрьевича Лермонтова. Здесь он прожил половину своей жизни, здесь он нашел свое вечное успокоение. Свою сокровенную любовь к Тарханам, к своей «малой» родине, он пронес через всю короткую жизнь.

Теперь в селе создан музей-заповедник с разнообразными экспозициями, которые совершенствуются и пополняются новыми данными. Но есть здесь постоянная и неизменная «экспозиция», хранящая память о поэте. Это — природа Тархан.

Небо и звезды, рассветы и закаты, степи и перелески, луна и тучи, запомнившиеся Лермонтову с детства, шелест листьев и говор перламутровых вод, к которым когда-то прислушивался, дом, где он жил, темные аллеи парка и притихшие пруды — все здесь приводит на память его стихотворные строки. В этом краю они — своеобразный путеводитель.

Лермонтовский заповедник включает бывшую вотчину Елизаветы Алексеевны Арсеньевен, бабушки М. Ю. Лермонтова, и Апалиху — соседнее владение ее близких родственников и друзей Шан-Гиреев. Арсеньевская усадьба составляет большую часть заповедника. Она возникла на рубеже XVIII—XIX веков.

В 1701 году 26 служилых людей «били челом великому государю» Петру I: «...есть де в Саранском уезде порозжая земля, и леса, и всякие угодья... в поместья и оброк никому не отдано и никто теми землями не владеет».

Земли были обследованы, описаны и даны во владения челобитчикам, но долгое время оставались незаселенными.

В 30-х годах XVIII века неосвоенные земли купила чета Долгоруковых, Яков Петрович и Анна Михайловна. Из костромских поместий они перевели сюда часть крестьян. В конце 40-х годов здесь была построена церковь во имя Николая Чудотворца. Деревня превратилась в село, оно стало называться Никольское, Яковлевское тож.

„^{ГО} ДУ А. М. Долгорукова продала это имение Н. А. Нарышкиной. По ее завещанию оно перешло к внукам Ивану и Петру Александровичам Нарышкиным: Иван выплатил свою долю за село и стал его единоличным владельцем.

Купив в 1794 году имение у Нарышкиных, Арсеньевы сразу приступили к строительству новой барской усадьбы, потому что нарышкинская сгорела. Она находилась в центре села, но Арсеньевы не стали селиться на прежнем месте. На расстоянии версты на восток в излучине оврага, образуемого речкой Марарайкой, ими было положено основание новой усадьбе. Они разбили парк и фруктовые сады — Средний, Круглый и Дальний. А в самом овраге на речке Марарайке создали каскад прудов. Верхний, или Барский, пруд расположен у въезда в усадьбу. Он невелик, но глубок и чист. Самый значительный по площади называется Нижним, или Большим, прудом, который тянется через все село к сельской церкви. Между этими двумя находится Средний пруд. На обрыве над Большим прудом построили барский дом.

От него открывались близкие и дальние красивые виды на пруды, поля, рощу, церковь. Из-за богатства окружавшего ландшафта не было нужды в благоустройстве большой территории.

Новая усадьба была разделена на две части: парадную (с домом и парком) и хозяйственную (с различными подсобными постройками). При ее планировке использовался основной принцип времени: включение в декоративное оформление поместья естественных природных деталей. Пруды, рощи и поля, обрамляя ухоженный небольшой парк, подчеркивали его стройность и строгость. Таким образом, искусственные декоративные элементы усиливались естественными. На юге Круглый сад соединялся с Дубовой рощей и образовывал единый зеленый массив. На востоке композиционная определенность Дальнего сада контрастировала с широкой равниной, протянувшейся до Долгого леса. Овраги были превращены в глубокие и обширные пруды. Западные склоны холма покрыты террасами, по которым пролегали аллеи парка.

Оформление усадьбы имело еще одну особенность. Художественные элементы сочетались с практической необходимостью: декоративные кустарники (жасмин, шиповник, желтая акация, жимолость) выступали в ансамбле с фруктовыми насаждениями — яблонями, вишнями, грушами, смородиной, крыжовником, сливами, малиной, барбарисом.

Время сильно изменило облик лермонтовских мест. После гибели Михаила Юрьевича и смерти хозяйки поместья Е. А. Арсеньевой Тарханы перешли на основе завешания к ее младшему брату Афанасию, а затем к его дочери и внуку. По существу они стали заглазным имением, в котором хозяйничали управляющие.

В первые годы по доверенности Афанасия Столыпина имение^м управлял бывший слуга М. Ю. Лермонтова Иван. Абрамович Соколов.

После него управляющим стал Горчаков. Барский дом постепенно ветшал, усадьба приходила в запустение. В 1867 году жур-

налист Н. Прозин опубликовал в «Пензенских губернских ведомостях» (№ 50) заметки о своем посещении Тархан. «Вы... подъезжаете к крыльцу,— свидетельствовал он,— вокруг старое на-дворное строение — ни одной торной тропинки; везде густая му-рава как бархатным ковром покрыла весь двор... Темная широкая аллея из акаций, сросшихся вверху настоящим сводом, ведет под гору в низ сада, к пруду, который теперь почти весь вытек, потому что вода прорвала берег и вылилась из него».

В 70-е годы в Тарханах появился новый управляющий П. Н. Журавлев, человек довольно образованный. Он интересовался творчеством Лермонтова, активно стал благоустраивать усадьбу. Правда, в те годы она уже не была столь ухоженной, как при жизни Лермонтова, но и тогда ее прелесть покоряла тех, кто приезжал в родные места поэта.

Вот отрывок из корреспонденции Н. М. Соколова «Дорогой уголок», напечатанной в 1891 году в 50-летнюю годовщину со дня гибели поэта. Автор указывал: «При входе в барскую усадьбу мы натолкнулись на небольшие холмы, расположенные на широкой луговине; по сохранившемуся в Тарханах преданию, на этих холмах маленький Лермонтов делал военные упражнения. Отсюда, с луговины, мы спустились на плотину; перед нами колыхал свежими струями небольшой барский пруд... мы поднялись на возвышенность: тут начинался сад и барская усадьба... Пройдя небольшую аллею, мы увидели перед собой живописно раскинутые клумбы цветов».

Тогда же в «Пензенских губернских новостях» появилась еще одна заметка Н. Прозина о поездке в Тарханы. В ней говорилось: «С невысокого балкона мы спустились в сад. Длинная, густая, тенистая аллея из столбчатых роз вела куда-то далеко вниз. Мы медленно шли по ней... и пришли к небольшому пруду, находившемуся в самом конце ее. Пруд, заросший кругом густою зеленью, дремал перед нами, как в волшебной сказке».

В 1902 году Журавлев умер, и его место занял Татищев, отставной офицер, который не отличался особой хозяйственностью и исполнял должность ради получения жалованья. О том, как «сохранялась» усадьба, где жил Лермонтов, можно иметь представление, прочитав заметку, напечатанную в «Пензенских губернских ведомостях» в 1905 году. Неизвестный автор, скрывшийся за буквами «И. 3.», писал: «Нынешним летом я вместе с учениками Полянской школы был в Тарханах. Сперва побывали в склепе семейства Арсеньевых, а потом отправились в имение, принадлежавшее Лермонтову... На нашу просьбу посмотреть какие-либо вещи, уцелевшие от времени Лермонтова, или показать комнату, где поэт когда-то занимался, конторщик... сказал: «Дом отремонтирован недавно, и все комнаты переделаны и перекрашены, а вещи все уничтожены или увезены...» Тогда мы пошли посмотреть на сад и аллею, любимую поэтом. Что же нас ожидало? Прекрасная липовая аллея, по которой в былое время любил

гулять Михаил Юрьевич, теперь тесно примыкала к скотному двору, на одном конце аллеи был навален кучами навоз...»

Не было заботливых управляющих и в последующее время. Причем они часто менялись. В 1906 году место Татищева занял Змиев, а его в свою очередь заместил Казьмин, который имел не-сносный характер и пользовался в селе всеобщей ненавистью. Именно это, видимо, послужило причиной поджога дома. Пожар нанес существенный ущерб строению. В 1909 году его удалось восстановить.

Лермонтовский музей был создан в 1939 году. В течение ряда лет он размещался в барском доме. Затем экспозиции развернули в церквях Марии Египетской и Михаила Архангела. После принятия в 1969 году Постановления Совета Министров РСФСР об образовании заповедника в Тарханах начались серьезные реставрационные работы, которые коснулись не только памятников архитектуры, но и мемориальной территории. Центральная часть усадьбы совершенно преобразилась: были восстановлены «любимые аллеи поэта»: «темная», сосновая и липовая; воссоздана планировка Дальнего сада, вылечен лермонтовский дуб, очищены пруды Барский, Средний и Малый, разбиты цветники у дома.

* Асфальтированная трасса Пенза—Тамбов позволяет теперь приехать в Тарханы в любое время года. От бывшего Чембарского тракта к усадьбе ведет прямая дорога. Входом на усадьбу служит плотина Барского пруда, обсаженная ветлами. С нее в просветах между корявыми стволами видна гладь пруда, а дальше в зарос-лях сирени стена старого арсеньевского амбара. На повороте плотины вправо открывается вид на бывший помещичий дом («античное здание с белыми колоннами и неперменной церковью поблизости») — типичное дворянское гнездо. По словам М. Ю. Лермонтова, «барский дом был похож на все барские дома: деревянный с мезонином, выкрашенный желтой краской».

В мезонине четыре комнаты: две из них когда-то занимала хозяйка, две другие — ее внук. И лермонтовские и арсеньевские комнаты имеют выходы на балконы. Окна лермонтовских комнат глядят в парк и на село. Много лет спустя, вспоминая родные места, где провел детство, Лермонтов писал в неоконченной пове-сти «Я хочу рассказать вам...»: «С балкона видны были дымя-щиеся села луговой стороны, синеющие степи и желтые нивы...» А в его автобиографической поэме «Сашка» находим такие строки:

Из окон был прекрасный вид кругом:
Налево, то есть к западу, рядами
Блестали кровли, трубы и потом
Меж ними церковь с круглыми главами.

В самом деле, комнаты, которые занимал Лермонтов, обра-щены «на запад золотой». Видно, как «гаснет день», как от воды начинает подниматься туман. И постепенно расплываются очер-тания предметов. День переходит в ночь, и это навевает грусть.

Таким настроением окрашены многие лермонтовские стихи. В одном из них есть такие строки:

Никто моим словам не внемлет... я один.
День гаснет... красными рисуясь полосами,
На запад уклонились тучи, и камин
Трещит передо мной. Я полон весь мечтами
О будущем...

Из комнат Арсеньевой был виден хозяйственный двор, об-строенный «одноэтажными длинными флигелями, сараями и ко-нюшнями» и обведенный «валом, на котором качались и сохли жидкие ветлы». Все хозяйственные постройки располагались в два ряда и доходили до Дальнего сада, образуя характерный уса-дебный ансамбль. Рядом с барским домом с левой стороны стоял деревянный флигель, в котором размещались конторщик и ключ-ница. В этом доме после гибели поэта доживал свой век его слуга, дядька А. И. Соколов. Возле дома ключника стояла кухня. По-одаль, но в том же ряду — коровник, а еще дальше от дома ко-нюшня, каретник, у Дальнего сада амбары для зерна. Справа располагались людская изба, манеж и «чистая» конюшня, пчель-ник.

В начале 20-х годов нашего века эти старые, сильно обвет-шалые службы были снесены. Теперь на их месте перед домом расстилается широкая зеленая луговина. Вал с «жидкими ветла-ми» в окрестностях усадьбы частью сохранился, частью восста-новлен.

Рядом с барским домом возвышается однокупольное здание церкви Марии Египетской. На ее месте когда-то стоял первый арсеньевский дом, в котором трагически окончились дни Миха-ила Васильевича Арсеньева (деда М. Ю. Лермонтова) и Марии Михайловны Лермонтовой (матери поэта). В 1818 году Е. А. Ар-сеньева продала этот дом на своз в соседнее село Владыкино и вместо него чуть южнее построила другой, ныне существующий. К церкви, как к месту, где стоял старый дом, сходятся три ос-новные видовые перспективы усадьбы. Одна из них — западная. В лермонтовское время от дома открывалась широкая панорама Большого пруда и села с церковью. Это запомнилось поэту. В стихотворении «Вечер после дождя» он написал:

Гляжу в окно: уж гаснет небосклон,
Прошальный луч на вышине колонн,
На куполах, на трубах и крестах
Блестит, горит в обманутых очах;
И мрачных туч огнистые края
Рисуются на небе, как змея,
И ветерок, по саду пробежав,
Волнует стебли омоченных трав...

Другая перспектива — южная — открывала взору широкую липовую аллею через Круглый сад и Дубовую рощу. Вот что со

слов дворовых писал первый биограф поэта П. А. Висковатов: «А летом свои удовольствия. На троицу и семик ходили в лес со всею дворней, и Михаил Юрьевич впереди всех». Бабушка в это время сидела у окна гостиной комнаты и глядела на дорогу в лес и длинную просеку, по которой шел ее баловень, окруженный девушками.

Наконец, на восток от церкви четко просматривалась аллея Дальнего сада, действительно дальнего и очень своеобразного по композиции. Вероятно, об этом саде писал Лермонтов в поэме «Сашка»:

Уютный сад, обсаженный рябиной,
С беседкою, цветами и малиной,
Как детская игрушка...

Дальний сад центральной аллеей строго сориентирован на церковь Марии Египетской, как на место первого арсеньевского дома.

Он представляет в плане квадрат и обведен канавой и валом, по которому растут ива и рябина. Восемь аллей из вязов и лип сходятся в центре. Здесь-то и стояла упомянутая поэтом деревянная беседка, вокруг которой также росли липы. Ближе к центру были высажены цветы, а дальше фруктовые деревья и кустарники — вишня, яблони, сливы, груши, смородина, малина, крыжовник, барбарис.

За садом в трех верстах от пределов усадьбы узкой полосой с востока на запад тянется дубовый лес — Долгая роща. Дорога к ней идет по открытой равнине, пересекает ложину, выходит на луг, по которому разбросаны одинокие дубы; они широко разрослись на просторе, ветви у самой земли.

Уже уехав из Тархан, не раз вспомнит Лермонтов и Долгую, и «молодого дня за рощей первое сиянье».

В этой степной полосе Долгая роща была единственной, где брали строевой лес. С ней связано много легенд, сложенных в Тарханах. Одно из преданий гласит, что, приехав в 1836 году на побывку, Лермонтов просил бабушку отдать крестьянам рощу Долгую для строительства изб. «Бабушка согласилась. Крестьяне вырубили дачу и построили дома с коньками, лицом на улицу. Мужики так были рады, что и сказать нельзя». Зная страсть молодого барина к лошадям, они сложились и купили ему в подарок коня.

На западной стороне усадьбы не было никаких построек, а сразу же за домом начинался «роскошный сад, расположенный на полугоре». Аллеи акаций, куртины жимолости и жасмина, заросли черемухи и сирени и теперь главное украшение парка. Когда они цветут, запах льется в открытые окна дома. В 1829 году Лермонтов писал:

Приди ко мне, любезный друг,
Под сень черемух и акаций,

Чтоб разделить святой досуг
В объятьях мира, муз и граций.

Перед самым домом в парке разбиты и клумбы. «Кусты сирени, жасмина и розанов окаймляли цветник, от которого в глубь сада шли тенистые аллеи. Одна из них, обсаженная акациями, сросшимися наверху настоящим сводом, вела под гору к пруду». Эта аллея, начинающаяся у церкви Марии Египетской и круто спускающаяся вниз, носит название «темной», данное ей Лермонтовым в стихотворении «1-е января»:

В аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и желтые листья
Шумят под робкими шагами.

Аллея приводит к тому месту, где на берегу пруда, окруженная кустами сирени и черемухи, в пору детства Лермонтова была беседка, восстановленная совсем недавно. В одном из ранних стихотворений «Цевница» он свидетельствовал:

На склоне гор, близ вод, прохожий, зрел ли ты
Беседку тайную, где грустные мечты
Сидят задумавшись? Над ними свод акаций:
Там некогда стоял алтарь и муз и граций,
И куст прелестных роз, взлелеянных весной,
Там некогда, кругом черемухи млечной
Струя свой аромат, шумя, с прибрежной ивой
Шутил подчас зефир и резвый и игривый.
Там некогда моя последняя любовь,
Питала душу мне и волновала кровь!..

Лермонтов очень любил эти укромные уголки тарханского парка и несколько позднее признавался:

Любил с начала жизни я
Угрюмое уединенье,
Где укрывался весь в себя,
Бояся, грусть не утая,
Будить людское сожаленье...

Неподалеку от беседки Большой пруд пересекает узкая земляная дамба, ведущая в Круглый сад. Здесь в лермонтовские времена проходила липовая аллея, которая соединяла сад с близлежащей Дубовой рощей. Это создавало впечатление бескрайнего леса, что и отметил один из собирателей материалов к лермонтовской биографии Н. И. Рыбкин: «Я был в Тарханах. За оврагом виднелась огромная гора, и по ней тянулся лес, и лес этот казался без конца, утопая где-то вдаль».

В годы Великой Отечественной войны часть Дубовой рощи была «сведена на топку». В 1977 году она восстановлена в прежних размерах.

За Дубовой рощей недалеко от Тархан лежала деревенька

Апалиха. Ее владелица Мария Акимовна Шан-Гирей «была,— как писал ее сын Аким,— родная и любимая племянница Елизаветы Алексеевны, которая и уговорила ее переехать с Кавказа... в Пензенскую губернию и помогла купить имение в трех верстах от своего».

Один из сыновей Марии Акимовны и Павла Петровича, Аким, два года учился вместе с Лермонтовым в Тарханах и был участником многих его детских развлечений, например катаний с гор, военных игр. Последними Лермонтов особенно увлекался по возвращении из Пятигорска, куда бабушка возила его для поправки здоровья и где он также много слышал о войне с горцами. Был у него даже свой «полк», который состоял из ребятишек, его сверстников. Двоюродный брат поэта Михаил Пожогин-Отрашкевич, который года два воспитывался в Тарханах, позже свидетельствовал в своих мемуарах: «В саду у них было устроено что-то вроде батареи, на которую они бросались с жаром, воображая, что нападают на неприятеля. Охота с ружьем, верховая езда на маленькой лошадке с черкесским седлом, сделанным вроде кресла, и гимнастика были также любимыми упражнениями Лермонтова».

«Сражения» происходили на прибрежном холме в северо-западной части парка. Там были специально вырыты два круга (траншеи-бастионы), которые и теперь хорошо заметны.

К «траншеям» можно пройти по дорожке, по одну сторону которой церковь Марии Египетской, по другую — дом ключника и несколько старых вязов, сохранившихся с лермонтовских времен. Они так стары, что могучие корни их вышли наружу и их пришлось засыпать землей. Стволы в аккуратных заплатках из гудрона — залечены раны.

Дорога круто спускается к дамбе: справа Средний пруд, тихо дремлющий в окружении ветел.

Все тихо — полная луна
Блестит меж ветел над прудом,
И возле берега волна
С холодным резвится лучом.

Слева овраг — водослив, засаженный ивами.

Еще одной любимой детской забавой будущего поэта были качели, которые устраивались на старом вязе. «Среди двора,— вспоминал Лермонтов,— красовались качели; по воскресеньям дворня толпилась вокруг них, и порой две горничные садились на полусгнившую доску, висящую меж двух сомнительных веревок, и двое из самых любезных лакеев, взявшись каждый за конец толстого каната, взбрасывали скромную чету под облака; мальчишки били в ладоши, когда пугливые девы начинали визжать,— и всем было очень весело». Этот старый и кряжистый вяз рос у юго-западного угла барского дома. Летом 1941 года буря переломила его ствол, и он рухнул. Каким могучим был вяз, можно су-

дить по рисунку П. А. Висковатова да по остатку дерева, который помещен ныне в доме ключника.

На место старого посажен молодой вязок. Как только сойдет снег, чуть-чуть обсохнет земля, тут же у вяза и по всему парку выбросят листочки-трубочки ландыши, а потом появятся бело-снежные душистые колокольчики.

Несколько позднее, когда лето вступит в разгар, нальется в саду «малиновая слива», особый сорт, который растет в Тарханах. А ближе к осени отсюда, с холма, будет видна «желтеющая нива...». В трудное время следствия по делу о стихотворении «Смерть поэта», в минуты высшего напряжения, ожидая сурового приговора, Лермонтов обращает мысленный взор к далеким, но по-прежнему дорогим Тарханам, и отрадные воспоминания возвращают ему самообладание, укрепляют душевные силы.

Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка;

Когда росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой,
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;

Когда студёный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечёт мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчитсЯ он,—

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе,—
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу бога...

От дома на юг под уклон ведет к пруду еще одна аллея. Кусты акаций стоят по обеим сторонам крутой дорожки. Спустившись по ней, мы оказываемся у массивной металлической ограды, охраняющей корни развесистого дуба. Его, как передают местные старожилы, еще ребенком посадил Лермонтов. Дуб растет у самой воды, а рядом, в его тени, совсем юный дубок, который никто не сажал: он вырос из желудя лермонтовского дуба. Лермонтов любил это красивое и сильное дерево, которое часто воспевал в своих произведениях. А в известном стихотворении, написанном в последние месяцы жизни, образ одинокого дубового листка созвучен образу самого поэта, гонимого странника.

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя
И вот наконец докатился до Черного моря...

В том же 1841 году в предчувствии смерти он пожелал:

Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.

Рядом с лермонтовским дубом, на южном склоне холма, посажен фруктовый, так называемый Средний сад. Он спускается от старой сосновой аллеи до самой воды. На припеке крепко пахнет сосновой смолой. Тишина и покой. Лишь изредка раздается голос иволги или кукушки.

В этом саду, когда Лермонтов был ребенком, стояла «разрушенная теплица». Ныне она восстановлена. Возле нее, как бесшумные стражи,— две сосны. С этого места хорошо видна холмистая долина речки Марарайки, до самого горизонта простираются хлебные поля, и над всем этим распласталось необозримое, то мгlistое, то пронзительно синее тарханское небо. Спустя три года после отъезда из бабушкиного имения, поэт признавался:

Как нравились всегда пустыни мне.
Люблю я ветер меж нагих холмов.
И коршуна в небесной вышине,
И на равнине тени облаков.
Ярма не знает резвый здесь табун,
И кровожадный тешится летун
Под синевой, и облако степей
Свободней как-то мчится и светлей.

Печален степи вид, где без препон,
Волнуя лишь серебряный ковыль,
Скитаются летучий аквилон
И пред собой свободно гонит пыль;
И где кругом, как зорко ни смотри,
Встречает взгляд березы две или три,
Которые под синеватой мглой
Чернеют вечером в дали пустой.

Мы чувствуем, как в этих лермонтовских стихах оживают тарханские пейзажи, любимые им с детства и бережно хранимые в душе: он не скрывает своей нежности к родному краю, которая живет в нем.

Люблю, друзья, когда за речкой гаснет день,
Укрывшись лесов в таинственную сень,
Или под ветвями пустынные рябины,
Смотреть на сипие, туманные равнины.

А вот его знаменитое:

Прекрасны вы, поля земли родной,
Еще прекрасней ваши непогоды;
Зима сходна в ней с первою зимой,
Как с первыми людьми ее народы!..
Туман здесь одевает неба своды!
И степь раскинулась лиловой пеленой,
И так она свежа, и так родна с душой,
Как будто создана лишь для свободы...

И даже звуки, которые когда-то в детстве нечаянно коснулись его слуха, вновь начинают звучать в его музыкальных строках:

Все тихо; и в глуши лесов
Не слышно жалобного пенья
Пустынной иволги; лишь там
Весенний ветерок играет,
Перелетая по кустам;
В глуши кукушка занывает;
И на дупле как тень сидит
Полночный ворон и кричит.

Тарханы, бескрайние поля, чистый прозрачный воздух, закаты и восходы. Здесь впервые детскому взору открылось тихое очарование холмистых степей, проселочных дорог, таинственность темных лесов, светлых березовых перелесков, задумчивых речек. В поэме «Черкесы» юный поэт опишет родные места, усадьбу, где вырос:

Свод неба синий тих и чист;
Прохлада с речки повевает,
Прелестный запах юный лист
С весенней свежестью сливает.
Везде, кругом стужился лес,
Повсюду тихое молчанье;
Струей, сквозь темный свод древес
Прокравшись, дневное сиянье
Верхи и корни золотит.
Лишь ветра тихим дуновеньем
Сорван листок летит, блещет,
Смушая тишину паденьем.

Детские годы Лермонтова были отмечены напряженным духовным ростом. Этому в немалой степени способствовала жизнь на природе.

Рано проявилась у будущего поэта разносторонняя одаренность: он устраивал театр марионеток и писал для него пьесы, делал «из талого снега человеческие фигуры в колоссальном виде... рисовал акварелью довольно порядочно и лепил из крашеного воску целые картины». Эмоциональность и глубокое восприятие окружающей природы и жизненных явлений искали своего выражения: «Шести лет уже он заглядывался на закат, усеянный румяными облаками, и непонятно-сладостное чувство уж волновало его душу, когда полный месяц светил в окно в его детскую кроватку». Не миновала Лермонтова и ранняя влюбленность. Образ девочки, понравившейся ему, впоследствии возникал в его мечтах. Эти переживания навсегда остались тесно слитыми с Тарханами. Накануне сложного, полного неожиданностей 1840 года, мысленно улета в родные места, Лермонтов с отрадой вспоминает свое детское счастье:

И странная тоска теснит уж грудь мою:
Я думаю об ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье

С глазами, полными лазурного огня,
С улыбкой розовой, как молодого дня
За рощей первое сиянье.

«Детская душа,— свидетельствовал Висковатов,— как душа младенцев народов, тесно примыкает к природе и, сама уходя в нее, в то же время привлекает ее к себе... Поэтому-то в памяти особенно даровитых людей на всю жизнь сохраняются поразившие их фантазию картины природы. Только позднее ум начинает интересоваться человеком, и мы увидим, как Лермонтов... долго сохраняет интерес к звездам, тучам, в особенности ко всем величественным, мрачным или приветным явлениям природы и через них знакомит нас с состоянием души своей».

Богатое воображение, книги и окружающая природа подсказывали необычные образы, рисовали романтические картины. «Когда я еще мал был,— читаем в записях Лермонтова 1830 года,— я любил смотреть на луну, на разнovidные облака, которые в виде рыцарей с шлемами теснились будто вокруг нее: будто рыцари, сопровождающие Армиду в ее замок, полные ревности и беспокойства». К этому же времени относятся и такие строки. Будучи восьмилетним ребенком, вспоминал он, «я один раз ехал в грозу, куда-то; и помню облако, которое, небольшое, как бы оторванный клочок черного плаща, быстро несло по небу: это так живо передо мною, как будто вижу».

И вот уже образы из далекого детства возникают в «Демоне»:

Так ранней утренней порой
Отрывок тучи громовой,
В лазурной вышине чернея,
Один, нигде пристать не смея,
Летит без цели и следа,
Бог весть откуда и куда!

Оживают в монологе Фернандо из трагедии «Испанцы»:

Взгляни на тихую луну! О, как прекрасна!
И облачко вокруг нее! — луна,
Луна! — как много в этом звуке чувств —
Что будет, что теперь и что прошло, все в нем
Соединяется — и что прошло!
И кто б подумать мог, что та ж луна,
Которая была немой свидетель
Минуты первой... у ручья... в горах — ты помнишь,—
Что та ж луна свидетель будет
Разлуки, нежная Эмилия!..
Взгляни опять: подобная Армиде
Под дымкою серебристой мглы ночной,
Она идет в волшебный замок свой.
Вокруг нее и следом тучки
Теснятся, будто рыцари-вожди,
Горящие любовью; и когда
Чело их обращается к прекрасной,
Оно блестит, когда же отвернут
К соперникам, то ревность и досада
Его нахмурят тотчас — посмотри,

Как шлемы их чернеются, как перья
Колеблются на шлемах...

Природа гармонична и вечна, на ее фоне человеческая жизнь — «минута сновиденья». Но человека с природой связывают неразрывные узы, которые помогают ему обрести внутренний покой и равновесие:

...иногда
На берегу реки, один, забыт,
Я наблюдал, как быстрая вода,
Синея, гнется в волны, как шипит
Над нею пена белой пеленой,
И я глядел, и мыслию иной
Я не был занят, и пустынный шум
Рассеивал толпу глубоких дум.
Тут был я счастлив...

Природа поражала Лермонтова не одной лишь своей красотой. Она тревожила его своей таинственностью и обманчивой надеждой на близость разгадки смысла жизни.

И мысль о вечности, как великан,
Ум человека потрясает вдруг,
Когда степей безбрежных океан
Синеет пред глазами: каждый звук
Гармонии вселенной, каждый час
Страдания или радости для нас
Становится понятен, и себе
Отчет мы можем дать в своей судьбе.

Соприкосновение с природой оказалось благотворным для Лермонтова-поэта, он находился под ее сильным обаянием. Во всех его произведениях она обрисовывается с удивительным талантом и силой. К. Маркс считал, что «вряд ли кто из писателей превзошел Лермонтова в описании природы, во всяком случае редко кто достигал такого мастерства». Поэзия природы стала не просто частью творчества Лермонтова, но его душой. Для лермонтовских героев, нередко носящих автобиографические черты, характерно чувство родства с природой, стремление найти отдохновение в общении с ней. Человеку, внутренний мир которого «полон поэзии природы звуков чистых», не угрожает преждевременное душевное увядание.

Представление о положительном герое поэт обычно связывает с человеком, выросшим на природе и слившимся с ней всем сердцем и душой.

Блажен, кто вырос в сумраке лесов,
Как тополь дик и свеж, в тени зеленой
Играющих и шепчущих листьев,
Под кровом скал, откуда ключ студеный
По дну из камней радужных цветов
Струей гремучей прыгает, сверкая,
И где над ним береза вековая
Стоит, как призрак поздней порой...

Блажен, кто посреди нагих степей
Меж дикими воспитан табунами,
Кто приучен был на хребте коней,
Косматых, легких, вольных, как над нами
Златые облака, от ранних дней
Носиться...

Герои Лермонтова одушевляют природу, наделяют ее живыми свойствами, собственными мыслями и чувствами, мечтают о соединении с ней после смерти. Вспомним Мцыри...

Ты перепесть меня вели
В наш сад, в то место, где цвели
Акаций белых два куста...
Трава меж ними так густа,
И свежий воздух так душист,
И так прозрачно золотист
Играющий на солнце лист!
Там положить вели меня...

Эти строки по своей идее очень близки к строкам стихотворения «Выхожу один я на дорогу...», где поэт уже сам, незадолго до гибели, мечтает о слиянии с природой.

Связь Лермонтова с Тарханами была прочной и органичной, и его детские и отроческие впечатления служили для его поэтического воображения неиссякаемым источником. Покинув Тарханы, он долго обращался к ним мыслями и вспоминал «и отца, и дом. родной, и высокие качели, и пруд, обсаженный ветлами... всё, всё». И даже во время блестящего петербургского бала, среди шумной светской толпы, перед его глазами вдруг возникает деревенское прошлое, и рождающиеся стихи пронизывает чувство грусти об уголке, где прошло детство:

И вижу я себя ребенком, и кругом
Родные все места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей...

А вот более ранние строки, в которых с не меньшей силой звучит глубокая тоска по родному дому:

...Зачем семьи родной безвестный круг
Я покидал? Все сердце грело там,
Все было мне наставник или друг,
Все верило младенческим мечтам.

Тарханы были тем местом, куда Лермонтов стремился при жизни и где мечтал обрести вечный покой:

...я родину люблю
И больше многих: средь ее покой
Есть место, где я горесть начал знать,
Есть место, где я буду отдыхать,
Когда мой прах, смешавшись с землей,
Навеки прежний вид оставит свой.

Это пророческое пожелание поэта сбылось. Он похоронен на расстоянии одного километра от усадьбы близ сельской церкви

Михаила Архангела в семейном склепе Арсеньевых. Над его могилой, как он и хотел, склоняет свои ветви и шумит листвой темный дуб...

Проводимые ежегодно в первое воскресенье июля Лермонтовские праздники поэзии постоянно собирают в Тарханы от 10 до 15 тысяч поклонников творчества великого сына России. На них читаются не только стихи самого поэта. Со своими произведениями здесь выступали гости из Москвы, Киева, Минска, Воронежа, Куйбышева, Саратова, Горького, Казани, Чебоксар, Иванова и других городов страны.

Очередной, XIX по счету, Всесоюзный Лермонтовский праздник поэзии состоялся 2 июля 1989 года. Он был посвящен 175-летию со дня рождения Михаила Юрьевича. В знаменитое русское село прибыли не только советские писатели, поэты, но и лермонтоведы из Германской Демократической Республики, Японии и других стран. Они передали музею-заповеднику свои исследования, посвященные М. Ю. Лермонтову, переводы его избранных сочинений на немецком языке.

Праздники обогащаются новыми формами их проведения. В частности, улица села, так называемая Бугор, превращается в «улицу мастеров». Здесь можно увидеть горшечников и кузнецов, бондарей и прях, кружевниц и вальщиков валенок. Своеобразно прошел в этом году и старинный русский праздник — семик, о котором говорилось в разделе экспозиции «Дом ключника». В нем приняли участие как жители села, так и многочисленные гости...

Неиссякаем поток благодарных почитателей Лермонтова в Тарханы. Неистребима жажда прикосновения к великому и бессмертному дереву поэзии. Люди идут и идут к своему Поэту... Идут, чтобы ощутить свою сопричастность с миром прекрасного и пережить волнующее чувство гордости за русского человека и человека вообще. И толстая книга отзывов все пополняется словами благодарности, восхищения и горечи:

«Москва, Петербург, Кавказ... Тарханы так далеки от них. Но нет ближе и дороже уголка земли русской, где вырос он — наш Лермонтов. Так светло и грустно на душе, когда бродишь по дому, по парку».

«Осталось неизгладимое впечатление. Все заставляет волноваться, вызывает чувство благоговения, восторга и тихой грусти. Счастливы, что смогли побывать здесь».

«Лермонтов в Тарханах стал мне ближе, я по-новому услышал его».

«Посетив музей Лермонтова, мы обогатили свои знания о его жизни, очарованы природой, которую сохранили до наших дней».

БАРСКИЙ ДОМ

После смерти Е. А. Арсеньевой в 1845 году барский дом оставался долгое время нежилым. Управляющий из крестьян довольствовался просторным флигелем во дворе, а наследники имения Столыпина жить в нем не собирались.

Писатель И. Н. Захарьин (Якунин), побывавший здесь в 1859 году, вспоминал: «Когда мы приехали в Тарханы и вошли в господский дом, то он оказался пустым, то есть в нем никто в то время не жил; но порядок и чистота в доме были образцовые, и он был полон мебели, той же, какая была восемнадцать лет назад, когда в этом доме жил Лермонтов». Говоря о мезонине, автор воспоминаний отметил: «Там, как и в доме же, все сохранилось в том виде и порядке, какие были во времена гениального жильца этих комнат. В запертом красного дерева со стеклами шкафе стояли на полках даже книги, принадлежавшие поэту».

Посетивший Тарханы в 1880—1881 годах П. А. Висковатов сообщал: «...в 1867 году дом было совсем решили продать на снос, но все разошлось из-за 50 рублей. Его даже стали разбирать». Пензенский журналист Н. Прозин в «Губернских ведомостях» от 13 декабря 1867 года извещал читателей: «Одноэтажный деревянный дом был прежде с мезонином, но мезонин недавно снят и стоит еще неразобраным тут же, на барском дворе». Однако вновь назначенный управляющим из дворян П. Н. Журавлев намерен был разместиться в барском доме, а не в скромном флигеле. Он приказал поставить мезонин на место, и одна из прежних комнат Лермонтова стала его кабинетом, а другая — спальней.

Имея возможность досконально изучить на месте все детали переустройства, Висковатов отметил, что после водворения мезонина на свое место «...дом был приведен в прежний порядок, с незначительными изменениями во внешнем виде. В 1881 году я снял с него план внешнего вида и внутреннего расположения...». Эти планы составляют сейчас огромную ценность, ибо дают единственную возможность в полной мере представить, каким был дом в лермонтовскую пору. Висковатов тщательно срисовал оба главных фасада здания — восточный и западный, — а в плане «внутреннего расположения» зафиксировал назначение комнат.

В настоящее время барский дом в основном предстает перед

нами в прежнем виде. Оба его фасада — восточный и западный — в окнах, в центре фасадов — балконы и террасы с круглыми колоннами, с южной и северной сторон перед входами маленькие крыльца. Железная крыша покрашена зеленой краской, тесовая обшивка стен — желтой, а балконы и колонны — белой.

Внутренняя планировка дома и назначение комнат также соответствуют тому, что здесь было прежде, и обставлены они подлинными предметами быта конца XVIII — первой половины XIX веков. Столы, стулья, кресла, диваны, шкафы изготовлены искусными мастерами из черного, красного дерева и карельской березы. Многие их детали украшены резьбой или позолоченной лепниной. В соответствии со временем стены оклеены цветными обоями. Мягкая мебель обшита атласом в тон обоям или материей с вышивками ручной работы. Уюту и красоте содействуют разнообразные роскошные люстры, настенные бронзовые светильники и настольные канделябры, статуэтки, вазы, зеркала, настенные, напольные и настольные часы, картины, тонкий русский фарфор и стекло. Вся обстановка как бы переносит нас в домашний мир поэта, раскрывает тему «Лермонтов в Тарханах».

В доме десять комнат. Девять из них занимали господа и одну — дворовые девушки-горничные.

Мы входим в дом через бывшие сени, что с южной стороны. На некоторое время задерживаемся в передней. В ней всего три экспоната, зато очень важные в истории Тархан.

Раскрашенная литография по рисунку М. Рудкевича (1842) — самое первое изображение тарханской усадьбы. Рисунок сделан со стороны села, от Большого пруда. В него вместились только церковь Марии Египетской и барский дом, наполовину скрытый деревьями. К сожалению, Рудкевич, не владея композицией (он не художник-профессионал, а землемер), нарушил пропорции.

Другой экспонат — «Четы-Минеи» на сентябрь 1754 года. Запись на страницах этой самой древней тарханской реликвии гласит, что передана она в тарханскую Никольскую церковь в дар от вдовы первого владельца села Якова Долгорукова княгини Анны Михайловны.

Размеры арсеньевских владений составляли, как это видно из плана межевания, утвержденного в 1800 году, 4081 десятина, из которых 3017 приходилось на пашню. Село в плане значилось Никольским, Яковлевским тож. Так оно именовалось в деловых бумагах, а в живой разговорной речи — Тарханами. Это название в конце концов за ним укрепилось и просуществовало до 1917 года. Как объясняется слово «тарханы»? Ответ находим в экономическом примечании к тому же плану. Здесь, кроме прочего, сообщается, что «крестьяне... сверх хлебопашества промысел имеют, скупая в других селениях мед, воск, сало, деготь и овчину, и продают по торгам и на ярмарках». Таких мелких торговцев называли тарханами.

На плане указан и участок тракта Пенза — Тамбов, прохо-

дивший по тарханской земле. Это немаловажное обстоятельство. Оно свидетельствует о том, что Тарханы не являлись глухим селом. Большая дорога не что иное как неиссякаемая артерия, по которой в обе стороны двигались не только повозки и люди, но и вести, плохие или хорошие, мелкие или общегосударственные.

Зала

Здесь обычно проводили время многочисленные гости. Троюродный брат поэта Аким Шан-Гирей вспоминал, что «дом был всегда набит битком», «когда собирались соседки, устраивались танцы и раза два был домашний спектакль». Видимо, и танцы и спектакли проводились в зале — самой большой комнате дома. Сюда же «святками каждый вечер приходили... ряженые из дворовых, плясали, пели, играли, кто во что горазд...». На пасху, «начиная со светлого воскресенья, зал наполнялся девушками, приходившими катать яйца».

На стенах залы, как это водилось в барских домах, в резных рамах фамильные портреты, выполненные неизвестными художниками: отца поэта Юрия Петровича (1787—1831), матери Марии Михайловны (1795—1817) и бабки Арсеньевой (1773—1845). Здесь же первое живописное изображение М. Ю. Лермонтова: ему не более трех лет. Румяный круглолицый мальчик с большими карими глазами. Только что перестал плакать. Слезы еще не высохли на его пухлых щеках, но улыбка уже рождается. Видимо, мальчику позволили заняться любимым делом, и он успокоился. В его руках необычные для такого возраста детей предметы: в левой — лист бумаги, в правой — мелок. Художник не случайно запечатлел их: с детства мальчик много рисовал.

Семья, из которой вышел поэт, считалась родовитой, хотя его отец Юрий Петрович был уже обедневшим дворянином. Ему и его четырем сестрам принадлежало в Ефремовском уезде Тульской губернии небольшое имение Кропотово, составлявшее всего 1150 десятин земли и 330 крепостных. Он окончил Петербургский Первый кадетский корпус и в чине прапорщика служил с 1804 года в Кексгольмском пехотном полку, но недолго. «Менее чем через 11 месяцев его переводят на службу в только что покинутый им кадетский корпус, что, конечно, может указывать на то, что молодой человек был у своего начальства на особенно хорошем счету. В 1810 году получает он чин поручика, а 7 ноября 1811 года увольняется в отставку, по болезни, с чином капитана и с мундиром. Во весь срок семилетней службы Лермонтов пользовался вниманием начальства. Три раза ему было объявлено «высочайшее удовольствие и благодарность».

Успешная карьера 24-летнего офицера прервалась, видимо, необходимостью поправить хозяйство. «Немногие, помнящие Юрия Петровича,— писал далее Висковатов,— называют его красавцем, блондином, сильно нравившимся женщинам, привлекательным в

обществе, веселым собеседником... Крепостной люд называл его «добрым, даже очень добрым барином».

Мария Михайловна тоже происходила из знатного рода Арсеньевых. Ко времени ее замужества отца Михаила Васильевича уже не было в живых, и имением управляла ее мать Елизавета Алексеевна, урожденная Столыпина.

Род Столыпиных известен был с XVI века, но особыми заслугами и богатством не отличался. И только отец Арсеньевой, Алексей Емельянович, сумел стать крупнейшим помещиком, пензенским предводителем дворянства, разбогатев на производстве и продаже вина. Он постарался дать сыновьям образование, без которого в чины пробиться становилось все труднее, а дочерям обеспечил хорошее приданое. На приданные деньги Елизаветы Алексеевны и были куплены Тарханы. Здесь она чувствовала себя полновластной хозяйкой не только по праву принадлежавшей ей собственности, но и в силу своего характера.

Как все Столыпины, Арсеньева была умна, практична, хлебосольна. Это, однако, не мешало ей быть, как и всем Столыпиным, высокомерной, гордой и властолюбивой. Такой она и изображена на портрете.

Мать поэта по своей натуре больше походила на своего покойного отца, Михаила Васильевича, которого называли «доброй душой», великодушным, человеком «благородного сердца», близко принимавшим и радости и беды других. «Мария Михайловна,— указывает Висковатов,— была одарена душою музыкальною и чувствительною». Она получила домашнее воспитание. Отец записал было ее в число пансионеров Петербургского Смольнского института благородных девиц на 1810 год; но сам 2 января того года неожиданно скончался, а Елизавета Алексеевна не отпустила от себя пятнадцатилетнюю дочь.

«Мария Михайловна,— свидетельствовал Висковатов,— родившаяся ребенком слабым и болезненным, и взрослою все еще глядела хрупким, нервным созданием».

Встреча будущих родителей Лермонтова произошла в селе Васильевском Тульской губернии, куда Мария Михайловна и ее мать заехали по пути в Москву к родне Михаила Васильевича. Деревня Лермонтовых находилась неподалеку, и Арсеньевы состояли в большой дружбе с обитателями Кропотова.

«Красивый молодой человек,— писал Висковатов,— с блестящими столичными приемами произвел на Марию Михайловну сильное впечатление. Женское население Кропотовки и Васильевского жарко принялись за дело, и, к радости или неудовольствию Елизаветы Алексеевны, молодые люди были помолвлены, и Мария Михайловна приехала с матерью в Тарханы объявленной невестой... Венчание происходило в Тарханах, с обычною торжественностью, при большом съезде гостей. Вся дворня была одета в новые платья». На свадьбе со стороны Юрия Петровича присутствовала одна из его сестер и мать Анна Васильевна.

Однако с самого начала новая семья создавалась на явно ненадежных принципах. Висковатов утверждал, что «ревнивая мать старалась отвлечь горячо любящую дочку» от Юрия Петровича. И дело совсем не в том, что Арсеньева хотела не такого зятя. Любимой бы молодой человек был неприятен ей и плох, потому что отнимал у нее дочь.

А Юрий Петрович относился к теще иначе. В своем завещании, перед лицом ожидаемой смерти, он не посмел кривить душой, обращаясь с такими последними словами к сыну. «Скажи ей, что несправедливости ее ко мне я всегда чувствовал очень сильно и сожалел о ее заблуждении, ибо, явно, она полагала видеть во мне своего врага, тогда как я был готов любить ее всем сердцем, как мать обожаемой мною женщины!.. Но бог да простит ей сие заблуждение, как я ей его прощаю!»

Но с чистосердечными отношениями Юрия Петровича Арсеньева не считалась. Она «чернила перед дочерью зятя своего,— констатирует Висковатов,— и взаимные отношения между супругами стали невыносимыми».

Бедная Мария Михайловна, оказавшаяся между двух огней, не выдержала и сгорела как свечка. В неполные двадцать два года злая чахотка свела ее в могилу. «В Тарханах долго помнили, как тихая, бледная барыня, сопровождаемая мальчиком-слугою, носившим за нею лекарственные снадобья, переходила от одного крестьянского двора к другому с утешением и помощью,— помнили, как возилась она с болезненным сыном. И любовь, и горе выплакала она над его головой... Посадив ребенка своего себе на колени, она заигрывалась на фортепиано, а он, прильнув к ней головой, сидел неподвижно, звуки как бы потрясали его младенческую душу, и слезы катились по его личику. Мать передала ему необычайную нервность свою».*

Мария Михайловна скончалась 24 февраля 1817 года. Ее сыну было всего 2 года и пять месяцев. Горе, охватившее близких, передалось и мальчику. В поэме «Сашка» Лермонтов передал сцену прощания:

Он был дитя, когда в тесовый гроб
Его родную с пеньем уложили.
Он помнил, что над нею черный поп
Читал большую книгу, что чадили,
И прочее... и что, закрыв весь лоб
Большим платком, отец стоял в молчанье.
И что когда последнее лобзание
Ему велели матери отдать,
То стал он громко плакать и кричать...

Похоронив жену, Юрий Петрович через девять дней покинул Тарханы. Он еще не знал, что у него собираются отнять и сына, но жестокий ультиматум Арсеньевой вскоре поставит его перед тяжелым выбором: или Миша поедет в Кропотово, но тогда ста-

нет бедным дворянином, или он до совершеннолетия будет при бабке, и она объявит его единственным наследником Тархан. Превращенная вражда вспыхнула с новой силой. «Я здесь как добыча, раздираемая двумя победителями, и каждый хочет обладать ею»,— писал Лермонтов в пьесе «Люди и страсти». И опять Юрий Петрович проявил истинное благородство. В своем завещании он так объяснил сыну великодушный поступок: «Тебе известны причины моей с тобой разлуки, и я уверен, что ты за сие укорять меня не станешь. Я хотел сохранить тебе состояние, хотя и с самою чувствительнейшею для себя потерей, и Бог вознаградил меня, ибо вижу, что я в сердце и уважении твоём ничего не потерял».

Семейная драма с годами стала известна Лермонтову и наложила тяжелый отпечаток на его душу. Он даже пытался разобраться в ней, и следы его печальных раздумий находим в его поэзии и ранней драматургии. Так, совершенно определенно и резко отрицательно он высказал свое отношение к завещанию бабки от 13 июня 1817 года (оно в ксерокопии находится на столе). В драме «Люди и страсти» шестнадцатилетний Лермонтов приводит почти дословно то место завещания, где определена его судьба.

Короткие встречи Лермонтова с отцом до самой смерти последнего в 1831 году сближали их. Отец с радостью встречал сына в Кропотово, регулярно навещал его в Москве. «Благодарю тебя, бесценный друг мой,— писал Юрий Петрович в завещании,— за любовь твою ко мне и нежное твое ко мне внимание, которое я мог замечать, хотя и лишен был утешенья жить вместе с тобою».

Отец очень внимательно присматривался к сыну, глубоко вникал в его интересы и поощрял творчество. Он самым первым, задолго до всех других, кто постоянно общался с ним, сумел рассмотреть его дарование и в своем завещании дал строгий наказ беречь это дарование и не злоупотреблять им: «Хотя ты еще и в юных летах, но я вижу, что ты одарен способностями ума,— не пренебрегай ими и всего более страшись употреблять оные на что-либо вредное или бесполезное: это талант, в котором ты должен будешь некогда дать ответ Богу!»

Смерти отца Лермонтов посвятил стихотворение, в котором писал:

Ужасная судьба отца и сына
Жить розно и в разлуке умереть,
И жребий чуждого изгнанника иметь
На родине с названьем гражданина!
Но ты свершил свой подвиг, мой отец,
Прстигнут ты желанною кончиной;
Дай бог, чтобы, как твой, спокоен был конец
Того, кто был всех мук твоих причиной!
Но ты простишь мне! Я ль виновен в том,
Что люди угасить в душе моей хотели
Огонь божественный, от самой колыбели
Горевший в ней, оправданный творцом?
Однако ж тщетны были их желанья:
Мы не нашли вражды один в другом,
Хоть оба стали жертвою страданья!..

Ранняя смерть родителей, страдания, которые они перенесли, вызывали в чутком сердце Лермонтова неизменную печаль. Их судьбу он связывал тесно со своей, и потому будущее ему представлялось нерадостным. В нем он видел продолжение несчастий, которые преследовали его отца и мать.

Я сын страданья. Мой отец
Не знал покоя по конец.
В слезах угасла мать моя:
От них остался только я,
Ненужный член в пиру людском,
Младая ветвь на пне сухом;
В ней соку нет, хоть зелена,—
Дочь смерти — смерть ей суждена!

Лермонтов не запомнил свою мать из-за малолетства, но ему запомнилось, что она пела ему. Вниманию посетителей представлена его запись (в ксерокопии), которую он сделал в шестнадцать лет: «Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал: ее не могу теперь вспомнить, но уверен, что, если бы услышал ее, она бы произвела прежнее действие. Ее пела мне покойная мать».

Рядом с запиской парадный носовой платок Марии Михайловны. На тончайшем батисте вышит герб Лермонтовых, под которым можно прочесть: «Maria». У окна старинный рояль с нотами, он напоминает нам о печальной песне, звучавшей в Тарханах. Как в память о ней, в простенках над фортепиано посетитель увидит две работы (в копиях): «Мадонна с младенцем» (акварель) и «Ребенок, тянущийся к матери» (карандаш). Их подросток Лермонтов срисовал с итальянских гравюр. На последней изображен ребенок и руки его матери. Возможно, что в этом рисунке переданы собственные ощущения самого рисовальщика: ему запомнились ласковые, нежные руки матери, а ее образ остался неясным.

Воспоминаниями о матери навеяны также «Казачья колыбельная песня» и стихотворение «Ангел».

Гостиная

В гостиной, куда мы последуем из залы, как и во времена Лермонтова, стены оклеены обоями голубого цвета. Диван, канapé, кресла обшиты бледно-голубым в широкую полоску атласом.

Парадный вход в гостиную с весны до осени вел через высокую стеклянную дверь с террасы. На зиму эта дверь закрывалась.

Вместе с гостями в барский дом проникали различные известия. И хотя Тарханы очень далеко от Петербурга, но и сюда дошел экземпляр газеты «Русский инвалид» (№ 302), в котором сообщалось о событиях в столице 14 декабря 1825 года. Во время

арестов декабристов неожиданно и загадочно скончался брат Арсеньевой Д. А. Столыпин (его портрет находится в гостиной). Участник войны 1812 года, Дмитрий Алексеевич Столыпин (1785—1826) был мыслящим человеком. Он написал статью «В чем состоит употребление и польза конной артиллерии» (1808), ввел в своем корпусе ланкастерские школы для обучения солдат, знал П. И. Пестеля. В его имении Середниково, будучи воспитанником Московского благородного пансиона и студентом Московского университета, Лермонтов проводил летние каникулы.

Обер-прокурор сената Аркадий Алексеевич Столыпин (1778—1825) тоже считался прогрессивным человеком. В экспозиции представлены его переводы с французского повестей «Памела, или Приемыш» (1794), «Благотельный государь» (1795) и сборника афоризмов «Восточный моралист» (1794).

Аркадий Алексеевич был зятем известного своей оппозиционностью члена Государственного совета, сенатора Н. С. Мордвинова (литография Г. Гиппиуса). О Мордвинове положительно отзывался А. И. Герцен, а Рылеев отметил его высокую человеческую ответственность в оде «Гражданское мужество». В случае победы декабристы собирались включить Мордвинова в свое правительство.

Аркадий Алексеевич дружил с декабристами, и они возлагали на него, видимо, надежду, что он поддержит их во время выступления, но Аркадий Алексеевич не дожид до рокового дня: он умер в мае 1825 года. Рылеев в послании к его вдове Вере Николаевне высказался определенно, причислив и Мордвинова и Столыпина к лучшим людям России. Это стихотворение напечатано в газете «Северная пчела», которую посетители и видят на столе в гостиной.

Рылеев не ошибся, прославив гражданское мужество Мордвинова: он единственный из судей не подписал смертного приговора декабристам и требовал смягчения наказания остальным.

Все эти события не прошли мимо внимания одиннадцатилетнего впечатлительного и вдумчивого мальчика. Суровая действительность неумолимо вторглась в его жизнь, заставляя задумываться над нею, над судьбой своих близких, над собственной судьбой.

В пятнадцать лет он писал:

Везде утечи есть толпе простонародной;
Но тот, на ком лежит уныния печать,
Кто, юный, потерял лета златые,
Того не могут утешать
Ни дружба, ни любовь, ни песни боевые!..

В гостиной большой портрет знаменитого государственного деятеля России М. М. Сперанского (1772—1839) (неизвестный художник, масло). Этот портрет находился в барском доме с лермонтовских времен. Как ближайший друг Аркадия Алексеевича, Сперанский пользовался большой поддержкой многочисленной и

влиятельной родни Столыпиных в Пензе, когда оказался в опале и вынужден был довольствоваться в 1816—1819 годах скромной должностью пензенского гражданского губернатора. С Аркадием Алексеевичем он состоял в эти годы в постоянной переписке, и в числе прочего Сперанский сообщал другу, как заболела его племянница Мария Лермонтова, как она скончалась и как тревога охватила всех Столыпиных, когда возникла опасность, что Юрий Петрович заберет сына в Кропотово. Видимо, не без участия этого хитрого и умного царедворца было составлено завещание Арсеньевой, о котором шла речь выше. По крайней мере, собственноручная подпись опального вельможи фигурирует среди подписей пензенских дворян на этом документе. Сперанский побывал и в Тарханах. В его дневнике за 7 марта 1821 года оставлена такая запись: «Тарханы. Посещение Елизаветы Алексеевны. Действие кавказских вод. Совершенное исцеление».

Речь идет о лечении Миши Лермонтова на целебных кавказских водах, куда его возили в 1821 году. Первая поездка в 1818 году дала, видимо, положительный результат, а вторая «совершенно исцелила», как указано в дневнике сановника.

Столовая

В центре находится круглый стол с приставленными к нему стульями — в стиле жакоб, у стены большой шкаф для посуды. На столе, покрытом скатертью, столовые приборы на шесть человек.

В маленькой витрине журнал «Отечественные записки» за 1825 год, № 64. В нем упомянуто имя Лермонтова как посетителя кислородного источника Кавказских Минеральных Вод. На одной из страниц читаем: «...Арсеньева Елизавета Алексеевна, вдовопорутчица из Пензы, при ней внук Михайло Лермонтов, родственник ее Михайло Пожогин, доктор Ансельм Левиз, учитель Иван Капа, гувернерка Христина Ремер».

Здесь перечислено ближайшее тарханское окружение будущего поэта. Михайло Пожогин — это родной племянник Юрия Петровича. Взятый в товарищи к своему двоюродному брату Мише Лермонтову в шестилетнем возрасте, он несколько лет прожил в Тарханах.

Немка Христина Осиповна Ремер — бонна. Она приняла двухлетнего Мишу от кормилицы. «Это женщина строгих правил, религиозная, — писал Висковатов. — Она внушала своему питомцу чувство любви к ближним, даже и к тем, которые по положению находились от него в крепостной зависимости. Избави бог, если кого-нибудь из дворовых он обзовет грубым словом или оскорбит. Не любила этого Христина Осиповна, стыдила ребенка, заставляла его просить прощения у обиженного. Вся дворня высоко чтила эту женщину, для мальчика же ее влияние было благотельно. Всеобщее баловство и любовь делали из него баловня,

в котором, несмотря на прирожденную доброту, развивался дух своеволия и упрямства, легко при недосмотре переходящий в детях в жестокость».

Француз Жан Капэ — гувернер.

Немец Ансельм Леви — домашний врач, в Тарханах, видимо, с 1818—1821 годов. Он обучался медицине у отличных специалистов, хорошо освоил ботанику, физиологию, химию, физику, анатомию, хирургическую анатомию, оперативную хирургию, общую и частную терапию и нозологию. Кроме того, как сказано в его личном деле, изучал минералогию, фармакологию и искусство выписывания рецептов, а также натуральную историю: натуральную философию и методологию. В 1804 году Леви в Геттингенском университете защитил диссертацию о проказе у ребенка. Так что лечил будущего поэта высококвалифицированный специалист, тем более что в раннем детстве мальчик страдал золотухой.

Поездки на Кавказ, особенно последняя, произвели на Лермонтова неизгладимое впечатление. Величественная дикая природа этого края восхищала и будоражила воображение. В экспозиции автограф (ксерокопия) отрывка: «Синие горы Кавказа, приветствую вас! вы взлелеяли детство мое; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры все мечтаю об вас да о небе».

Высокие снежные вершины, глубокие скалистые ущелья, быстрые пенные и шумные реки — все занимало его, как и люди, воинственные и смелые. В то же время еще шла война с горцами, впечатлениями о стычках с ними были наполнены разговоры взрослых, тем более что у сестры Арсеньевой Екатерины Хастатовой поместье находилось на границе с воинственной Чечней. Ей было что порассказать. Постоянно же она жила в небольшой усадьбе Горячеводска, как тогда именовался Пятигорск. Сюда и привозили Лермонтова на лечение. В Горячеводске подросток видел на каждом шагу приметы войны: то пройдут походным порядком в полном боевом снаряжении солдаты, то проскачут на лихих конях казаки, то провезут раненых.

Здесь же Лермонтов видел мирных горцев. На литографии К. Бегрова представлены «Водонос», «Кахетинка», на гравюре по рисунку Е. Каричева «Уздень, или Благородный черкес Большой Кабарды». На акварели Гейслера изображена одна из пяти гор, стоящих в виду города. Сохранился детский рисунок Лермонтова того времени. Под ним надпись на французском языке: «М. Л. Год 1825. На горячих водах».

На Кавказе произошло большое событие в жизни будущего поэта: он встретил здесь свою первую любовь. В «Записке 1830 года, 8 июля. Ночь» (автограф в ксерокопии) говорится: «Кто мне поверит, что я знал уже любовь, имея десять лет от роду?

Мы были большим семейством на водах Кавказских... К моим кузинам приходила одна дама с дочерью, девочкой лет девяти... Я

не помню, хороша собою была она или нет. Но ее образ и теперь еще хранится в голове моей; он мне любезен, сам не знаю почему... С тех пор я ничего подобного не видал или это мне кажется, потому что я никогда так не любил, как в тот раз. Горы Кавказские для меня священны...»

Глубокие впечатления, которые остались в восприимчивой душе Лермонтова от поездки на юг, он отразил в стихотворении «Кавказ», автограф которого представлен (в ксерокопии):

Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ...

Я счастлив был с вами, ущелия гор,
Пять лет пронеслось: все тоскую по вас.
Там видел я пару божественных глаз;
И сердце лепечет, вспомя тот взор:
Люблю я Кавказ!..

Кроме Кавказа, большое влияние в детстве на будущего поэта оказали рассказы об Отечественной войне 1812 года и особенно Бородинском сражении. Прекрасные гравюры украшают стены столовой. Здесь портреты М. И. Кутузова (гравюра с портрета Волкова, 1814), Барклая де Толли (гравюра с портрета Дау), А. П. Ермолова (гравюра с портрета Дау), гравюра «Пожар Москвы» (неизвестный автор, 1812), «Сражение при Бородине» и «Бегство французов из Москвы 12 октября 1812 г.» (гравюры, изданные С. Карделли). Здесь же лубочные карикатуры на французов.

В Тарханах на барской усадьбе жили ополченцы Отечественной войны, а в доме кормилицы поэта — Дмитрий Федорович Шубенин. Не от них ли будущий поэт впервые узнал, что если русский народ поднимается, то он пойдет «ломить стеною», уж постоит он «головою за родину свою»?

Чайная

Чаепитие в дворянском быту было распространено повсеместно и обставлено в каждом барском доме в соответствии со вкусами и возможностями господ. В Тарханах для чаепития отвели отдельную комнату. На столе мы видим посеребренные самовар и поднос (конец XVIII в.) и фарфоровые чашку с блюдцем. Здесь же две горки посуды из фарфора и стекла.

Мягкие кресла и диван, картины на стенах, белые батистовые шторы на окнах, бледно-зеленый цвет обоев — все создает атмосферу уюта, располагает к неторопливым и душевным беседам за чашкой чая.

Стены чайной украшают полотна западноевропейских художников XVII—XVIII веков: «Пейзаж с тополями», «Голова ста-

рика», «Площадь святого Марка в Венеции». Эти работы соответствуют тематике ранних стихов Лермонтова.

Мы знаем имена его любимых художников. Гениальный Рафаэль (в экспозиции гравюра с автопортрета Рафаэля), другой великий художник Возрождения — Пьетро Перуджина. Их творения оживают в памяти поэта, когда он говорит о чем-то прекрасном, идеальном:

Влюбился я. И точно хороша
Была не в шутку маленькая Нина.
Нет, никогда свинец карандаша
Рафаэля иль кисти Перуджина
Не начертали, пламенем дыша,
Подобный профиль...

Это из «Сказки для детей». А в поэме «Сашка» возникает впечатление от полотен знаменитого итальянца Гвидо Рени:

И кто бы смел изобразить в словах,
Что дышит жизнью в красках Гвидо-Рени?
Гляжу на дивный холст: душа в очах,
И мысль одна в душе,— и на колени
Готов упасть, и непонятный страх,
Как струны лютни, потрясает жилы;
И слышишь близость чудной тайной силы...

В экспозиции гравюра Цукки с картины Гвидо Рени «Апостол Петр».

Но самый любимый художник Лермонтова — Рембрандт. Одно из стихотворений поэт озаглавил «На картину Рембрандта». В поэме «Сашка» у Лермонтова снова Рембрандт:

Дремало все, лишь в окнах изредка
Являлась свечка, силуэт рубчатый
Старухи, из картин Рембрандта взятый,
Мелькая, рисовался на стекле
И исчезал...

Классная

Для занятий науками юному Лермонтову была отведена отдельная комната. Вместе с ним в Тарханах обучались мальчики родственников и знакомых, тех, кто не имел средств содержать гувернеров самостоятельно. С другой стороны, бабушку пугало общение внука со сверстниками из крестьян, и, чтобы оградить его от чуждого и вредного, как она считала, влияния, она согласилась принять в дом детей своего сословия. Здесь в разное время проживали два брата Юрьевых, двое Максютых, Николай Давыдов, двоюродные братья Николай и Михаил Пожогин-Отрашкевичи (о последнем уже упоминалось) и с 1825 года Аким Шан-Гирей.

Лермонтов стал учиться лет с семи-восьми. На портрете (неизвестный художник, масло) он изображен примерно в этом воз-

расте. «В детстве наружность его,— вспоминал М. Е. Медиков,— невольно обращала на себя внимание: приземистый, маленький ростом, с большой головой и бледным лицом, он обладал большими карими глазами, сила обаяния которых до сих пор остается для меня загадкой. Глаза эти, с умными, черными ресницами, делавшими их еще глубже, производили чарующее впечатление на того, кто бывал симпатичен Лермонтову».

Михаил Пожогин-Отрашкевич о годах, проведенных вместе с Лермонтовым в Тарханах, рассказывал следующее: «Лермонтов в эту пору был ребенком слабого здоровья, что, впрочем, не мешало ему быть бойким, резвым и шаловливым. Учился он... прилежно, имел особенную способность и охоту к рисованию, но не любил сидеть за уроками музыки. В нем обнаруживался нрав добрый, чувствительный, с товарищами детства был обязателен и услужлив, но вместе с этими качествами в нем особенно выказывалась настойчивость...»

Несмотря на то что уроки музыки Лермонтову не нравились, музыку он любил, играл на скрипке, фортепьяно и флейте, и Аким Шан-Гирей указывал, что он «занимался часто музыкой». Сам Лермонтов в шестнадцать лет писал: «Музыка моего сердца была совсем расстроена нынче. Ни одного звука не мог я извлечь из скрипки, из фортепьяно, чтоб они не возмутили моего слуха». Аким Шан-Гирей подчеркивал, что «вообще он был счастливо одарен способностями к искусствам; уже тогда (то есть в Тарханах.— *Авт.*) рисовал акварелью довольно порядочно и лепил из крашеного воску целые картины; охоту за зайцами с борзыми, которую раз всего пришлось видеть; вылепил очень удачно также переход через Граник и сражение при Арбеллах, со слонами, колесницами, украшенными стеклярусом и косами из фольги».

Посетитель имеет возможность увидеть (в копиях) детские акварели Лермонтова «Пейзаж с березами», «Древняя рать», «Кавказский пленник».

Ксерокопия заглавного листа поэмы «Черкесы» тоже находится в классной. На последнем листе рукописи есть надпись: «В Чембаре за дубом». Чембар — это ближайший с Тарханами город. В его окрестностях есть дубовая роща, где, по преданию, поэт сочинил эту поэму.

В классной же имеются образцы крашеного воска, из которого он лепил фигуры и даже целые сцены, а гравюра А. Грачева, изображающая переход войск Александра Македонского через Граник, дает представление о мастерстве Лермонтова-подростка, вылепившего эту сложную композицию.

Подлинный рисунок поэта в альбоме Нарышкиных «Бьющиеся всадники» в сравнении с детскими работами помогает увидеть, как возросло его умение передавать на бумаге напряженное действие; Эта работа — произведение уже зрелого мастера.

Занятия развлекательного характера, развивавшие художественные способности Лермонтова и возбуждавшие его интерес к

искусству, чередовались с уроками по изучению сенов наук и иностранных языков. Уже в Тарханах десятилетний Лермонтов знал -французский и немецкий: автографы на этих языках он оставил в 1824 году на учебнике «Книга хвалений, или Псалтырь» (в экспозиции муляж). Через несколько лет он освоил английский, а впоследствии занялся изучением азербайджанского.

В классной на столе экземпляры тех же изданий учебников, по которым Лермонтов занимался в Тарханах: это «Ручная математическая энциклопедия» (т. 1., Арифметика, 1826) и учебник русского, французского и немецкого языков «Зрелища вселенная».

На полке «Новейшая детская энциклопедия, содержащая в себе подробнейшие начертания наук и художеств, с гравированными картинками» (1809), «Детское чтение для сердца и разума» (1819), «Детский театр для образования сердца и разума» (1819) и другие. В шкафу книги по истории. Здесь девять частей «Древней и новой истории» Милота (1785), десять томов «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (1818—1824), «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе» Броневского (1823).

Истории в Тарханах уделяли внимание особое. Это отмечает и сам тринадцатилетний Лермонтов в письме к Марии Акимовне Шан-Гирей в 1827 году, только что прибыв из Тархан в Москву. Одновременно он сообщает и о других предметах, углубленное изучение которых продолжил на новом месте: «Я думаю, что вам приятно будет узнать, что я в русской грамматике учу синтаксис и что мне дают сочинять; я к вам пишу это не для похвалы, но, собственно, оттого, что вам это будет приятно; географию я учу математическую; по небесному глобусу градусы, планеты, ход их и прочее; прежнее учение истории мне очень помогло».

Интерес к истории у Лермонтова с детства возник под влиянием губернатора Жана Капэ; наставник являл собою живой обломок величайших исторических событий, потрясавших Европу в течение двух десятилетий. Участник похода в Россию, сержант наполеоновской гвардии, по словам Акима Шан-Гирея, «высокий и худощавый француз с горбатым носом» попал к нам в плен и остался в России навсегда. Но в сердце наполеоновского ветерана не могла умереть память о «герое дивном», о кумире «седых дружин», и в лице будущего поэта Жан Капэ нашел благородного слушателя своих нескончаемых рассказов о Французской революции и казни Людовика XVI, о стремительном и блистательном взлете славы Наполеона, о его многочисленных победоносных походах, о печальном конце на острове Святой Елены. Преклонение Лермонтова перед Наполеоном получило отражение в целом ряде стихотворений, самые яркие из которых «Воздушный корабль» (1840) и «Последнее новоселье» (1841). Вместе с тем поэт без колебаний вставал во враждебную позицию к Наполеону, когда перед ним возникала тема «Наполеон и Россия». Так, с чувством национальной гордости в стихотворении «Два великана» он рисует победу

русского народа над французским нашествием. К тому же отмечает, что именно разгром в России привел в конечном счете Наполеона к бесславному концу:

И пришел с грозой военной
Трехнедельный удалец,—
И рукою дерзновенной
Хвать за вражеский венец.

Но улыбкой роковую
Русский витязь отвечал:
Посмотрел — тряхнул главою...
Ахнул дерзкий — и упал!

Но упал он в дальнем море,
На неведомый гранит,
Там, где буря на просторе
Над пучиною шумит.

В экспозиции находится английская гравюра «Казнь Людовика XVI* (1795) и акварель, изображающая Наполеона на коне.

Несомненное влияние на обучение и воспитание Лермонтова в Тарханах оказывала Мария Акимовна Шан-Гирей, жившая в барском доме с 1825 года, а с 1926-го — в соседней Апалихе. Она окончила Смольный институт, и в тарханском захолустье никто, конечно, не мог равняться с нею в уровне образованности. Кроме того, у нее с двоюродным племянником сложились добрые, дружеские отношения на почве общей любви к искусству, и тетка стала его первой наставницей в самом начале его творческого пути.

Как будущий художник слова, Лермонтов в Тарханах воспитывался на произведениях лучших русских и европейских поэтов. Сохранилась большая тетрадь в голубом бархатном переплете с вышитой на лицевой стороне монограммой «М. Л.», в которую в 1826— 1827 годах Лермонтов переписывал полюбившиеся ему поэтические творения. В этой тетради находятся стихотворения Лагарпа и Сент-Анжа, поэма Пушкина «Бахчисарайский фонтан» и поэма Байрона «Шиньонский узник» в переводе Жуковского. В экспозиции представлен подлинный лермонтовский экземпляр третьей главы романа «Евгений Онегин», изданной в 1827 году. Начинаящий поэт привез ее в Тарханы весной 1828-го, и она долго хранилась в барском доме в том самом шкафу с книгами, о котором упоминал Захарьин (Якунин).

Обучение в Тарханах было столь успешным, что после экзаменационной подготовки в Москве Лермонтов смог поступить сразу в четвертый класс университетского Благородного пансиона. А. 3. Зиновьев, готовивший Лермонтова к экзаменам, а потом учивший его в пансионе, оставил такой отзыв: «Миша учился прекрасно, вел себя благородно, особенные успехи оказывал в русской словесности... Как теперь, смотрю я на милого моего питомца, отличившегося на пансионном акте... Среди блестящего собрания он прекрасно произнес стихи Жуковского к Морю и за-

служил громкие рукоплескания. Он и прекрасно рисовал, любил фехтование, верховую езду, танцы, и ничего в нем не было неуклюжего: это был коренастый юноша, обещавший сильного и крепкого мужа в зрелых летах».

Взрослея, Лермонтов все больше начинает интересоваться своей родословной. Если при поступлении в пансион в 1828 году под прошением он пишет свою фамилию через «а» «Лермантов», как писали его родители, то вскоре «а» он заменяет на «о». Он узнал, что родоначальником фамилии Лермонтовых был не испанский герцог Лерма, а шотландец Георг Лермонт, перешедший на русскую военную службу в 1613 году. Романтически настроенного подростка взволновало это известие. Страна предков Шотландия надолго заняла его воображение, и тяга к ней наиболее полно передана в стихотворении «Желание», которое как нельзя кстати иллюстрирует картина «Шотландский замок» (начало XVI в.).

Зачем я не птица, не ворон степной,
Пролетевший сейчас надо мной?
Зачем не могу в небесах я парить
И одну лишь свободу любить?

На запад, на запад помчался бы я,
Где цветут моих предков поля,
Где в замке пустом, на туманных горах,
Их забвенный покоится прах.

На древней стене их наследственный щит
И заржавленный меч их висит.
Я стал бы летать над мечом и щитом,
И смахнул бы я пыль с них крылом;

И арфы шотландской струну бы задел,
И по сводам бы звук полетел;
Внимаем одним, и одним пробужден,
Как раздался, так смолкнул бы он.

Но тщетны мечты, бесполезны мольбы
Против строгих законов судьбы.
Меж мной и холмами отчизны моей
Расстилаются волны морей...

Комнаты Лермонтова

В настоящее время комнаты обставлены приблизительно так же, как это было в его последний приезд, а первоначально одна служила спальней, другая — для игр. Хотя практически в его распоряжении был весь дом, ибо его желания исполнялись, «все должны были,— вспоминал С. А. Раевский,— угождать ему, забавлять его». Однако воспитатели рано стали приучать его к порядку и следили за ним. Кроме того, болезненность в детстве принуждала мальчика проводить в постели больше времени, чем если бы он был здоров.

В автобиографическом отрывке «Я хочу рассказать вам» Лермонтов писал: «Его спасли от смерти, но тяжелый недуг оставил его в совершенном расслаблении: он не мог ходить, не мог поднять ложки... Болезнь эта имела важные следствия и странное влияние на ум и характер Саши: он выучился думать. Лишенный возможности развлекаться обыкновенными забавами детей, он начал искать их в самом себе. Воображение стало для него новой игрушкой. Недаром учат детей, что с огнем играть не должно. Но увы! никто и не подозревал в Саше этого скрытого огня, а между тем он обхватил все существо бедного ребенка. В продолжение мучительных бессонниц, задыхаясь между горячих подушек, он уже привыкал побеждать страдание тела, увлекаясь грезами души».

Здесь, в этих невысоких комнатах барского дома, начал рождаться гений. Горячее воображение, недетские мысли, восторг от непонятного внутреннего творческого вдохновения — все это впервые возникло здесь. Что Лермонтов очень рано почувствовал в себе, скрывая от других, «огонь божественный», подтверждают собственные поэтические признания:

В уме своем я создал мир иной
И образов иных существованье...

Таится пламень неземной
Со дней младенчества во мне...

На мягком ложе сна не раз во тьме ночной,
При свете трепетном лампы образной,
Воображением, предчувствием томимый,
Я предавал свой ум мечте непобедимой.

31 декабря 1835 года бывшие детские комнаты вновь приютили своего прежнего жильца. Он прилетел в родное гнездо, как только получил свой первый отпуск. Портрет (в копии) работы художника П. Е. Заболотского (1837) дает представление, как выглядел поручик лейб-гвардии Гусарского полка в это время. Современники признавали большое сходство этого изображения с оригиналом, но, к сожалению, Заболотский не смог передать всей живости лица и глубины и богатства его мысли. Это сделать было очень трудно, о чем другой художник, М. Е. Меликов, писал: «Я никогда не в состоянии был бы написать портрет Лермонтова при виде неправильностей в очертании его лица, и, по моему мнению, один только К. П. Брюллов совладел бы с такой задачей, так как он писал не портреты, а взгляды». Зато Меликов оставил описание Лермонтова, которое по времени почти совпадает с изображением Заболотского: «Он был одет в гусарскую форму... Я видел перед собой не ребенка и юношу, а мужчину во цвете лет, с пламенными, но грустными по выражению глазами, смотрящими на меня приветливо, с душевной теплотой».

После более чем семилетней разлуки с Тарханами Лермонтов

вновь оказался в уютной домашней обстановке, среди привычных и любимых с детства вещей. В интерьере первой комнаты два глубоких мягких кресла, обитых коричневым штофом, что сохранилось с той поры. В большом шкафу за стеклами книги из круга чтения поэта, а над диваном — одна из самых больших и лучших его живописных работ «Кавказский вид близ селения Сиони». Картина подтверждает мнение специалистов о том, что всесторонне одаренный Лермонтов мог бы стать замечательным художником. На стене той же комнаты два его рисунка (в копии) — «Тройка» и акварель «Маневры в Царском Селе».

Живописное наследие Лермонтова в настоящее время насчитывает 30 работ маслом, 51 акварель и около 450 рисунков пером и карандашом в альбомах и на отдельных листах.

Перед посетителем на столике немые спутники его скитаний: дорожная шкатулка орехового дерева, пенковая трубка в золоченой оправе с янтарным мундштуком и портсигар с папиросами. В шкатулке поэт хранил деньги, документы, письма, и она путешествовала с ним до самого конца, пока не попала в опись его вещей после дуэли. Вместе с гробом шкатулка была привезена из Пятигорска его дядькой А. И. Соколовым и оставалась у его потомков до открытия музея.

Портсигар жестяной, в нем пять папирос. На его лицевой крышке изображена пятнистая охотничья собака. На внутренней стороне крышки начерчено острым: «Лермонтов — убит Мартыновым в Пятигорске 1841-го июля 15-го. Грустное воспоминание! Подарена Лермонтовым А. Г. Реми». А. Г. Реми — сослуживец поэта по лейб-гвардии Гусарскому полку. Его портрет работы художника А. И. Клюндера представлен в экспозиции. Рядом портреты гусаров того же полка П. П. Годаина и В. А. Сипягина, «любившего Лермонтова, как брата».

С гусарами Лермонтова связывали чисто внешние обстоятельства жизни: учеба в юнкерской школе, а потом служба. «Насмешливый, едкий, ловкий, — вспоминала Е. П. Ростопчина, — проказы, шалости, шутки всякого рода сделались его любимым занятием; вместе с тем, полный ума, самого Р^егтягаго, богатый, независимый, он сделался душою общества молодых людей высшего круга; он был первым в беседах, в удовольствиях, в кутежах, словом, во всем том, что составляет жизнь в эти годы».

Но душа Лермонтова не лежала к тому, чем довольствовалось его окружение. Он внутренне задыхался в той атмосфере, куда толкнула его судьба. Лучшим другом для него был, по его собственным словам, он сам.

С собой, с своей совестью вел Лермонтов долгие разговоры, которые потом переносил на бумагу.

В Тарханах для творчества были идеальные условия. В комнате, обставленной как кабинет, большой письменный стол. На столе книги любимых Лермонтовым русских и западных авторов, и среди них — кумир Пушкин. «Перед Пушкиным он благогове-

ет,— писал Белинский,— и больше всего любит «Онегина». Облик Пушкина в кабинете Лермонтова представлен гравюрой Н. Уткина с портрета О. Кипренского (1827). «Тарханская зима» для Лермонтова стала источником многих воспоминаний и творческих поисков.

В центре стола — свидетельница творческих свершений Лермонтова — его фарфоровая чернильница в виде сидящего льва. Рядом — бронзовая печатка с инициалами «ML». Ею поэт опечатывал свои письма. Одно из них (в ксерокопии) лежит на столе. Оно было отправлено Святославу Раевскому в Петербург 16 января 1836 года. «Я теперь живу в Тарханах, в Чембарском уезде (вот тебе адрес на случай, что ты его не знаешь),— извещал Лермонтов своего друга. Из письма мы узнаем, что снега и метели, забившие дороги, радовали Лермонтова, ибо давали ему возможность хоть здесь остаться подольше наедине с пером, чернильницей и листом бумаги: «...слушаю, как под окном воет метель (здесь все время ужасные, снег в сажень глубины, лошади вязнут... и соседи оставляют друг друга в покое, что, в скобках, весьма приятно)... пишу четвертый акт новой драмы, взятой из происшествия, случившегося со мною в Москве».

Считается, что «новая драма» — это драма «Два брата». В ней получила отражение любовь Лермонтова к Варваре Александровне Лопухиной. Один из трех ее акварельных портретов работы Лермонтова (в копии) находится в кабинете. «Будучи студентом,— вспоминал Аким Шан-Гирей,— он был страстно влюблен... в молоденькую, милую, умную, как день, и в полном смысле восхитительную В. А. Лопухину; это была натура пылкая, восторженная, поэтическая и в высшей степени симпатичная... Чувство к ней Лермонтова было безотчетно, но истинно и сильно, и едва ли не сохранил он его до самой смерти своей...»

Увлечения Лермонтова другими женщинами не смогли стереть в его сердце образ Вареньки Лопухиной. Ей он посвящает много замечательных стихотворений и поэму «Демон». В стихотворении «Нет, не тебя так пылко я люблю...» (1841) поэт называет ее «подругой юных дней» и признается в постоянной верности:

Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье:
Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.

Когда порой я на тебя смотрю,
В твои глаза вникая долгим взором:
Таинственным я занят разговором,
Но не с тобой я сердцем говорю.

Я говорю с подругой юных дней;
В твоих чертах ищу черты другие;
В устах живых уста давно немые,
В глазах огонь угаснувших очей.

По пути в Тарханы Лермонтов навестил в Москве Лопухину и все время пребывания дома находился под впечатлением не-радостной встречи. Он узнал, что она несчастлива со старым и ревнивым мужем, за которого вышла, вероятно, под давлением родителей, и поэту тяжело было не видеть огня «угаснувших очей».

Из того же письма к Раевскому видно, что Лермонтова беспокоила судьба «Маскарада». «Я опасаюсь,— писал он,— что моего «Арбенина» снова не пропустили, и этой мысли подало повод твое молчание». Опасения его оказались, к сожалению, напрасными. Цензура не пропустила пьесу к постановке, и при жизни Лермонтова «Маскарад» не ставился на сцене. На столе посетители видят писарскую копию титульного листа «Маскарада» (в ксерокопии), а также стихотворение «Умиравший гладиатор» (тоже в ксерокопии), представляющее собой вольное переложение четвертой песни из поэмы Байрона «Чайльд Гарольд». Под этим стихотворением дата: «2 февраля 1836 года».

Прекрасная литография Бове с рисунка Баратира передает вдохновенный облик великого английского поэта. Судьба Байрона притягивала молодого Лермонтова; который видел в ней нечто схожее со своей. Эту мысль он воплотил в 1830 году в поэтические строки:

Я молод; но кипят на сердце звуки,
И Байрона достигнуть я б хотел,
У нас одна душа, одни и те же муки,—
О, если б одинаков был удел!..

Как он, ищу забвенья и свободы,
Как он, в ребячестве пылал уж я душой,
Любил закат в горах, пенящиеся воды
И бурь земных и бурь небесных вой.

Но скоро молодой поэт осознает, что ему предначертан другой путь:

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой...

Обращаясь вновь к Байрону в «Умиравшем гладиаторе», Лермонтов вносит свое: он «усиливает трагическое звучание стихов», «дает значительно более резкую характеристику римской толпе», называет ее «развратным Римом». Очевидна социальная направленность стихотворения Лермонтова, осуждение «бесчеловечных законов общества и государства».

В тарханской глуши и долгожданном уединении перед Лермонтовым вновь чередой прошли годы детства и юности. Многие черты их воплотились в стихотворные строки поэмы «Сашка», которую поэт писал здесь же в ту зиму. Среди этих строк очень точные о себе:

Он не имел ни брата, ни сестры,
И тайных мук его никто не ведал.
До времени отвыкнув от игры,
Он жадному сомнению сердце предал,
И, презрев детства милые дары,
Он начал думать, строить мир воздушный
И в нем терялся мыслию послушной.

Как память о Юрии Петровиче — в кабинете его акварельный портрет, выполненный сыном. Рядом с портретом старое тарханское зеркало в раме красного дерева, от времени ставшее почти черным. Под ним — альбом, открытый на листе с изображением молодой женщины в профиль. Под рисунком собственноручная подпись художника: «М. Лермонтов». Молодая женщина — это Мария Ловейко, жившая в доме Столыпиных в Петербурге, у которых Лермонтов постоянно бывал.

Комнаты Арсеньевой

Первая комната Арсеньевой представляет собою рабочий кабинет помещицы. Он обставлен мебелью конца XVIII века. Диван и кресла обиты красным штофом. Спинки и сиденье одного кресла обтянуты гобеленом со сценами из испанской жизни. На стене портрет Екатерины II (гравюра Н. Уткина с оригинала В. Боровиковского, 1827) как идеал государыни, давшей вольность дворянству. На секретере разложены деловые бумаги. Здесь же альбом, в котором хозяйка Тархан изображена совсем еще молодой женщиной.

В этом кабинете она занималась хозяйственными расчетами, слушала доклады управляющего, приказчика, старосты, вела деловые беседы с экономкой Дарьей Куртиной, давала им всем распоряжения. Ей приходилось проявлять ежедневную заботу о состоянии имения, следить за ходом сельскохозяйственных работ и сбытом основного товарного продукта — зерна. Она вникала в тысячу разных, даже очень мелких дел, решение которых никому не доверяла. Помещица давала указания, что и из каких запасов готовить поварам на барской кухне и в каком количестве, чем накормить трижды в день более чем полуторасотенную ораву дворовых, какие одежды из какой материи и какую обувь шить господам и прислуге, какие и в каком объеме провести работы по усадьбе, кого и на каких лошадях и с каким грузом отправить в извоз, кого пора женить и кого отдать замуж... Осенью 1835 года перед приездом Лермонтова домой брачные дела крепостных отняли у нее много времени и принесли немало хлопот, но все-таки она не положила на управляющего Степана Рыбакова, а сделала все сама: отправила под венец 26 пар! В письме к внуку 18 октября того же года она сообщала: «Степан очень прилежно смотрит, но все как я прикажу, то лучше, девки, молодая вдова замуж не шли и беспутничали, я кого уговаривала, кого на работу посылала

и от 16 больших девок 4 только осталось и вдова, все вышли, иную подкупила, и все пришло в прежний порядок».

Можно себе представить, в каких подробностях и в каком виде эти первостепенные сельские события передавались приехавшему Лермонтову, ибо их острота не ослабевала во все время его пребывания дома. К судьбе подневольных людей он не был столь равнодушен и жесток, как его бабка, а потому в поэме «Сашка» есть строки, проникнутые горячим сочувствием к дворовой девушке Мавруше, отданной насильно замуж:

...увезут
На дальний хутор, где Маврушу ждут
Страданья и мужик с косматой бородою...

Отдохновение от хозяйственных забот Арсеньева находила в карточной игре, без которой не могла обходиться ни одного дня. Она была рада жданным и неожиданным гостям, потому что с ними можно усесться за карточный стол. Сохранилось воспоминание одного отставного капитана, в молодости по службе оказавшегося неподалеку от Тархан. Капитана спрашивали:

«— А в доме его бабушки бывали в Тарханах, когда поэт еще был мальчиком?

— Бывал, и даже не однажды-с. Быв еще молодым офицером, лет двадцати пяти, в сообществе своих товарищей там препровождал...

— Значит, Лермонтова знавали еще с детства?

— Видал-с.... Но мало внимания обращал. Больше игра в карты нас занимала. Старуха Арсеньева была хлебосольная, добрая. Рота наша стояла недалеко, и я бывал-с».

Игра в карты осталась главным занятием Арсеньевой и в дальнейшем. Ее родственница Е. А. Верещагина писала своей дочери Сашеньке в 1838 году: «Новая модная игра называется проферансы. Здесь везде играют, то и меня приучили, так что иногда уже и скучно. А они любят со мной играть, что я не сержусь и терпелива, а с Елизаветой Алексеевной Арсеньевой не любят. Ты не поверишь. Эта добрая женщина как тяжела в картах, не соглашается с нами по маленькой цене, и делает свои спекуляции игрою. Всякий день непременно играет и не может просидеть без карт».

Но чем бы Арсеньева ни занималась, что бы ни делала, главной ее заботой был внук. Едва он родился, она уже заявила на него свои права, настояв назвать Михаилом в память покойного мужа. Каково было Юрию Петровичу согласиться, если в роду Лермонтовых старшим сыновьям давали непременно имена Петр и Юрий, и новорожденного сына Марии Михайловны должны были по традиции назвать Петром. Триста лет ненарушаемо держалась эта традиция, но Арсеньева не проявила к ней уважения. Юрий Петрович скрепя сердце пошел на уступку теще, чтобы не вступать с нею в затяжной конфликт, проявив, как всегда, истинное благородство в отношении к женщине.

После смерти дочери Арсеньева всю свою любовь перенесла на внука. «Нет ничего хуже, как пристрастная любовь,— писала она 17 января 1836 года из Тархан своей знакомой П. А. Крюковой,— но я себя извиняю: он один свет очей моих, все мое блаженство в нем».

Когда Лермонтова произвели в офицеры, она заказала художнику Ф. О. Будкину его большой портрет (в кабинете он в копии). В чертах внука Арсеньева искала и с радостью находила сходство с дедом Михаилом Васильевичем. В том же письме к Крюковой есть примечательные строчки: «...нрав его (Лермонтова.— *Авт.*) и свойства совершенно Михаила Васильевича, дай боже, чтоб добродетель и ум его был».

Чтобы внук ни в чем не испытывал нужды, она старалась снабдить его вовремя деньгами, одеждой, лошадьми, прислужгой, то есть в соответствии с обязательством, данным в своем завещании: «...со стороны же своей я обеспечиваю... его, внука моего, на службу его императорского величества и содержании его в оной соответственно моему состоянию...». «...Посылаю тебе, мой милый друг,— писала она из Тархан 18 октября 1835 года в единственном дошедшем до нас письме к внуку,— тысячу четыреста рублей ассигнациями да писала к брату Афанасию, чтоб он тебе послал две тысячи рублей, надеюсь на милость божью, что нынешний год порядочный доход получим, но теперь еще никаких цен нет на хлеб, а задаром жалко продать хлеб... и до смерти мне грустно, что ты нуждаешься в деньгах, я к тебе буду посылать всякие три месяца по две тысячи по пятьсот рублей, а всякий месяц хуже слишком по малу, а может, иной месяц мундир надо сшить... лошадей тройку тебе купила, и говорят, как птицы летят, они одной породы с буланой, и цвет одинаковый, только черный ремень на спине и черные гривы, забыла, как их называют, домашних лошадей шесть, выбирай любых, пара темно-гнедых, пара светло-гнедых и пара серых, но здесь никто не умеет выезжать лошадей, у Матюшки силы нет, Никанорка объезжает купленных лошадей, но я боюсь, что нехорошо их приедит, лучше, думаю, тебе и Митьку кучера взять. Можно до Москвы в седейке его отправить дни за четыре до твоего отъезда, если ты своих вятских продашь, и сундучок с мундирами и с бельем с ним можно отправить... у Катерине Аркадьевне на дворе тебя дожидается долгушка, точно коляска, перина и собачье одеяло... получил ли ты мех черный под сертук... и с Митькой послала тебе кисет и к Авдотье Емельяновне башмаки, напиши, привез ли он это все... все мне кажется, мой друг, мало тебе денег, нашла еще сто рублей, то посылаю тебе тысячу пятьсот рублей».

Состояние Арсеньевой позволяло ей не скупиться: Тарханы давали большой доход. Учить Лермонтова, а «потом содержать его на службе не требовало от неё большого материального напряжения. Достаточно знать, что, скончавшись через четыре года после внука, она оставила наследникам 300 тысяч рублей ассигнация-

ми и в полной неприкосновенности еще более крепкое имение, чем оно было 50 лет назад.

Кроме того, надо знать и следующее. Лермонтов пользовался не столько ее благодеяниями, сколько получал свое, законное. Так, после смерти отца ему перешло в наследство часть Кропотова, которую он уступил теткам за 25 тысяч рублей. Эти деньги ушли на его содержание. И второе. В Тарханах тоже была его доля, надо думать не маленькая,— это неоформленное и неотделенное приданое матери, наследником которого он был и доход с которого вливался в общий доход с имения.

«...Все, что до тебя касается,— писала Арсеньева в том же письме,— я равнодушна...» Поэтому естественно, что первое появление стихов внука в печати (если не считать не подписанного полным именем стихотворения «Весна» в 1830 году) вызвало ее восторг. «Стихи твои, мой друг, я читала бесподобные, а всего лучше меня утешило, что тут нет нынешней модной неистовой любви, и невестка сказывала, что Афанасью очень понравились стихи твои и очень их хвалил...» Здесь речь идет о поэме «Хаджи-Абрек». В экспозиции находится журнал «Библиотека для чтения» (1835), в котором поэма была впервые опубликована.

Арсеньева также спрашивала внука: «Да как ты не пишешь, какую ты пиесу сочинил, комедия или трагедия?» В молодости она играла в домашнем театре, который славился на всю Москву, и поэтому имела понятие о трагедиях и комедиях.

И все же Елизавета Алексеевна была далека от тех жгучих мыслей, которые волновали внука. Главным для нее являлось его положение в высшем обществе. Этим она гордилась, и это отвечало ее идеалам и жизненным целям. «Гусар мой по городу рыщет, и я рада, что он любит по балам ездить: мальчик молоденький, в хорошей компании и научится хорошему». Так она писала в 1834 году своей приятельнице Крюковой. В это время Арсеньева вместе с внуком проживала в Царском Селе, где был расквартирован лейб-гвардии Гусарский полк. В экспозиции представлены виды Царского Села (литография Шульца и Головина, 1830-е гг.).

Вторая комната — спальня. В ней большая старинная кровать. Возле кровати на подставке парадный носовой платок с вышитым гербом Столыпиных. В этой же комнате фанерованный под орех большой туалетный стол с зеркалом, принадлежавший Марии Михайловне. В переднем углу фамильная икона Арсеньевых «Спас Нерукотворный». Ею благословили на брак Елизавету Алексеевну с Михаилом Васильевичем, и Спас Нерукотворный охранял счастье тарханских господ пятнадцать лет. Но 2 января 1810 года Михаил Васильевич неожиданно отравился. Его вдова, перенеся удар судьбы, стала просить Спаса дать счастье и благополучие дочери. Но через семь лет новая трагедия постигла тарханский дом. Арсеньева, однако, не перестала молиться Спасу. Теперь уже просила за внука. «Со слезами благодарю бога,— писала

она Лермонтову,— что он на старости послал в тебе мне утешение».

И внук радовал бабушку своим послушанием и добротою сердца. Он понимал, какие несчастья она перенесла, и жалел ее. «...Милая бабушка, будьте здоровы и уверены, что бог вас вознаграждает за все печали»,— писал он ей в одном из писем. Он понимал, что разлука с ним ей тяжела, а потому старался облегчить ее положение, уговаривая оставить Тарханы и жить вместе с ним. «Объявляю тебе новость,— сообщал он из Тархан Раевскому,— летом бабушка переезжает жить в Петербург... Я ее уговорил потому, что она совсем истерзалась...»

Лермонтов уехал из Тархан в феврале 1836 года неизвестным офицером, а через год о нем узнала вся Россия. С этого времени началась его скитальческая жизнь, потому что стихотворение «Смерть поэта» ему не простили до конца жизни и даже после его смерти. Арсеньева хлопотала об улучшении участи внука, но не соглашалась, чтобы он бросил, как многие, службу и стал ни от кого не зависимым человеком. А между тем он мечтал о полной свободе. Когда писал: «Я ищу свободы и покоя!» — то писал, как всегда, только правду. Царская служба тяготила и сковывала его. Он надеялся порвать с ней и полностью отдаться своему высокому призванию.

Но царь и бабка рассудили иначе. Царь не хотел освободить его от своих цепей, потому что непокорный поэт опасен.

Бабка не соглашалась на отставку, потому что мечтала о его военной карьере вроде той, какой достигли ее братья. «...Милый друг,— писал Лермонтов 15 февраля 1838 года Марии Лопухиной,— ...мне смертельно скучно... я порядком упал духом... Бабушка надеется, что меня скоро переведут в царскосельские гусары... она на этом основании не соглашается, чтобы я вышел в отставку...»

В феврале — марте 1839 года в письме к Алексею Лопухину он сообщает: «Вышел бы в отставку, да бабушка не хочет — надо же ей чем-нибудь пожертвовать. Признаюсь тебе, я с некоторого времени ужасно упал духом». Внук считает себя обязанным жертвовать, но бабка жертвовать не желала для горячо любимого внука. 28 октября того же года Мария Лопухина писала Сашеньке Верещагиной: «И наконец, я получила письмо от Мишеля, который... прилагает большие усилия, чтобы уговорить бабушку разрешить ему оставить службу,— что она и обещает, если его не назначат адъютантом, поскольку сейчас именно это — пункт ее помешательства».

Но бабка осталась непреклонной, как всегда во всем и со всеми. 9—10 мая 1841 года в письме к ней в Петербург внук опять пытается склонить ее к осуществлению своей мечты: «Я все надеюсь, милая бабушка, что... я могу выйти в отставку».

И последний отчаянный крик души измученного человека: «То, что вы мне пишете о словах г. Клейнмихеля, то я полагаю еще не

значит, что мне откажут отставку, если я подам; он только просто не советует; а чего мне здесь еще ждать? Вы бы хорошененько спросили только, выпустят ли, если я подам».

Эти строки написаны за шестнадцать дней до дуэли. После выстрела Мартынова он уже ничего не просил.

Арсеньева возвратилась в Тарханы, и первое, что она сделала, это отправила икону «Спас Нерукотворный» в сельскую церковь.

Образная

Самая маленькая комната барского дома — образная. В ней когда-то был устроен иконостас, но иконы с него исчезли, и сейчас здесь находится только одна — большой образ Андрея Первозванного. Это копия с картины А. П. Лосенко (1744—1773). Художник изобразил верного сподвижника Христа и проповедника православия апостола Андрея перед казнью. С него уже сорвали одежду, и Андрей готов мужественно принять мучительную смерть распятого на кресте.

Девичья

Резким контрастом господским pokojам служит девичья. Здесь простые самодельные скамейки, сколоченный местным плотником стол, домотканые половики, на стенах дешевые бумажные лубочные картинки, которые обычно расклеивались в крестьянских избах, на темы русских народных сказок и песен. На окнах комнатные цветы.

В этой обители жили горничные девушки, обслуживающие круглосуточно барский дом. В свободное от обычных обязанностей время они занимались рукоделием: пряли, вязали, вышивали. В экспозиции находится гребень с донцем, за которым сидели тарханские пряжи, веретена с накрученными на них нитками, в гребне конопляная кудель. На небольшом сундуке, обитом железными полосами, красный сарафан из домотканины, сшитый тарханскими мастерицами. Более тонкое и сложное рукоделие — вышивка бисером — представлена замечательными произведениями этого прикладного искусства.

Юному Мише не воспрещалось заходить сюда, и он бывал здесь часто с самых ранних лет. Иной, народный мир открывался ему в девичьей. Свое общение с обитателями этой комнаты Лермонтов запечатлел в автобиографическом повествовании «Я хочу рассказать вам»: «Зимой горничные девушки приходили шить и вязать в детскую, во-первых, потому что няне Саши было поручено женское хозяйство, а во-вторых, чтобы потешить маленького барчонка. Саше было с ними очень весело. Они его ласкали и целовали наперерыв, рассказывали ему сказки про волжских разбойников,

и его воображение наполнялось чудесами дикой храбрости, и картинами мрачными, и понятиями противуобщественными».

Под впечатлением бесед с горничными «он воображал себя волжским разбойником, среди синих и студёных волн, в тени дремучих лесов, в шум битв, в ночных наездах, при звуке песен, под свистом волжской бури». «Противуобщественными» понятиями для мальчика Лермонтова были понятие о воле, о Пугачёвском восстании, о Степане Разине.

Путь из господского дома через девичью вывел будущего поэта в необычайные просторы России, и он увидел, что родная тарханская усадьба — это её маленькая, но всё-таки неотъемлемая часть.

ЦЕРКОВЬ МАРИИ ЕГИПЕТСКОЙ

За последние годы в Государственном архиве Пензенской области обнаружено несколько документов, которые позволяют более полно осветить историю возникновения церквей в Тарханах. В одной из них, сохранившейся с лермонтовских времён, развернута экспозиция «Так, я помню, пред амвоном...». Эту небольшую интересную по архитектурному решению церковь Е. А. Арсеньева построила в 1819 году на месте старого барского дома. В 1820 году престол церкви был освящён во имя святой Марии Египетской в память о матери поэта Марии Михайловны.

Наряду с указанной выше церковью существовала и другая. В клировых ведомостях Нижнеломовского духовного правления о ней сказано: «...деревянного здания во имя Николая Чудотворца, беспридельная, построена в 1775 году, освящена в 1776 году». В этой церкви, судя по исповедальным ведомостям, неоднократно бывал юный Лермонтов. В 1826 году её разобрали «за ветхостью» и перенесли на сельское кладбище. Вместо неё в центре села Е. А. Арсеньева построила новую, кирпичную, более просторную и благоустроенную церковь, которую освятили в 1840 году во имя Михаила Архангела. Таким образом, с 1826 по 1840 год богослужение и все положенные обряды совершались в церкви Марии Египетской, в которой Лермонтов вместе с крестьянами-прихожанами бывал не только в период его постоянного жительства в Тарханах, но и в последующие приезды в родные края.

При разработке и создании экспозиции использовались исторические документы, фотографии, позволившие в основном восстановить весь интерьер церкви. В частности, фотография иконостаса, сделанная в 1923 году, дала ясное представление о том, каким он был, какие иконы и на каком месте находились. Кроме того, перед закрытием в 1925 году церкви была сделана подробная опись находившегося в ней имущества, значительную часть которого жители села смогли сберечь и передать затем в музей.

Иконостас сделан из дуба, резные детали позолочены. Над ним экскурсанты видят изображение бога Саваофа. На царских вратах, а также справа и слева от них, находятся иконы конца XVIII—начала XIX веков. Заняли своё прежнее место иконы

«Богоматерь», «Николай Чудотворец», «Михаил Архангел», которые были здесь и в лермонтовское время. Вызывают у посетителей интерес прекрасные работы неизвестных мастеров, и в первую очередь такие, как престольная икона «Мария Египетская», «Архангел Гавриил», «Иисус Христос», «Вознесение». Но самой старейшей является икона «Святцы на ноябрь месяц», которая датируется XVI веком. Она раньше находилась в приходской церкви.

В экспозицию включены предметы церковного обихода. Среди них чаша для святой воды, купель, подносы для сбора подаяния, потир (чаша для причастия), дароносица. На престоле — Евангелие, изданное в конце XVIII века.

Тарханские священники не отличались высокой нравственностью. Об этом свидетельствуют многие документы лермонтовского времени. Типично изображение хитроватого, не совсем трезвого попа на литографии Г. Энгельмана, которая относится к 30-м годам прошлого века.

В журнале Нижнеломовского духовного правления за 1819 год имеется «Дело о задолженности 25 рублей денег священника Федора Макарова, о пьянстве, непорядочных поступках священников села Яковлевское, Тарханы тож». Федор Макаров, определенный сюда в 1795 году, отличался пьянством и буйством. В 1819 году из Тархан были посланы в Нижний Ломов свидетелями по его делу крестьяне Григорий Васильев и Петр Никитин.

В 1829 году тарханский священник Василий Карпов, «выказывая заботу о благопристойном поведении прихожан», доносил в Нижнеломовское духовное правление: «Прошлого апреля 9-го и 10-го числа на страстной неделе во вторник и в среду во время чтения мною Евангелия в церкви нашей прихода моего деревни Дерябихи господин Кондратий Жилинский драл волосы из бороды и головы деревни Дерябихи крестьянина Василия Трофимова, а при том и бил его, производя в церкви святой шум».

Однако и сам Василий Карпов не отличался благопристойным поведением. Духовное правление запросило о нем сведения. В марте 1830 года Пензенская консистория следующим образом характеризовала этого священника: в 1810 году был под следствием «в бою села Кевды дьячка Егора Иванова», в 1819 году сослан на полгода в Нижнеломовский монастырь «за непохоронение одноворца Козмина», венчал несовершеннолетних. К 1827 году относится «дело о пьянстве, исправлении в нетрезвом виде священнослужения и немогуществе совершить крещение, о вздорном и невоздержанном поведении» священника Карпова.

Понятно, почему летом 1829 года от тарханских крестьян поступило в духовное правление прошение об удалении Василия Карпова из села за дурное поведение.

Лермонтову, бывшему в Тарханах в отпуске зимой 1836 года, известно было «Просительное письмо помещицы Е. А. Арсеньевой

о развратной жизни священника Григория Воронова». Письмо это фигурирует в указах Пензенской консистории за 1836 год.

Все эти неблагоприятные поступки тарханских священников, видимо, хорошо были известны Лермонтову. Не исключена возможность, что он был свидетелем сцены, описанной им в одном из стихотворений:

Так, я помню, пред амвоном
Пьяный поп, отец Евсей,
Запинаясь, важным тоном
Поучал своих детей;
Лишь начнет — хоть плачь заранее...
А смотри, как силен враг!
Только кончит — все миряне
Отправляются в кабак.

О широкой распространенности буйства, пьянства, воровства среди священноцерковнослужителей, о беспорядках в церквях свидетельствуют специальные указы, которые напоминали пастырям об их обязанностях и поведении. Так, в 1824 году всем приходским священникам было разослано предписание «Об искоренении преступлений, производимых духовными лицами в церкви, и о судопроизводстве о таковых преступлениях». В 1828 году издали еще два указа: «О надзоре за поведением священнослужителей» и «О доносах его преосвященству, земским полициям о неблагоприятных поступках, в церкви кем-либо чинимых».

Неудивительно, что у Лермонтова, еще в детстве и отрочестве познакомившегося с нравами священнослужителей, сложилось ироническое отношение к ним: «Все монахи,— писал он в романе «Вадим»,— которых я знал, были обыкновенные полудобрые существа, глупые от рождения или от старости, не способные ни к чему, кроме соблудения постов».

Среди прихожан Лермонтов впервые упомянут «в возрасте полугоду» в исповедальной росписи за 1815 год. Здесь же записаны его родители и бабушка. Вслед за семьей помещицы приводится длинный список ее крепостных, бывших у исповеди в тот же год. Ниже идут списки семейств помещиков, владельцев других деревень прихода, и их крепостных. Из «Ведомости о церкви Архангельской Чембарского уезда села Яковлевского, Тарханы тож за 1841 год» явствует, что к приходу относились, помимо Тархан, арсеневская деревня Михайловка, селцо Апалиха (помещик — отставной штабс-капитан, дворянский дядя поэта, Шан-Гирей), селцо Дерябиха (помещик Жилинский), селцо Подсот (помещики три брата Москвины). Среди прихожан отмечено много раскольников. В Клировых ведомостях Нижнеломовского духовного правления на 1836 год указано, что в Тарханском приходе значилось «145 душ мужеска пола, 160 душ женска пола» раскольников «разных сект».

Раскол, как своеобразная форма протеста против официальной церкви, был распространен среди крестьян Апалихи и Дерябихи.

Священникам тарханской церкви приходилось, видимо, настойчиво претворять в жизнь полученное в 1828 году предписание начальника Главного штаба «О преследовании и искоренении раскольников сект». В дополнение к этому священники, которые отправляли службу в приходах со значительным количеством раскольников, получили «Предложение епископа Пензенского и Саранского» о том, «как научать прихожан молитвам».

Церковные документы свидетельствуют и о том, в какой близости находился Лермонтов с народом. Многие прихожане, особенно тарханские, ему были хорошо знакомы. Например, только в 1821 году он пять раз записан в ведомостях о крещении, ибо являлся восприемником (крестным отцом) сына дворового Степана Иванова Петра, сына дворового Николая Васильева Петра, сына дворового Ефима Яковлева Андрея, сына дворового Ивана Петрова Андрея, сына дьячка Ивана Иванова Федора.

Через церковь доходили до народа известия о важнейших политических событиях. С воодушевлением слушали, вероятно, чтение указа Александра I о торжественном вступлении русских войск в Париж, который был «объявлен во всенародное известие». Этот документ из тарханской церкви представлен в экспозиции.

Народ с радостью воспринял объявление о конце войны: «Мая 18 дня 1814 года утвержден и подписан всеобщий мир... Сего ради, призывая к тому всю православную церковь, учреждаем и постановляем следующее:

1-е. Декабря 25 числа, день рождества Христова, да будет отныне и днем благодарственного празднества под наименованием в кругу церковном: «Рождество спасителя нашего Иисуса Христа и воспоминание избавления церкви и державы Российской от нашествия галлов и с ними двадцати язык».

2-е. По окончании обычной совершаемой в день сей службы приносить особое благодарное молебствие с коленопреклонением при чтении установленной на сей случай молитвы.

3-е. Во весь день быть колокольному звону».

Чтения самого указа Лермонтов, конечно, не мог слышать, ибо это событие произошло еще до его рождения. Но 25 декабря каждого года он видел, как истово преклоняли все прихожане колени в благодарственной молитве в честь победы русского оружия, слушал весь день колокольный звон в память о знаменитом событии. Наверное, в этот день чувство особой гордости светилось на лицах участников похода русской армии, которых в Тарханах было немало. И вполне естественно, что будущий поэт не мог не чувствовать и не понимать общего воодушевления. Эти события и впечатления готовили в нем автора «Бородина».

Следует отметить, что общая атмосфера, царившая в стране после окончания Отечественной войны 1812 года, оказывала огромное влияние на новое поколение, вступавшее в ту пору в жизнь, не только в Петербурге и Москве, но и в провинции. Об этом писал В. Г. Белинский, детство и юность которого прохо-

дили почти одновременно с Лермонтовым по соседству, в 17 верстах от Тархан, в небольшом уездном городке Чембаре. На него также воздействовали рассказы старших и окружавшая среда. Позже он вспоминал: «Мы, юноши нынешнего века, мы, бывшими младенцами, слышали от матерей наших не об Измаиле, не о Кагуле, не о Рымнике, а об двенадцатом годе, о Бородинской битве, о сожжении Москвы, о взятии Парижа».

В народе радость победы перешла в волнующее ожидание перемен в самодержавно-крепостническом устройстве государства. Однако царь не спешил с переменами. Александровский манифест от 1 июня 1815 года объявлял о вступлении России в Священный Союз и о задержке русских войск за границей в связи с необходимостью подавления революционного духа во Франции и Европе. Этот манифест тоже звучал в Тарханах с церковного амвона.

Реакционная внешняя и внутренняя политика правительства не соответствовала общему гражданскому и патриотическому подъему в стране. Революционное настроение передовых людей России вылилось в восстание 14 декабря 1825 года на Сенатской площади в Петербурге. Среди крестьян ходили упорные слухи о воле.

Николай I был вынужден 12 мая 1826 года издать манифест. В нем говорилось: «...повелеваем объявить повсеместно:

1. Что всякие толки о свободе казенных поселян от платежа податей, а помещичьих и дворовых людей от повиновения их господам суть слухи ложные...

2. Все состояния в государстве, в том числе и поселяне, как казенные, так и помещичьи крестьяне и дворовые люди, во всей точности должны выполнять все обязанности, законами предписанные, и беспрекословно повиноваться установленным над ними властям.

3. Если и за сим нашим повелением откроется какой-либо беспорядок между казенными поселянами или помещичьими крестьянами и дворовыми людьми по ложным слухам о свободе от платежа податей или от законной власти помещиков, то виновные навлекут на себя справедливый наш гнев и немедленно будут наказаны по всей строгости законов».

Манифест был опубликован «во всенародное известие». Чембарский земский суд, направляя экземпляр манифеста тарханским священникам, предписывал: «Благоволите в каждое воскресенье и в каждый праздничный день оный читать в церкви в течение шести месяцев внятно и вразумительно, дабы каждый хорошо вразумился». Экземпляр этого манифеста находится в экспозиции.

На священников возлагалась также обязанность следить за тем, кто из прихожан распространяет слухи о воле, и доносить о том в Чембарский земский суд.

Будущий поэт вместе со всеми крестьянами слушал чтение ни-

колаевского манифеста, был свидетелем, как они воспринимали строки этого документа, старался понять их настроение. И безусловно, те противоречия, которые юный Лермонтов замечал в окружающей жизни, способствовали дальнейшему росту его самосознания, пробуждению политической и общественной зоркости.

Может быть, понятое позже отношение народа к царскому манифесту помогло Лермонтову воссоздать картину нарастания народного гнева во время Пугачевского восстания в романе «Вадим».

«Между тем перед воротами монастырскими собиралась буйная толпа народа; кое-где показывались казацкие шапки, блистали копыя и ружья; часто от общего ропота отделялись грозные речи, дышащие мятежом и убийством, часто раздавались отрывистые песни и пьяный хохот, которые не предвещали ничего доброго...

И все это происходило в виду церкви, где еще блистали свечи и раздавалось молитвенное пение».

Таким образом, общение с крестьянами во время богослужений, объявлений и чтения царских указов и манифестов позволило Лермонтову еще в детстве видеть отношение народа к церкви и к политическим событиям, помогало лучше понять характер русского человека.

Лермонтов не был в прямом смысле атеистом. Религиозные чувства он неоднократно выражал в своих произведениях. Будучи в четырнадцатилетнем возрасте, он писал:

Не обвиняй меня, всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могильный
С ее страстями я люблю;
За то, что редко в душу входит
Живых речей твоих струя;
За то, что в заблужденье бродит
Мой ум далеко от тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочет на груди моей;
За то, что дикие волненья
Мрачат стекло моих очей;
За то, что мир земной мне тесен,
К тебе ж проникнуть я боюсь,
И часто звуком грешных песен
Я, боже, не тебе молюсь...

Его «с небом гордая вражда» нашла яркое отражение в величайшей поэме «Демон». В трудные же минуты жизни поэт находит утешение в «молитве», которую «твердит наизусть». И, не скрывая своего чувства, открыто заявляет о своем состоянии:

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

ДОМ КЛЮЧНИКА

Для поэта Родина — это прежде всего народ, крестьяне. И хотя сам Лермонтов принадлежал к высшему сословию, однако мир людей униженных, закабаленных, лишенных всех прав и тем не менее не потерявших веру в лучшее будущее, сохранивших духовное богатство свое, интересовал его. И этот мир, по выражению Н. А. Добролюбова, он любил «истинно, свято и разумно».

Экспозиция в доме ключника называется «Друг! этот край... моя отчизна!». Это строка из юношеского стихотворения Лермонтова «Жалобы турка», написанного в пятнадцать лет.

Ты знал ли дикий край, под знойными лучами,
Где роши и луга поблекшие цветут?
Где хитрость и беспечность злобе дань несут?
Где сердце жителей волнуемо страстями?
И где являются порой
Умы и хладные и твердые как камень?
Но мощь их давится безвременной тоской,
И рано гаснет в них добра спокойный пламень.
Там рано жизнь тяжка бывает для людей,
Там за утехами несется укоризна,
Там стонет человек от рабства и цепей!..
Друг! этот край... моя отчизна!

В этом флигеле жили две семьи привилегированных дворовых: управляющего и ключницы, здесь же находился и конторщик.

Дом разрушен в 1918 году, а восстановлен в 1968-м по проекту архитектора Дубровина. Аналогом при восстановлении послужила гравюра М. Рашевского, которая сделана с рисунка И. Панова, относящегося к 1867 году.

В витрине представлены предметы, найденные при раскопках фундамента: кованые гвозди, медные монеты первой четверти XIX века, фигурка шахматного коня. Мы вправе предположить, что она из лермонтовского набора шахмат, ибо крестьянам эта игра была недоступна, а Лермонтов являлся прекрасным шахматистом. Служивец поэта по Тенгинскому пехотному полку К. Х. Мамацев отмечал, что Лермонтов предавался шахматной игре с увлечением. «Он искал, однако, сильных игроков... часто устраивались состязания между ним и молодым артиллерийским поручиком Москалевым. Последний был действительно отличный

игрок, но ему только в редких случаях удавалось выиграть партию у Лермонтова».

Возможно, шахматы хранились у дядьки поэта, А. И. Соколова, который доживал свой век в доме ключника. Андрей Иванович — личность замечательная и интересная. Он был не только верным слугой поэта, но и его воспитателем, другом, помощником, пользовался исключительным доверием молодого барина (бесконтрольно распоряжался его деньгами).

К Соколову, надеясь на его преданность, обратился за помощью С. А. Раевский, когда друзья были арестованы за стихи на смерть А. С. Пушкина. Соколову выпала горькая доля вместе с двумя другими крепостными доставить гроб поэта из Пятигорска в Тарханы.

После гибели внука Арсеньева отпустила Соколова на волю. Он до конца жизни хранил добрую память о своем питомце, а также сберег некоторые его вещи: два жилета, эполеты корнета, восточные чувяки, фарфоровую вазочку и дорожную шкатулку.

В 1867 году в «Пензенских губернских ведомостях» журналист Прозин так рассказывал о слуге поэта:

«На дворе, в ста шагах от дома, построен маленький флигелек, где давно уже проводит свои грустные дни бывший слуга Лермонтова, дряхлый, слепой старик, когда-то всей душой преданный поэту, о котором одно воспоминание до сих пор приводит в волнение все его престарелое существо. Если вы спросите у него, помнит ли он своего барина? — Андрей Иванович привстанет с своего места и весь задрожит. Он хочет говорить, но слова мешаются, он не в силах выразить вам все, что в один раз желал бы передать вам. «Портрет,— усиливается он произнести,— портрет...» и несет показать вам сделанный масляной краской снимок лица, чей образ ему так мил и дорог».

В доме ключника две комнаты. Материалы первой из них дают представление о крестьянском быте того времени: домашняя утварь, повседневная крестьянская одежда, неизменный овчинный тулуп, лапти, орудия нелегкого крестьянского труда. Здесь же экспонируется литография XVIII века «Интерьер крестьянской избы».

Немногочисленные сохранившиеся судебно-правовые документы (представлены в ксерокопиях) рассказывают об истории села. Посетители видят челобитную служилых людей Петру I от 13 сентября 1701 года об отводе им земель по речкам Марайке, Кевде, Большому и Малому Чембару. Рядом на стенде прошение Е. А. Арсеньевой от 19 февраля 1795 года о вводе ее во владение имением.

Документы доносят до нас скудные сведения о тяжелом положении крепостных в Тарханах: «Список о подушном налоге», «Ревизская сказка с. Тархан за 1811 год», «Определение Пензенской казенной палаты уголовного суда от 17 января 1819 года по поводу наказания крестьянина Арсеньевой Ф. Дмитриева за

побег». От непосильной работы и произвола помещицы крестьяне пытались найти убежище в других местах. Только с 1795 по 1811 год из Тархан бежало, по неполным данным, 15 человек, а с 1819 по 1828 год — трое: Фаддей Дмитриев (1819), Михаил Григорьев (1825), Наум Григорьев (1828).

Беглых ловили, судили, наказывали розгами или кнутом. Потом, по желанию помещика, их оставляли в вотчине или ссылали на каторгу и на поселение в отдаленные края. Из документов известны имена более десятка крестьян, отправленных Арсеньевой в Сибирь за разные провинности.

В течение всего детства -и отрочества Лермонтов наблюдал трагические картины крепостнической действительности и, будучи ребенком чутким и наблюдательным, рано проникся состраданием к крестьянам. Народная память сохранила до наших дней легенды о доброте и «жальливости» молодого барина: о том, как, вопреки желанию бабушки, подарил им лес на дома; как просил у бабушки выделить им кирпич на постройку белых печей взамен «курных»; как еще совсем маленьким горячо вступался за провинившихся крестьян и требовал, чтобы их помиловали; как мечтал по выходе в отставку возвести всем крестьянам «каменные избы».

Рассказывают, что, когда молодой барин приезжал в имение, крестьянам бывали облегчения, отменялись телесные наказания (из конторы заблаговременно выносили розги).

Особенно трогательную заботу Лермонтов проявлял к кормилице, которая была простая тарханская крестьянка Лукерья Шубенина. Правнучка ее рассказывала: «Лукерью Алексеевну Миша страсть как почитал, словно мать родную. Называл он ее «мамушкой».

Бывало, когда приедет в Тарханы, так беспрерывно навесит свою мамушку. Зайдет, поздоровается, ребятишкам раздаст гостинцы, а ей иль материи на сарафан, а то даст бумажку (деньги).

Бывало, прощается со своей кормилицей и говорит: «Жив буду, мамушка, всех вас награжу».

...Лукерья Алексеевна не раз ездила к нему гостить в Москву, когда осенью возили провизию, и подолгу гостила там».

Легенды, видимо, возникли не на пустом месте. В доме ключника хранится рукописная метрическая книга, в которой записаны «...села Тарханы вольноотпущенные господином Лермонтовым дворовые люди Кирилл Лаврентьев и Николай Григорьев... Варвара Антонова».

Михаилу Юрьевичу принадлежали восемь семей дворовых, в которых насчитывалось 16 мужских душ. Семью Васильевых Лермонтов отпустил на волю в полном составе, из семьи Летаренковых — двух мужчин. Вот почему среди тарханских крестьян передавались из поколения в поколение предания о Лермонтове, как об их заступнике и покровителе; вот почему стоял по всему селу

неподдельный плач, когда дошло до Тархан известие о его гибели. Вместе со смертью поэта рушились их лучшие надежды.

Глубокая любовь к простому народу породила у Лермонтова яростный протест против вопиющего бесправия закрепощенного крестьянства. Он жил в эпоху, пожалуй, едва ли не самую мрачную в истории России, когда жестоко подавлялось всякое проявление духа.

В этом царстве мглы и произвола многие строки лермонтовских произведений звучали действительно «как колокол на башне вечевой»: «Смерть поэта», «Дума», «Демон», «Мцыри», «Песня про... купца Калашникова», — все эти сочинения поэта проникнуты духом свободолюбия, независимости, критического отношения к властям.

Лермонтов очень рано понял, что долг поэта — это долг гражданина, и он остался верен своим идеалам до конца:

«За дело общее, быть может, я паду...»
«Да, я не изменюсь и буду тверд душой...»

«Тема народа, — писал известный исследователь творчества поэта С. А. Андреев-Кривич, — решилась для Лермонтова в зрелую пору, но подступы к ней, полные действительности, были заложены очень давно, в раннюю пору жизненного опыта».

Из нежного детства вынес поэт глубокую веру в то, что каждый человек имеет право на полноценную человеческую жизнь. И самые первые юношеские произведения проникнуты духом антикрепостничества: «Люди и страсти», «Станный человек». В экспозиции представлены эти произведения, изданные в 1910 году под редакцией Д. И. Абрамовича.

В обеих драмах явно звучат антикрепостнические мотивы. За разбитую чашку несчастного поваренка Ваську помещица Громова посылает «в плетни на конюшню»; в «Станном человеке» мужик на коленях умоляет чужого молодого барина купить их деревню: «...будь нашим спасителем!.. купи нас, родимой!.. ей-богу, терпенья уж нет. Долго мы переносили, однако пришел конец... хоть в воду!.. Тяжко, барин! тяжело стало нам!» Мужик рассказывает о злодеяниях помещицы. Главный герой драмы Владимир Арбенин восклицает:

«Люди! люди! и до какой степени злодейства доходит женщина... О! проклинаю ваши улыбки, ваше счастье, ваше богатство — все куплено кровавыми слезами. Ломать руки, колоть, сечь, резать, выщипывать бороду волосок по волоску!.. О боже!.. при одной мысли об этом я чувствую боль во всех моих жилах... я бы раздавил ногами каждый сустав этого крокодила, этой женщины!.. Один рассказ меня приводит в бешенство!..»

В кратком предисловии к драме Лермонтов пишет: «Лица, изображенные мною, все взяты с природы, и я желал бы, чтоб они были узнаны, — тогда раскаяние, верно, посетит души тех людей...»

Так, в образе ханжи и самодурки помещицы Громовой в значительной мере воплотились отрицательные черты помещицы Арсеньевой: ведь это по ее приказанию секли розгами, брили мужикам половину головы, а девушкам обрезали ножницами косы; она сама составляла брачные пары и нередко это использовала в качестве наказания, отдавая юных девушек за вдовцов, обремененных детьми, и наоборот. В тарханской хронике известен один из наиболее диких случаев помещичьего произвола: жена крестьянина Ивана Терентьева, сосланного на новопоселение, Евдокия была обвенчана с отроком Иваном Андреевым — при живом муже!

Поражает ранний возраст парней и девушек, идущих под венец: 15, 14, 13 лет. В лермонтовских Тарханах жили пятнадцатилетние солдаты, тридцатилетние бабушки. Однако семьи крестьянские не были очень многочисленными, потому что умирало в среднем 35 человек из 109 родившихся. За 20 «лермонтовских» лет в Тарханах скончалось 713 младенцев.

Жизнь учила крестьянина выполнять самую разнообразную работу. В доме ключника экспонируются: ступы, гребни с куделью, серпы, тренога для перематывания пряжи, рубель и другие предметы. Изготавливая орудия труда, домашнюю утварь, крестьянин стремился не только к тому, чтобы они как можно дольше служили ему, но чтобы и выглядели привлекательно. Умельцы плели из липовых лык короба, торбочки и даже непромокаемые лапти. Из бересты делали различные емкости под ягоды, муку, соль. И в каждую вещь крестьянин вкладывал свое умение, фантазию, любовь.

Лермонтов в Тарханах видел, как крестьянин пашет, косит, молотит, ведет свое нехитрое хозяйство. Этот повседневный мужицкий быт иллюстрируется рисунками поэта: «Крестьянин под деревом», «Крестьянские типы», «Тройка у постоялого двора».

Только человек, сочувствующий крестьянину, мог написать такие строки:

С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно...

Постоянное и тесное общение с крестьянами помогло будущему поэту открыть и другую сторону их жизни: мир народного творчества, мир праздников и гуляний. Об этом рассказывает экспозиция второй комнаты.

Домотканые, вышитые цветами и петухами, обшитые кружевами полотенца, картины лермонтовского времени, элементы яркой праздничной одежды из домотканого холста. Рядом — ткацкий станок, на котором тарханские женщины ткали холсты. И хотя ремесло это сложное, требует сноровки и напряженного труда, им овладевала каждая крестьянка еще с девичьей поры.

День за днем проводил крестьянин в нескончаемых трудах

и заботах. Зато уж когда наступит праздник, русская душа развернется во всю ширь.

Знаменитая русская пляска изображена на акварельном рисунке неизвестного художника. Она служит иллюстрацией к лермонтовским строкам:

И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

Праздники в Тарханах встречались с приготовлениями, по старинному обычаю. На пасху и святки дворовые допускались в залу барского дома. Ряженые занимали ребенка: «...плясали, пели, играли, кто во что горазд. При каждом появлении нового лица Михаил Юрьевич бежал к Елизавете Алексеевне в смежную комнату и говорил: «Бабушка, еще один такой пришел!» — и ребенок делал ему посылное описание».

Ряженые изображены на гравюре П. Коверзнева.

Большим и шумным народным праздником в Тарханах считались проводы весны, или «Русалка». «Этот обряд когда-то, в эпоху язычества,— указывает П. А. Фролов в своей книге «Лермонтовские Тарханы»,— составлял, видимо, часть семицкого праздника и в основе своей тоже заключал стремление земледельца «заполучить» хороший урожай. Русалка, как существо водной стихии, по представлению древних, должна была содействовать увлажнению хлебного поля, и, чтобы ее заманить туда, устраивали многолюдное шумное шествие с плясками, припевами и прибаутками шуточного содержания...»

Старожилы рассказывают, что «игрищем управляли женщины. Мужчинам отводилась пассивная роль зрителей. Заранее из соломенного снопа мастерили куклу, которая должна была изображать «русалку». Куклу облачали в кофту и сарафан, «голову» обвязывали платком... провожали «русалку» через все село. После обеда огромная толпа женщин и девушек в праздничных одеждах, с веселыми лицами двигалась вслед за «русалкой», которую везли на донце несколько человек. На донце же, придерживая куклу, сидела обычно какая-нибудь озорная женщина. За ними шла, приплясывая, группа ряженных. Под звон двухтрех заслонок, по которым постукивали ногами, ряженные, кривляясь, пели, обращаясь к «русалке»:

Акуля принаряженная,
Ты зачем меня на дворик завела,
Безрукавную шубеночку дала?
Не одеться мне, не укутаться,
И вслед люди-то дивуются.
Пойду в лес, в лесу лес трещит,
Не мою ль жену шут тащит?..

Миновав село, шумное шествие, не останавливаясь, направлялось в поле. Здесь под общие возгласы «русалку» бросали в

рожь, и под перезвон тех же заслонок, распевая шуточные песни, женщины возвращались домой.

«А летом опять свои удовольствия, — вспоминал С. А. Раевский о детстве Лермонтова. — На троицу и семик ходили в лес со всей дворней, и Михаил Юрьевич впереди всех». Семик изображен на картине, писанной маслом неизвестным художником в XVIII веке.

Троица и семик — праздники близкие; они празднуются в мае — июне, и один является как бы продолжением другого. Троица относится к двенадцати важнейшим после пасхи христианским праздникам, семик же — языческий, не признанный православной церковью, но сохранившийся в народном быту. Земледельцы шли в леса и луга, поклонялись духам трав, деревьев, цветов, просили их дать богатый урожай, силу земле.

Празднуется семик в четверг перед троицей; отдельные его элементы проникли в троицу. В этот день девушки с помощью парней «заламывали» березу, ставили на поляне, украшали ее цветной бумагой, лентами, цветущими травами, девушки плели венки; вокруг березы водили хороводы и пели особые, троицкие и семицкие, песни:

Береза моя, березонька!
Береза моя белая,
Береза моя кудрявая!
Стоишь ты, березонька,
Осердь долинушки,
На тебе, березонька,
Трава шелковая,
Близ тебя, березонька,
Красны девушки,
Красны девушки
Семик поют.
Под тобою, березонька,
Красны девушки,
Красны девушки
Венок плетут.
Что не белая березонька
К земле клонится;
Не шелкова травонька
Под ней расстилается;
Не бумажны листочки
От ветру раздуваются.
Под этой березонькой
С красной девицей
Молодец разговаривает.

С песнями возвращались в село, впереди толпы несли семицкую березу или ветку. На берегу пруда устраивали гадание — тоже неизменный обряд семицких игрищ. Самое заветное желание девушки — чтоб отдали замуж за любимого, да не в чужую сторонушку, да чтоб свекор со свекровью оказались не злыми.

Видимо, юный Лермонтов неоднократно мог любоваться этими народными развлечениями. Он видел, как девушки украшали свои

головы венками, как совершали традиционные обряды на берегу речки или пруда. И у него невольно появились такие строки:

И к волосам своим густым
Цветы весенние вплетали;
Гляделися в зеркало вод,
И лица их в нем трепетали.

Сохранилась старинная тарханская семицкая песня, в которой звучит извечная мечта молодой девушки о счастливом замужестве:

Во лузьях, во зеленых лузьях
Вырастала трава шелковая,
Расцвели цветы лазоревые,
Голубые, бело-розовые,
Спустились духи малиновые.
Уж я ту ли траву выкошу ее.
Уж я выкошу, высушу ее,
Уж я той ли травой выкормлю коня,
Уж я выкормлю, выпью его.
Поведу я коня к батюшке:
«Уж ты, батюшка-отец родной,
Ты прими-ка мово ворона коня,
Не давай меня за старого замуж,
Ты отдай меня за ровнюшку,
Уж я старого до смерти не люблю,
Уж я с ровнюшкой гулять пойду».

Песен — веселых, грустных, игровых, обрядовых — Лермонтов слышал в Тарханах много и отводил им особую роль.

Через песни живыми нитями он был связан с народом. И когда поэт хотел выразить самые сокровенные, самые нежные чувства, он прибегал к сравнению с песней:

Как некий сон младенческих ночей
Или как песня матери моей.

Лермонтовские герои любят песню, понимают ее: поет о воле казак в «Вадиме», поет «ундина» на плоской крыше домика в «Тамани», о верном Карагазе поет Казбич в «Бэле», поют крестьяне, идущие с сенокоса.

Значение народной песни для Лермонтова велико. Еще в самом начале своего поэтического поприща Лермонтов напишет: «...если захочу вдаваться в поэзию народную, та, верно, нигде больше не буду ее искать, как в русских песнях».

«Русская мелодия», «Песня», «Казачья колыбельная песня», «Грузинская песня», наконец, «Песня про... купца Калашникова» — это только названия его произведений. А всего слово «песня» поэт употребил 199 раз. В экспозиции представлен автограф (ксерокопия) стихотворения Лермонтова «Русская песня».

Многие лермонтовские произведения вобрали в себя лучшие народно-песенные традиции. Ряд из них положен на музыку. Широко исполняются его стихи: «Выхожу один я на дорогу...»,

«Молитва» («В минуту жизни трудную...»), «Тростник» и другие.

Сидел рыбак веселый
На берегу реки,
И перед ним по ветру
Качались тростники.
Сухой тростник он срезал,
И скважины проткнул,
Один конец зажал он,
В другой конец подул.

И, будто оживленный,
Тростник заговорил —
То голос человека
И голос ветра был. <...>

Не только песни, но и народные предания оказали влияние на творчество поэта. Они звучат в «Вадиме», в «Морской царевне», «Русалке». Об этом стихотворении В. Г. Белинский писал: «Эта пьеса покрыта фантастическим колоритом и по роскоши картин, богатству поэтических образов, художественности отделки составляет один из драгоценнейших перлов русской поэзии».

Тарханскими воспоминаниями навеяно необычайно поэтическое сочинение Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива...». Автограф стихотворения (в ксерокопии на старинной бумаге) можно видеть в доме ключника.

С. А. Андреев-Кривич в книге «Тарханская пора» писал: «Достаточно в современном селе Лермонтово послушать старинные песни, особенно когда они излагаются «сказкой», а не поются «на голос», чтобы понять, откуда лермонтовский «калашниковский» язык и стих: прямо от народа, от хранимого из веков народного стиха».

ЛЮДСКАЯ

В нескольких метрах от барского дома расположено длинное кирпичное здание — людская изба, которая восстановлена в 1979 году на старом фундаменте. В ней находились дворовые люди помещицы. Они являлись теми же крепостными крестьянами, но не имели земельного надела. Из них набирались лакеи, горничные, повара, кучера, садовники, прачки, скотники и другая прислуга. В 1831 году в Тарханах насчитывалось дворовых, включая женщин и детей, 176 человек, в том числе 16 душ «мужского пола» числились за Лермонтовым. Они достались ему по наследству от матери, и он их, конечно, хорошо знал.

Из семьи Вертюковых поэт взял с собой на Кавказ в 1840 году Ивана, которому в ту пору шел двадцать первый год. Он исполнял обязанности конюха и кучера. Он же привез с места дуэли тело Лермонтова и был на его похоронах 17 июля 1841 года в Пятигорске. После смерти поэта Иван Николаевич возвратился в Тарханы и привез вещи Лермонтова. Вертюков был в числе тех, кого Арсеньева в феврале 1842 года послала за останками Михаила Юрьевича в Пятигорск.

Из другой дворовой семьи, Летаренковых, Е. А. Арсеньева предлагала взять внуку «Митьку кучера», то есть Дмитрия Ивановича. Сына его, Андрея, Лермонтов крестил, еще будучи шестилетним мальчиком. Для крестьянской семьи это было особой честью. Двух мужчин из этой семьи и всю семью Лаврентия Васильева Лермонтов отпустил на волю. Именно из-за подобных отпусков на волю целыми семьями среди тарханских крестьян сохранялись предания о Лермонтове как о человеке гуманном, «заступнике и милостивце». Особенно большую роль в жизни Лермонтова играл его крепостной дядька Андрей Иванович Соколов, о котором говорилось уже в предыдущих разделах.

Хорошо знал поэт жизнь и других дворовых, всех тех Матюшек, Никанорок, которые упоминаются в письмах Елизаветы Алексеевны Арсеньевой. Ведь жизнь эта протекала здесь же, рядом с барским домом.

Экспозиция «Люблю отчизну я...», размещенная в людской избе, призвана более подробно раскрыть вопросы народности в

творчестве Лермонтова, его глубокий интерес к жизни простых людей, русскому характеру, фольклору. Экспозиция посвящена трем произведениям Лермонтова на историческую тему: роману «Вадим», стихотворению «Бородино», поэме «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Использованы и другие стихотворения поэта, в том числе «Родина». Так или иначе эти произведения связаны с пензенской действительностью, хотя не всегда можно конкретно выявить характер, реалии и степень влияния местного материала. Сам Лермонтов писал: «Во всяком сердце, во всякой жизни пробежало чувство, промелькнуло событие, которых никто никому не откроет, а они-то самые важные и есть, они-то обыкновенно дают тайное направление чувствам и поступкам».

В экспозиции «Люблю отчизну я...» применена аудиовизуальная система, включающая в себя показ слайдов, фонограмму, воспроизводящую чтение, музыку и шумы, переключение света и цветного освещения. Это первый опыт применения подобных систем в литературных музеях. (Авторы тематико-экспозиционного решения В. П. Арзамасцев, Н. А. Кугель, сотрудники Объединения государственных литературно-мемориальных музеев Пензенской области, и Ю. В. Решетников — руководитель художественно-проектной мастерской аудиовизуальных систем и зрелищ.)

Посетители знакомятся с экспозицией самостоятельно, без экскурсовода. Поэтому необходимо сказать несколько слов об особенностях ее построения.

Большую роль играет цвет, «одежда зала». Их три: черный (зал, посвященный «Вадиму»), красный («Бородино»), белый («Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»). В этих цветах заключена определенная символика. Черный — цвет трагедии, отчаяния, печали, безысходности, страдания; красный — цвет победы правого дела, успеха, торжества; белый — цвет справедливости, невинности, непопранной чести. Такое чисто формальное решение позволяет сделать зрительное восприятие более впечатляющим. Этому же помогает и второй формальный принцип — «противостояние» сторон. Традиционная для литературных музеев экспонатура (предметы быта, орудия труда, одежда, оружие, книги, документы и т. п.) размещена в залах таким образом, что посетитель постоянно ощущает противопоставление двух миров: дворянский быт (левая сторона) и жизнь крестьян (правая сторона) в зале «Вадим»; русская армия (левая сторона) и Наполеон (правая сторона) в зале «Бородино»; царь и опричники (левая сторона) и народ (правая сторона) в зале «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова».

Демонстрирующиеся слайды, на которых воспроизводятся рукописи Лермонтова, его рисунки, изображения исторических деятелей, народные и другие сцены, усиливают эмоциональное вос-

приятие экспозиции. А проецирование во всех залах слайдов с видами Тархан, их окрестностей и портрета Лермонтова-мальчика (сам портрет находится в экспозиции барского дома) как бы напоминает об истоках зрелого творчества поэта.

Особого внимания заслуживает музыкальное сопровождение экскурсии. В него включены народные песни в исполнении ансамбля народной музыки под руководством Д. Покровского. Одна из них звучит в зале, где рассказывается о романе «Вадим». Ее история такова. В 1831 году Лермонтов написал стихотворение «Воля», которое затем в несколько измененном виде использовал в «Вадиме» как народную песню, которую поют пугачевцы. Артисты ансамбля Покровского совместно с музыковедами изучили наиболее характерные для нашей местности напевы песен подобного жанра и положили слова Лермонтова на музыку. Так родилась песня «Воля», созданная специально для экспозиции «Люблю Отчизну я...». Здесь же она и прозвучала впервые.

Пояснительный текст читает артист театра имени Моссовета М. Львов.

Экспозиционный рассказ о произведениях поэта предваряется небольшим вступительным залом. Здесь представлены в ксерокопиях на старинной бумаге документы: страницы из «Дела... о непозволительных стихах, написанных корнетом лейб-гвардии Гусарского полка Лермонтовым» 1837 года (расследование о стихотворении «Смерть поэта»), «Показания подсудимого лейб-гвардии Гусарского полка поручика Лермонтова» из «Дела... о поручике... Лермонтове, преданном военному суду за произведенную им с французским подданным Барантом дуэль...» 1840 года, запись в церковной книге о смерти Лермонтова 1841 года. Эти документы как бы вехи столкновения поэта с официальной Россией, и результат этих столкновений — ссылки, дуэли, убийство. Не случайно здесь же — образец одного из дуэльных пистолетов (мастерской Кухенрэйтера), применявшихся в то время. Осмысление поэтом истории России, ее пути и предназначения не согласовывалось с официальной триадой «православие, самодержавие, народность», насаждаемой правительством Николая I.

Сознательная творческая деятельность Лермонтова проходила «в царстве произвола и мглы», как называл А. И. Герцен николаевскую империю. Но он не стал мрачным отрицателем жизни. Он любил ее, вдохновленный мыслью о Родине, мечтой о свободе, стремлением к действию, к подвигу. Чем старше он становился, тем чаще свои переживания соотносил с опытом и судьбой целого поколения. Мир романтической мечты уступал постепенно изображению реальной действительности. Все чаще в поэзию Лермонтова вторгалась повседневная жизнь и конкретное время — эпоха 30—40-х годов с ее противоречиями: глубокими идейными интересами и мертвящим застоём общественной жизни.

Все, что им создано, — это подвиг во имя свободы и Родины.

Скорбная и суровая мысль о поколении, которое, как казалось

ему, обречено пройти по жизни не оставив следа в истории, вытеснила мечту о романтическом подвиге. Лермонтов в своих зрелых произведениях, в том числе и исторических, говорил современному человеку правду о плачевном состоянии его духа и совести — поколению малодушному, безвольному, смирившемуся, живущему без надежды на будущее. Не всеми даже друзьями, не говоря о врагах, это было понято и принято. Надо было обладать прозорливостью гениального земляка поэта — Белинского, чтобы увидеть в «охлажденном и озлобленном взгляде на жизнь» Лермонтова веру в достоинство жизни и человека.

Центральным экспонатом этого зала является скульптурный портрет Лермонтова, автор которого А. С. Голубкина. Он выполнен из тонированного гипса и отлит художником А. П. Свириным в 1938 году с бронзового бюста, изготовленного в 1900 году с оригинала. Бронзовый бюст находится ныне в санатории «Мицари» под Москвой, а обладателями гипсовых отливов наряду с музеем «Тарханы» являются «Домик Лермонтова» в Пятигорске, Государственный Русский музей и другие. Сглаженная поверхность в бюсте Лермонтова подчеркивает острую выразительность взгляда, тревожно-мучительную печаль во всем обличье поэта.

Печально я гляжу на наше поколение!
Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познания и сомненья,
В бездействии состарится оно.
Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их умом,
И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,
Как пир на празднике чужом.
К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно-малодушны,
И перед властью — презренные рабы.

Именно сопоставлением деятельных и действующих героев прошлого с жизнью современников поэта проникнуты его исторические произведения.

Первый зал знакомит с самым ранним из них — «Вадимом». Название роману дали редакторы, так как заглавный лист рукописи утрачен. Впервые он был напечатан в 1873 году в журнале «Вестник Европы». Лермонтов работал над романом в 1833—1834 годах. А. Меринский, товарищ поэта по юнкерской школе, вспоминал: «Раз, в откровенном разговоре со мной, он мне рассказал план романа, который задумал писать прозой и три главы из которого были тогда уже им написаны. Роман этот был из времен Екатерины II, основанный на истинном происшествии, по рассказам его бабушки. Не помню хорошо всего сюжета, помню только, что какой-то нищий играл значительную роль в этом романе».

Он основан на подлинных исторических событиях, связанных с пугачевским движением в Пензенском крае. Центром вос-

стания стали уезды Краснослободский (ныне — территория Мордовской АССР), Керенский (ныне — Вадинский район) и Нижнеломовский. В летописях восстания важное место занимал Нижнеломовский мужской монастырь. Летом 1774 года он пять раз был занимаем повстанцами. В городе Краснослободске пугачевцы убили капитана Д. Столыпина, родственника Арсеньевой. В селе Родники повесили помещика Кизяева, дочь которого воспитывалась вместе с Арсеньевой. В списке дворян, «убитых до смерти» в 1773—1774 годах, встречаем фамилии Мещериновых, Мансыревых, Мартыновых, Мосоловых, Хотяинцевых. Они составляли круг родных и знакомых Арсеньевой. (В экспозиции — планшеты с фрагментами этих списков.)

Побывали пугачевцы и в Тарханах, тогда принадлежавших Нарышкиным. По преданию, управляющий успел предусмотрительно разделить весь хлеб крестьянам и потому не был повешен. Знал Лермонтов и истории окрестных помещиков, одни из которых прятались от пугачевцев в пещерах, а другие переходили на сторону «народного царя» (например, помещик села Поляны ротмистр Иван Яковлевич Брюхатов).

Действие романа разворачивается в местах, знакомых поэту с детства. Восстание начинается у стен монастыря и продолжается в селе помещика Палицына и в окрестностях его имения. Гремучий овраг и прилегающее к нему зыбкое, болотистое место, описанное Лермонтовым под названием Чертова логовица, находится в 9—10 верстах от Тархан, между селами Тархово и Нижние Поляны.

Экспозиция зала открывается планшетами, на которых воспроизведены увеличенные фотографии второй половины XIX века, изображающие Казанский мужской монастырь, находившийся в Нижнем Ломове. До нашего времени монастырь не сохранился, и эти фотографии — одно из редких его изображений. Они напоминают строки романа: «На полусветлом небосклоне рисовались зубчатые стены, башни и церковь, плоскими черными городами, без всяких оттенков; но в этом зрелище было что-то величественное, заставляющее душу погружаться в себя и думать о вечности...» Лермонтоведы едины во мнении, что на паперти именно этого монастыря разворачиваются решающие события романа.

Звучащие на фонограмме удары колокола позволяют полнее представить описанную Лермонтовым картину." «День угасал; лиловые облака, протягиваясь по западу, едва пропускали красные лучи, которые отражались на черепицах башен и ярких главах монастыря. Звонили к вечерне; монахи и служки ходили взад и вперед по каменным плитам, ведущим от кельи архимандрита в храм...» Лермонтов описывает картину «Страшного суда», дьявола, «изображенного поблекшими красками на святых вратах».

Богомольная Арсеньева вместе с маленьким внуком не раз, конечно, посещала монастырь. Еще в 1780 году в Нижнем Ломове была учреждена ярмарка, которая проходила здесь ежегодно.

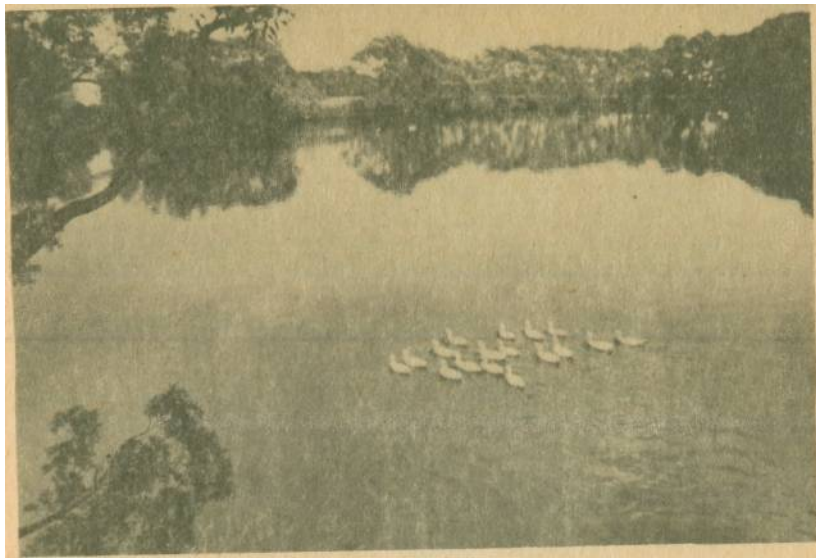

Памятный знак на трассе Пенза - Тамбов.

Вид барского дома со стороны парка.

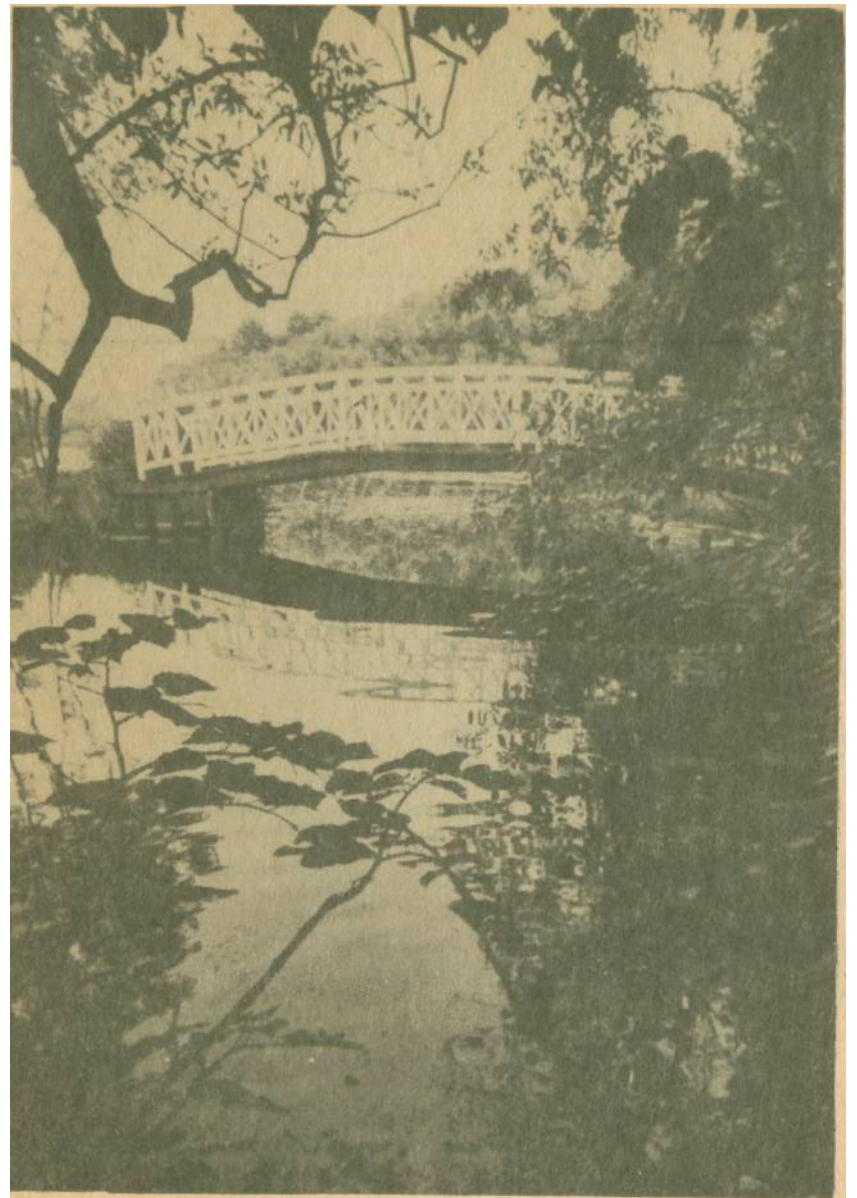
Зак. 2334

Речка Марарайка, перепруженная плотинами, образовала каскад прудов: Верхний, или Барский, Средний, Нижний, или Большой.

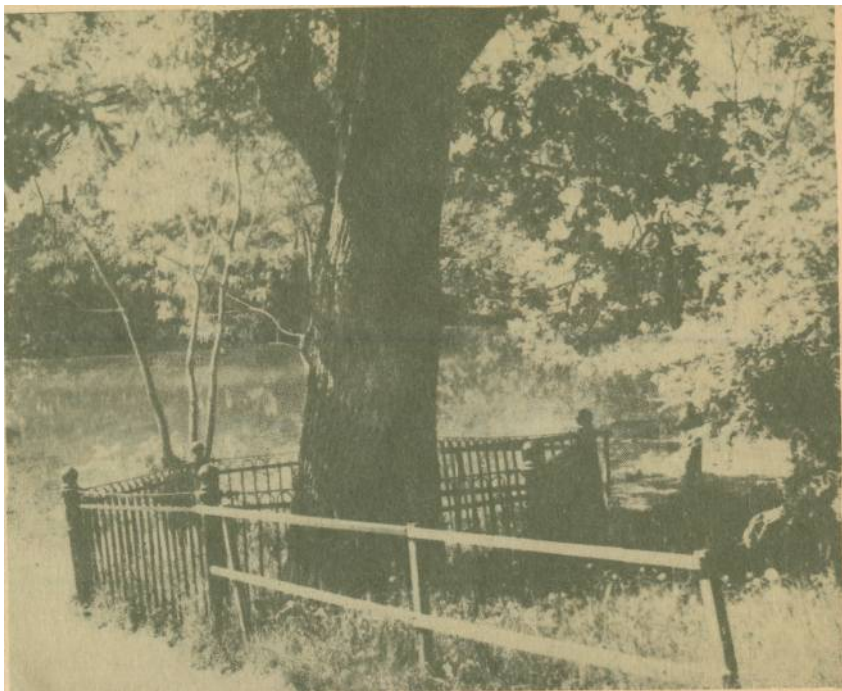

«Темная» аллея, о которой вспоминал М. Ю. Лермонтов в стихотворении «1-е января».

Вид из парка на Нижний пруд.

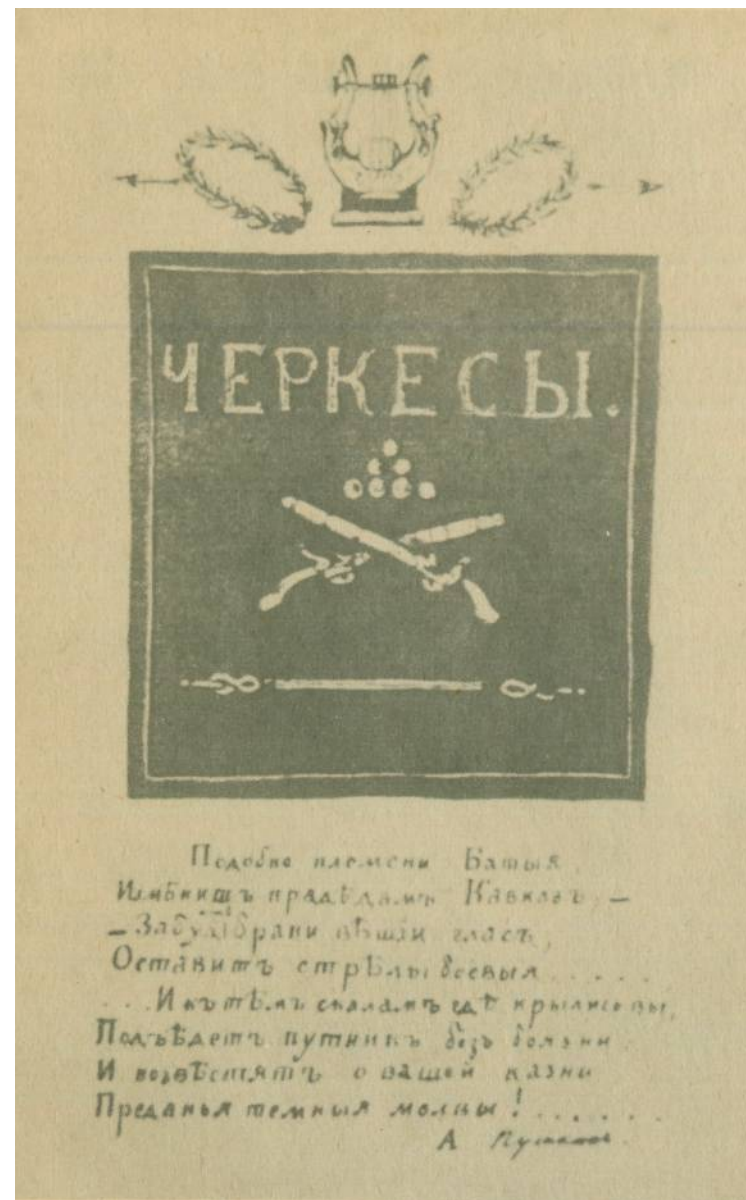

Дуб, посаженный М. Ю. Лермонтовым.

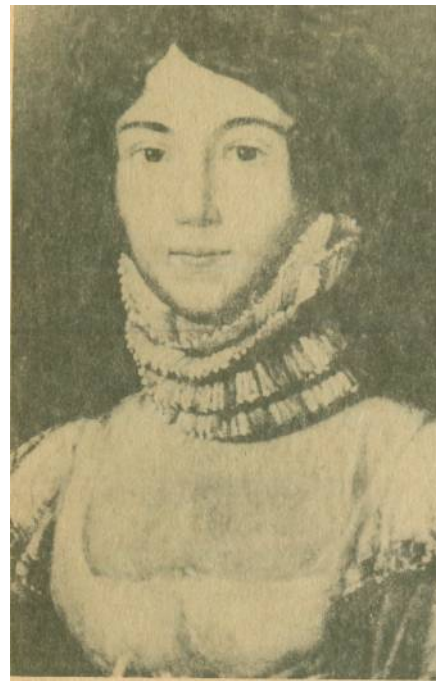
Нескончаем поток экскурсантов в Тарханах

Титульный лист рукописи М. Ю. Лермонтова «Черкесы».

Вид барского дома с восточной стороны.

Мария Михайловна Лермонтова — мать поэта.

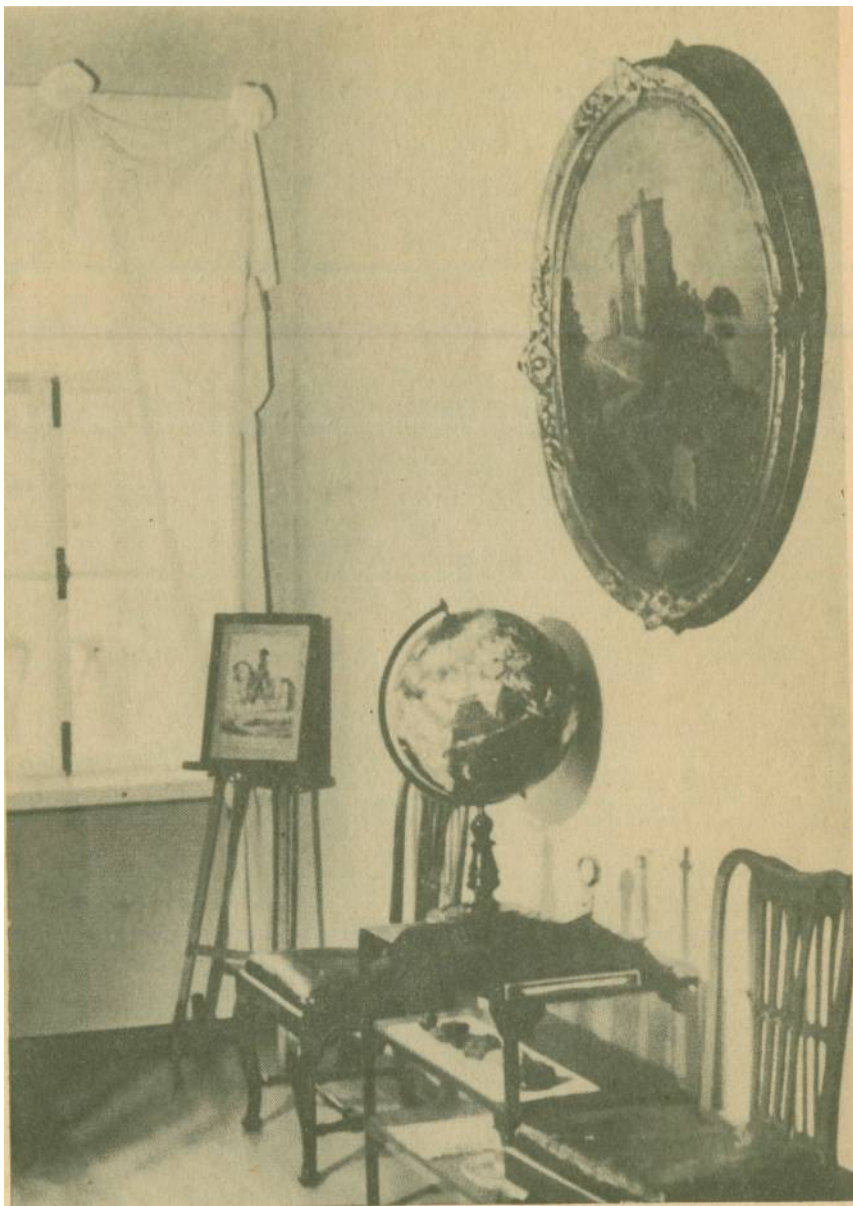

М. Ю. Лермонтов в детстве,

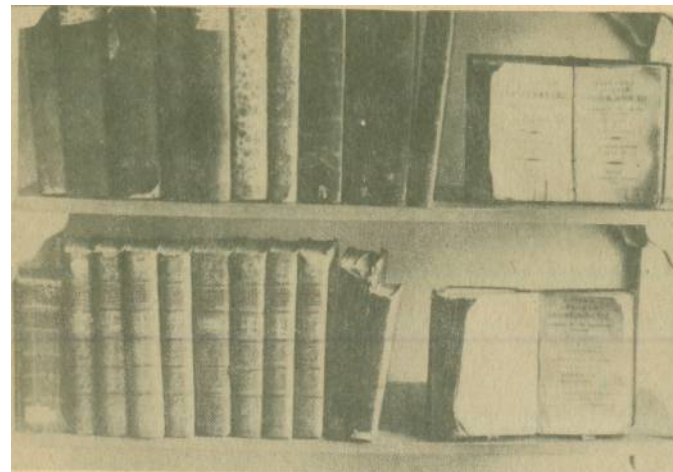

Старинный рояль с нотами.

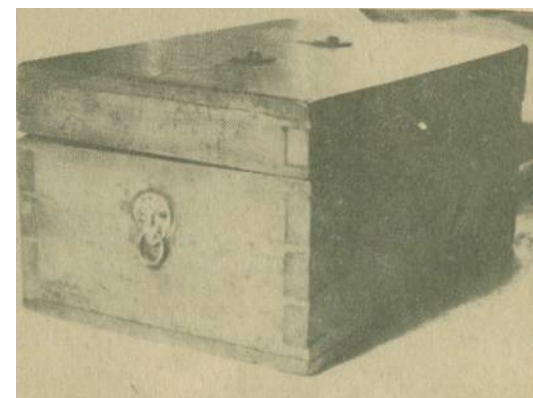

Уголок экспозиции в комнатах М. Ю. Лермонтова.

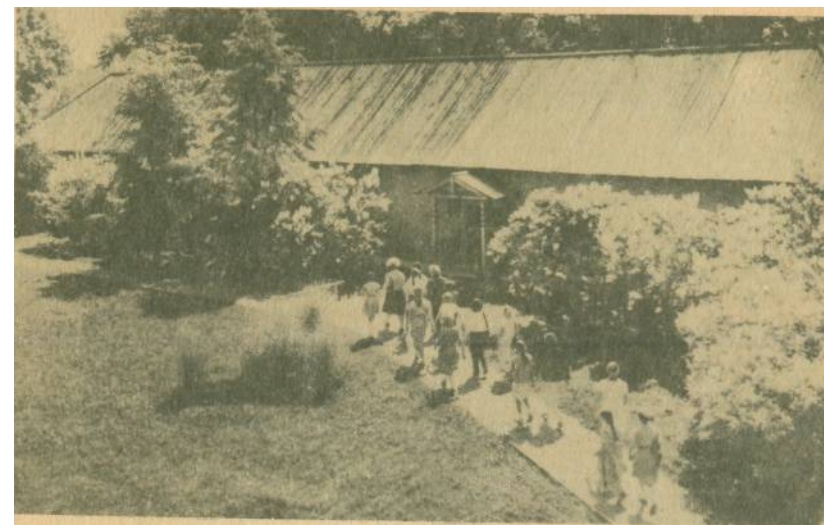
Книги, которые читал М. Ю. Лермонтов, живя в Тарханах.

Шкатулка М. Ю. Лермонтова.

Церковь Марии Египетской.

Людекая изба.

Дом ключника.

Кулачные бои устраивались на льду Большого пруда.

Сельская церковь Михаила Архангела.

Памятник М. Ю. Лермонтову работы О. К. Комова.

Фольклорный ансамбль Саратовского государственного университета на Лермонтовском дне поэзии.

Памятник М. Ю. Лермонтову на сельской площади, изготовленный коллективом Пензенского дизельного завода.

В склепе-часовне.

На месте перезахоронения отца М. Ю. Лермонтова.

Памятный камень в Апалихе.

Возможно, и на ярмарки приезжала сюда бабушка поэта. Нижний Ломов, кроме того, являлся для Тархан административным центром по линии церковного управления.

Известно, что игумен Казанского мужского монастыря был отстранен от должности, лишен сана и сослан за то, что встретил колокольным звоном отряд пугачевцев, захвативших Ломов. В церкви во время обедни он молился за здоровье Пугачева, именуя его императором Петром III.

Воссоздать обстановку повстанческого движения позволяют экспонаты, размещенные на правой (от входа) стене. Подлинное оружие пугачевцев: кистень, цепи, рогатины. Здесь же — посконная рубаха; на подставках — медные монеты екатерининского времени. Они найдены в самих Тарханах. В углу — на подвеске колокол из церкви Михаила Архангела, расположенной в центре села. Именно колокол оповещал о приходе повстанцев и начале страшного для помещиков пугачевского суда. Здесь же текст из романа «Вадим»: «Каждая старинная и новая жестокость господина была записана его рабами в книгу мщения, и только кровь могла смыть эти постыдные летописи. Люди, когда страдают, обыкновенно покорны, но если раз им удалось сбросить ношу свою, то ягненок превращается в тигра; притесненный делается притеснителем и платит сторицею — и тогда горе побежденным!.. В 18 столетии дворянство, потеряв уже прежнюю неограниченную власть и способы ее поддерживать, — не успело переменить поведения: вот одна из тайных причин, породивших пугачевский год!»

Воспроизводимые на слайдах гравюры XVIII века «Плавучая виселица», «Наказание палками», сцены из крепостной жизни помогают проникнуть в глубь эпохи романа, понять его основную сюжетную линию. Противопоставлением миру страданий народа является быт дворянства, элементы которого представлены экспонатами, размещенными вдоль левой стены. Резное золоченое «парадное» кресло, прекрасной работы изящные канделябры в виде амура с золоченой ветвью, тончайшее, украшенное вышивкой и кружевом дамское белье — все это выглядит вызывающей роскошью, разительным контрастом. Углубляют это ощущение слайды с гравюр XVIII века из дворянской жизни: «Куртуазные сцены», «Моды», «Садовница». Здесь же — фотографии с портретов знаменитых фаворитов Екатерины II: Паниных, Зубова, потопивших в крови восстание крестьян, и обворовавших Россию.

Понять суть происходящих событий в романе помогают также планшеты с увеличенными фотоизображениями первой страницы произведения, полностью заполненной рисунками Лермонтова. Фрагменты их воспроизводятся на слайдах. Как в причудливом кружении теснятся здесь образы, то исчезая в толпе, то возникающая вновь и вновь. Перо Лермонтова необыкновенно смело, свободно, одним-двумя живыми штрихами намечает головы, фигуры, прихотливые силуэты, составляющие сложную композицию.

Кто эти люди? На многие вопросы исследователи еще и сейчас

не дают ответов. Но эти рисунки являются составной частью замысла романа.

Роман остался незаконченным. Однако, по мнению некоторых лермонтоведов, по смелости изображения революционной борьбы крестьян против помещиков и крепостнического строя некоторые его страницы приближаются к «Путешествию из Петербурга в Москву» Радищева.

Александр Блок, давая оценку «Вадиму», писал: «Будучи дворянином по рождению, аристократом по понятиям, Лермонтов, как свойственно большому художнику, относится к революции без всякой излишней чувствительности, не закрывает глаз на ее темные стороны, видит в ней историческую необходимость». Блок считал, что в «Вадиме» содержатся глубочайшие мысли о русском народе и о революции».

«Бородино»

Стихотворение впервые было напечатано в 1837 году в шестой книжке журнала «Современник», основанного А. С. Пушкиным. Автограф не сохранился, но лермонтоведы считают, что оно написано в январе 1837 года в связи с исполнившимся 25-летием Отечественной войны 1812 года.

Бородинская битва давно привлекала внимание поэта. И это не случайно. Рассказы о сражении, о сожжении Москвы были для Лермонтова, как и для его современника А. И. Герцена, «колыбельной песнью, детскими сказками». И. Л. Андроников пишет: «Все вокруг с детских лет говорило Лермонтову об Отечественной войне, все напоминало о Бородинской победе: и еще не отстроенная Москва, взорванные по приказу Наполеона стены Кремля, пушки, отбитые у неприятеля, грудь ветерана, украшенная крестами, карикатура на отступление «великой армии»... пылкие рассуждения московских студентов о значении 1812 года в русской истории, а главное, рассказы множества очевидцев — в Москве, Петербурге, а еще ранее — в пензенских Тарханах». Здесь он мог слышать рассказы от братьев бабушки, Елизаветы Алексеевны. Четверо из них были на военной службе. В Бородинском сражении командовал батареей Афанасий Алексеевич Столыпин. Во время одной из схваток он хладнокровно подпустил французских кирасиров на близкое расстояние, а затем картечью расстрелял их.

Отец поэта, Юрий Петрович Лермонтов, отставной капитан, в 1812 году вступил в ополчение. Бабушка жертвовала деньги. В 1813 году в письме к губернатору она писала: «За счастье сие поставлю... быть участницей в приношениях для пользы Отечества, при сем к Вашему сиятельству 100 рублей». Кроме того, известно, что тарханские крестьяне служили в ополчении, принимали участие в заграничных походах русской армии. Документы об этих событиях, в ксерокопиях, представлены в экспозиции. На слайдах воспроизводятся портреты родственников поэта.

Видимо, к событиям Отечественной войны 1812 года у Лермонтова пробудился интерес с детских и отроческих лет. Еще в 1831 году он написал стихотворение «Поле Бородина». Язык его немного напыщен, романтизирован, но о битве рассказывается от лица простого солдата.

Марш, марш! пошли вперед, и боле
Уж я не помню ничего.
Шесть раз мы уступали поле
Врагу и брали у него.
Носились знамена как тени,
Я спорил о могильной сени,
В дыму огонь блестел,
На пушки конница летала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел...

И крепко, крепко наши спали
Отчизны в роковую ночь.
Мои товарищи, вы пали!
Но этим не могли помочь.
Однако же в преданьях славы
Всё громче Рымника, Полтавы
Гремит *Бородино*.
Скорей обманет глас пророчий,
Скорей небес погаснут очи,
Чем в памяти сынов полночи
Изгладится оно.

Слыша в детстве воспоминания и офицеров, и рядовых ополченцев, поэт уже тогда смог разобраться, кто же главный герой и вершитель судеб Родины в этой войне. В 1937 году стихотворение было полностью переработано, но главный прием остался: рассказ простого артиллериста. Примечательно, что за год до этого поэт побывал в Тарханах и смог снова услышать характерные интонации и слова народного сказа, немудрящие, но искренние воспоминания крестьян-ополченцев.

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?» (...)

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат мусью!
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!

Задача экспозиционного показа в этом зале — ввести зрителя в обстановку сражения, описываемого солдатом-артиллеристом.

Этому помогают планшеты, на которых представлены фотоувеличенная гравюра XIX века «Артиллерист», цифры, показывающие потери двух армий, русской и французской, рисунки Лермонтова из «Юнкерской тетради», изображающие боевые сцены. Своеобразный зачин осмотру зала задает народная историческая песня «Про Семенов день».

Как не две тученьки, не две грозные
Вместе сходились —
Как две силы — армейюшки
Вместе соезжались;
Как одна сила — армейюшка,
Она царя белого,
Как вторая сила — армейюшка
Короля французского.

Для того чтобы понять, за что шли воевать солдаты-ополченцы, чем грозило России нашествие Наполеона, на фонограмме звучат его слова: «Нам нужно единое европейское законодательство, единая Кассационная палата Европы, единая монета, одинаковые меры веса и длины, одни и те же законы. Из всех народов Европы я должен сделать единый народ, а из Парижа — столицу мира». Гравюры и литографии XIX века, размещенные на правой стене, изображают Наполеона в минуты его торжества. Здесь же — парные чашечки начала XIX века с портретами Наполеона и Жозефины — свидетельства его популярности в мире; на подставке — металлическая кокарда с кивера французского солдата с литерой «N». Вдаль левой стены разместились штывы от боевых ружей и само ружье и шашка русской армии образца 1812 года, ядра, найденные на Бородинском поле, солдатская награда — Георгиевский крест IV степени, медали за участие в войне 1812—1814 годов. Посетители видят подлинное и выполненное по образцам того времени обмундирование. Здесь представлены кавалергардская и драгунская форма, а также солдатский мундир. Ценнейшей реликвией является укрепленное в правом углу подлинное боевое полковое знамя русской армии, побывавшее в Бородинском сражении. В центре левой стены — оригинал карты Германии 1809 года. На обороте — надпись по-французски о том, что она взята у офицера французской армии. Ее историю предстоит изучить.

Центральное место в экспозиции занимает цветная литография Гессе «Бородинское сражение». Именно с ее помощью строится рассказ о битве. Игра света, возникающие на слайдах увеличенные фрагменты литографии, воспроизводящийся на фонограмме свист пуль и ядер, шум боя — все это позволяет создать драматическое повествование, является динамической иллюстрацией к знаменитому стихотворению.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри — не вы.

Лермонтов вновь изображает того героя, которого он рисовал в романе «Вадим», — народ. «Суть этого произведения поэта — вера в русский народ. В то, что он способен вершить великие дела. Вот он какой, простой русский, когда увидит, что ему за все отвечать, ему решать, ему спасать». Одновременно поэт противопоставляет богатырей духа, победителей, героев недавнего прошлого дремлющему в бездействии поколению своих современников.

Победный звук боевой трубы означает, что знакомство с залом «Бородино» закончено. Следующий и последний зал:

«Песня про... купца Калашникова»

Лермонтоведы до сих пор спорят о времени написания этого произведения. Поэма «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» впервые появилась в конце апреля 1838 года в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду», редактируемых А. А. Краевским. (В экспозиции представлена одна из годовых подшивок этого журнала-газеты.) В первом прижизненном издании стихотворений Лермонтова 1840 года под текстом поэмы стоит дата — 1837 год, а в посмертном издании 1842 года — 1836 год, то есть именно тот год, когда поэт побывал в Тарханах. Автограф поэмы не сохранился.

В «Песне» отразились мучительные размышления Лермонтова о нравственных и политических вопросах, о судьбе человеческой личности. Произведение воспринималось как глубоко современное. В. Г. Белинский писал: «Здесь поэт от настоящего мира не удовлетворяющей его русской жизни перенесся в ее историческое прошлое, подслушал биение его пульса, проник в сокровеннейшие и глубочайшие тайники его духа, сроднился и слился с ним всем существом своим, обвеевался его звуками, усвоил себе склад его старинной речи, простодушную суровость его нравов, богатырскую силу и широкий размет его чувства — и, как будто современник этой эпохи... вынес из нее вымышленную быть, которая достовернее всякой действительности, несомненнее всякой истории». «Поэт вошел в царство народности как ее полный властелин», — отмечал великий критик.

Ученые называют множество источников, которые могли подсказать поэту сюжет и основной конфликт поэмы, имена и фамилии ее героев, обороты и склад речи. Здесь и «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым», «Сказание» Авраамия Палицына. Возможно, что вспомнил Лермонтову и эпизод, рассказанный Н. М. Карамзиным и относящийся к эпохе Ивана IV, о чиновнике Мсоеде Вислом, который «имел прелестную жену: ее взяли, обесчестили... а ему отрубили голову». Во время пребывания Михаила Юрьевича в университете произошел случай увоза красавицы жены купца, жившего в Замоскворечье, «по-старинному». Лихой гусар, тщетно ухаживающий за пригля-

нувшейся ему женой купца, похитил ее с улицы, когда она возвращалась из церкви. Муж отомстил за поругание семьи, а потом, арестованный, наложил на себя руки. Были события и более близкие: только что на дуэли с царским «опричником» погиб Пушкин, который вышел на поединок, чтобы защитить честь жены и свое благородное имя. Однако какие бы факты и книги ни питали воображение поэта в период работы над поэмой, конкретные ее очертания, события, которые должны были в ней произойти, форма, которую она должна принять, характер поединка для защиты достоинства и чести — все это определялось во время пребывания Лермонтова в Тарханах. Об этом писал уже первый биограф поэта П. А. Висковатов: «Хотя знаменитая «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» и была окончательно отделана позднее и в первом своем виде появилась в начале 1838 года, но уже в 1836 году Лермонтов ее задумал и готовился написать, а может быть, частью и написал уже». Он же заметил: «Интересной иллюстрацией к настроению поэта в годы, когда он писал свою песню про Иоанна Грозного, может служить рассказ о том, как, побывав зимою 1836 года в Тарханах, Лермонтов устраивает между крестьянами кулачный бой... Довольный видением боя, Лермонтов подарил крестьянам несколько участков лесу и особенно одарил победителя, молодого парня из Тархан. Видно, поэта занимала картина кулачного боя как сильно распространенная в прошлом русская национальная потеха». Висковатов приводит и записанный им в 1881 году рассказ об этом бое восьмидесятилетней крестьянки из Тархан Аграфены Петровны Ускоковой (часть его воспроизведена в экспозиции на фонограмме). «Молодым барином,— царство ему небесное! — было тогда роздано 25 десятин лесу. Все тогда и избы, и изгороди справили... а бились на первом снеге. Место то оцепили веревкой — и много нашего народу; а супротивник сына моего прямо по груди-то и треснул, так, значит, кровь пошла. Мой-то осерчал, да и его как хватит — с ног даже сшиб. Михаил Юрьевич кричит: «Буде! Будет, еще убьет!»

А вот как, преображенная поэтическим гением, выглядит сцена боя в «Песне»:

И приехал царь со дружиною,
Со боярами и опричниками,
И велел растянуть цепь серебряную,
Чистым золотом в кольцах спаянную.
Оцепили место в двадцать пять сажень,
Для охотничьего бою, одиночного...

Размахнулся тогда Кирибеевич
И ударил впервой купца Калашникова,
И ударил его посередь груди —
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степан Парамонович;
На груди его широкой висел медный крест
Со святыми мошами из Киева,
И погнулся крест, и вдавился в грудь;

Как роса из-под него кровь закапала;
И подумал Степан Парамонович:
«Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до последнего!»
Изловчился он, приготовился,
Собрался со всею силою
И ударил своего ненавистника
Прямо в левый висок со всего плеча.

И опричник молодой застонал слегка,
Закачался, упал замертво;
Повалился он на холодный снег,
На холодный снег, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыром бору
Под смолистый под корень подрубленная....

Эта забава — кулачные бои — была известна поэту еще в детстве. Аким Павлович Шан-Гирей писал: «На плотине с сердечным замиранием смотрели, как православный люд стена на стену сходил на кулачки, и я помню, как раз расплакался Мишель, когда Василий-садовник выбрался из свалки с губой, рассеченной до крови».

Посмотреть «кулачки» приходили все жители села, в том числе господа и их дети. А. П. Шан-Гирей описывает место боев — на плотине, то есть на льду Большого пруда.

Как сходились, собирались
Удалые бойцы московские
На Москву-реку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потешиться.

О тарханских реалиях свидетельствует и такой факт, о котором Лермонтов, безусловно, знал. Он вывел основного героя поэмы под знакомой ему фамилией. Незадолго до приезда поэта в Тарханы в 1836 году здесь привлекали к суду якобы за поджог крестьянского двора одного из подданных госпожи Е. А. Арсеньевой. В его показаниях читаем: «Иваном меня зовут, Яковлев сын, по прозвищу Калашников, от роду имею 18 лет». Весь строй языка сразу заставляет вспомнить строчки из «Песни»:

А зовут меня Степаном Калашниковым,
А родился я от честного отца,
И жил по закону господнему...

В экспозиции рисунок Лермонтова «Кулачный бой» (в ксерокопии). Здесь же представлены образцы одежды XVI—XVII веков: костюм купца и кафтан опричника, а платье-сарафан горожанки и царское облачение сшиты из подлинной ткани XVII столетия. Во время рассказа ведущего костюмы как бы оживают под направленными на них лучами света и ведут «диалог». Сменяющие друг друга слайды с картин А. М. Васнецова «Москва при Иване Грозном», «Царские терема в Кремле», «Улица в Китай-городе», «Базар», «Скоморохи»; А. П. Рябушкина «Московские девушки в церкви», «Семья купца в XVIII веке» и другие вводят нас в

далекую эпоху, в которой происходят события, описанные в «Песне».

Размышления поэта об ответственности личности за свою судьбу, о границах власти монарха, повелителя, деспота над волей и духом человека стали в какой-то мере близки другому великому художнику, режиссеру С. М. Эйзенштейну. В 1942 году он работает над фильмом «Иван Грозный». В ходе раздумий над личностью Грозного и его временем он создает рисунки-наброски карандашом. Они хранятся в музее-квартире С. М. Эйзенштейна. В экспозиции на планшетах представлены фотоувеличенные копии некоторых рисунков.

В них просматриваются герои кинофильма, снятого в другую историческую эпоху, когда, казалось бы, совсем иные проблемы волновали умы современников. Но такова великая созидательная, творческая власть поэтического гения Лермонтова, что в этих портретных характеристиках мы угадываем образы Кирибеевича, Калашникова, безвестных и безымянных представителей народа.

Главным экспонатом зала по праву является звучащая на фонограмме запись «Песни про царя Ивана Васильевича...» в исполнении народного артиста СССР Н. Д. Мордвинова. Он создает удивительный, полный драматизма и высоких страстей мир лермонтовской поэмы.

Заканчивается рассказ о трех исторических произведениях Лермонтова, связанных с пензенским краем, стихотворением «Родина». В нем так же, как и в романе «Вадим», стихотворении «Бородино», поэме «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», звучит раздумье Над историей и судьбами России, русского народа.

Данное стихотворение было написано Лермонтовым в последний приезд с Кавказа. 13 марта 1841 года В. Г. Белинский в письме к В. И. Боткину сообщал: «Лермонтов еще в Питере. Если будет напечатана его «Родина», — то, аллах-керим, — что за вещь — пушкинская, т. е. одна из лучших пушкинских».

Великий критик боялся, что цензура не позволит опубликовать это произведение. Ведь он знал об отношении царского двора к опальному поэту. Знал и то, как не допустили к печати «Демона», а также ряд других творений Михаила Юрьевича. Однако на этот раз все обошлось без особых осложнений и в апрельском номере «Отечественных записок» «Родина» увидела свет.

Каждая строка этого шедевра проникнута глубочайшей мыслью:

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Позже Н. А. Добролюбов в статье «О степени участия народности в развитии русской литературы» подчеркивал: «Лермонтов... обладал, конечно, громадным талантом». Он рано смог «постичь недостатки современного общества, умел понять и то, что спасение от этого ложного пути находится только в народе. Доказательством служит его удивительное стихотворение «Родина», в котором он становится решительно выше всех предрассудков патриотизма и понимает любовь к отечеству истинно, свято и разумно».

Но я люблю — за что, не знаю сам —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям;
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень...

Экспозиция людской избы является завершающим аккордом в рассказе о пензенских, тарханских истоках творчества великого русского поэта. Покидая ее, посетители вновь видят перед собой далекие горизонты, широкие просторы тарханских окрестностей, все то, что было так мило и дорого сердцу Лермонтова.

СЕЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ

По широкой улице со старинным названием Бугор посетители музея направляются в центр села к церкви Михаила Архангела, где развернута экспозиция «Лермонтов в памяти поколений». Рядом с церковью находится часовня, в которой покоится прах поэта и его близких.

Над великой могилой тишина. Именно здесь под шелест дубовой листвы яснее видишь и понимаешь жизнь Лермонтова, короткую и трагическую, но такую удивительную и прекрасную.

Долгие хлопоты Е. А. Арсеньевой о перевозе тела внука в Тарханы наконец-то увенчались успехом. 9 февраля 1842 года пензенский гражданский губернатор сообщал епископу пензенскому и саранскому Амвросию: «Государь император, снисходя на просьбу помещицы Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, урожденной Столыпиной, изъявил высочайшее соизволение на перевоз из Пятигорска тела умершего там в июле 1841 года внука ея Михаила Лермонтова... в принадлежащее ей село Тарханы для погребения на фамильном кладбище с тем, чтобы упомянутое тело было закупорено в свинцовом и засмоленном гробе и с соблюдением всех употребляемых на сие предосторожностей».

29 марта 1842 года печальная процессия со свинцовым ящиком на одной из подвод тронулась из Пятигорска. 21 апреля она добралась до Тархан. Двое суток свинцовый гроб простоял в церкви Михаила Архангела. Можно предположить, что здесь и совершили обряд отпевания, так как в метрической книге Скорбященской церкви Пятигорска записано: «15 июля 1841 г. поручик Тенгинского пехотного полка Михаил Юрьев Лермонтов погиб на дуэли, погребение пето не было».

«Лермонтова уже нет, вчера оплакивали мы смерть его. Грустно было видеть печальную церемонию, еще грустней вспомнить: какой ничтожный случай отнял у друзей веселого друга, у нас — лучшего поэта... и новый глубокий траур накинута на литературу русскую, если не европейскую». Вот такую запись 18 июля 1841 года оставил в своем дневнике Н. Ф. Туровский, учившийся вместе с поэтом в Московском пансионе.

Смерть Лермонтова была настолько неожиданна, а захоронение столь спешно, что даже не сумели снять посмертной маски.

Художник Р. К. Шведе запечатлел поэта на смертном одре. В белой рубашке, коротко подстриженный, спокойный.

Он мечтал перечитать «полное собрание сочинений Жуковского последнего издания и... полного Шекспира, по-английски», «уже затевал он в уме, утомленном суетою жизни, создания зрелые», мечтал написать романтическую трилогию из жизни трех эпох русского общества, хотел полностью отдаться литературному труду. Но мечты остались неосуществленными.

После гибели Лермонтова были опубликованы «Утес», «Сон», «Парус», а также многие другие его произведения. И за строчками стихов вставал образ поэта, гордый, мятежный и непокоренный.

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..

Играют волны — ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит..
Увы! он счастья не ищет
И не от счастья бежит!

Под ним струя светлей лазури.
Над ним луч солнца золотой..
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

Страдание, заботы, жизнь, полная тревог,— вот что, по Лермонтову, должно наполнять настоящую жизнь.

Я жить хочу! хочу печали
Любви и счастьем назло;
Они мой ум избаловали
И слишком сгладили чело...

И последние стихи, записанные в альбом В. Ф. Одоевского, проникнуты усталостью, отчаянием, а вместе с тем жадой любви и счастья.

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сияньи голубом..
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!..

В августе 1841 года, через месяц после гибели поэта, вышло второе издание «Героя нашего времени». Желая дать отпор всем,

кто упрекал его в создании безнравственного образа Печорина, тем, кто утверждал, что главный герой — это портрет самого автора, в предисловии к этому изданию Лермонтов писал: «Герой Нашего Времени, милостивые государи мои, точно портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии... Отчего же вы не веруете в действительность Печорина? Уж не оттого ли, что в нем больше правды, нежели бы вы того желали?..»

Больше правды, чем кто-либо из современников, высказал Лермонтов в «Смерти поэта», «Демоне», которые поэтому долгое время ходили в России в списках. Только с 1856 года, да и то за границей, начинает публиковаться «запрещенный» Лермонтов.

Его стихи появлялись почти во всех журналах того времени. Часть из них представлена в экспозиции. Их читали, о них спорили, на них воспитывались. Уже в 1843 году многие произведения его были включены в «Полную русскую хрестоматию», которая стала учебным пособием и с 1843 по 1917 год выдержала 40 изданий.

В экспозиции находится также третье издание «Героя нашего времени» (1843). Как память о погибшем друге-поэте хранил это издание художник Г. Г. Гагарин. Вместе с Лермонтовым он был на Кавказе, жил с ним в одной комнате. О плодотворности их содружества свидетельствуют копии Гагарина, профессионального художника, снятые с работ поэта. Гагарин считается одним из первых иллюстраторов лермонтовского «Демона». При жизни Лермонтова его произведения не иллюстрировались. Впервые книжные иллюстрации к его произведениям появились в 1844 году в «Дамском альбоме», составленном из отборных произведений русской поэзии. В 60-е годы отдельным изданием выходит «Песня про... купца Калашникова» с иллюстрациями А. И. Шарлеманя. Одиннадцать иллюстраций, выполненных этим художником, были безупречны по технике рисунка, но страдали односторонностью и неточностью в обрисовке персонажей поэмы.

Впервые в этом издании появился портрет Лермонтова работы Ф. Будкина. Поэт изображен погрудно, в мундире лейб-гвардии Гусарского полка, в шинели, брошенной на правое плечо, с треуголкой в руке. Несмотря на некоторую нарядность портрета, художник сумел верно передать мягкое выражение лица и глубину взгляда Лермонтова. «Наружность Лермонтова была очень замечательна. Он был небольшого роста, плотного сложения, имел большую голову, крупные черты лица, широкий и большой лоб, глубокие, умные и пронзительные черные глаза, невольно приводившие в смущение того, на кого он смотрел долго. Лермонтов знал силу своих глаз и любил смущать... людей

робких и нервических своим долгим и пронзительным взглядом». Таким поэт запомнился писателю И. И. Панаеву.

В 60-е годы развивается станковая иллюстрация, которая теряет непосредственную зависимость от текста и приобретает самостоятельное значение. В 1862—1865 годах выходит «Северное сияние. Русский художественный альбом», в котором помещены и иллюстрации к произведениям Лермонтова. Это была первая попытка образного осмысления творчества поэта, и она оказалась не совсем удачной. Большинству художников была чужда стихия лермонтовской поэзии. Статичными, невыразительными, склонными к экзотике и театральности, а в отдельных случаях безвкусными и комичными оказались работы М. Пескова, Н. Негодаева, А. Лебедева. И только иллюстрация В. Верещагина не потеряла своей эстетической ценности до настоящего времени.

В 1860 году впервые в России была осуществлена попытка издать Лермонтова как классика. Сделал это С. С. Дудышкин. Он стремился опереться на весь известный к тому времени рукописный фонд Лермонтова и проанализировать его с точки зрения творческой эволюции поэта. Но Дудышкин не обладал ни большой эрудицией, ни критической интуицией, а кроме того, он должен был учитывать полемику не только вокруг наследия Лермонтова, но и его личности.

Естественно, что при таких обстоятельствах благожелательные воспоминания о нем не могли появиться в печати, не причинив неприятностей высокопоставленным особам. Николай I и его приближенные, которые с таким ожесточением преследовали Лермонтова при жизни, не примирились с поэтом и после его смерти. Они не забыли, что именно их, «отпов России», Лермонтов называл «пестрою толпою»; их веселость хотел он смутить

...И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..

В то время о рано погибшем поэте знали мало. До конца царствования Николая I биография Лермонтова была запретной темой в русской печати. Лишь в 1858 году увидели свет мемуары А. М. Меринского, товарища Лермонтова по школе гвардейских подпрапорщиков. Воспоминания эти датированы 1856 годом и, по сути, являются самыми ранними в лермонтовской мемуарной литературе. Этим и объясняется их свежесть, самостоятельность и независимость от последующих мемуаров.

В своих воспоминаниях А. М. Меринский свидетельствовал: «В юнкерской школе Лермонтов был хорош со всеми товарищами, хотя некоторые из них не очень любили его за то, что он преследовал их своими остротами и насмешками за все ложное, натянутое и неестественное, чего никак не мог переносить».

Весьма характерные отзывы о высоких морально-этических нормах, которые были присущи Лермонтову, оставил иностранец,

человек, казалось бы, далекий от насущных вопросов русской жизни. В предисловии к двухтомному изданию «Поэтическое наследие Лермонтова», вышедшему в 1852 году в Берлине, он писал: «Немногие поэты сумели, подобно Лермонтову, остаться во всех обстоятельствах жизни верными искусству и самим себе. Выросший среди общества, где лицемерие и ложь считаются признаками хорошего тона, Лермонтов до последнего вздоха остался чужд всякой лжи и притворства».

Эти слова принадлежат Фр. Боденштедту, немецкому поэту и переводчику. Зимой 1841 года в Москве, обедая в ресторане, он познакомился с поэтом и при последующих встречах мог по достоинству оценить высокие человеческие качества Лермонтова. Далее Боденштедт писал: «Отдаваясь кому-нибудь, он отдавался от всего сердца... он мог быть кроток и нежен, как ребенок, и вообще в его характере преобладало задумчивое, часто грустное выражение. Серьезная мысль была главной чертой его благородного лица, как и всех значительнейших его произведений...»

Но почему не увидели этого люди, находившиеся с Лермонтовым всегда, связанные с ним родством? Почему они говорили о желчном и неуживчивом характере поэта, о его высокомерии? Ответ на эти вопросы содержится в воспоминаниях И. И. Панаева: «...Большинство его знакомых состояло... из людей светских, смотрящих на все с легкомысленной, узкой и поверхностной точки зрения... Лермонтов был неизмеримо выше среды, окружавшей его, и не мог серьезно относиться к такого рода людям. Ему, кажется, были особенно досадны последние — эти тупые мудрецы, важничающие своей дельностью и рассудочностью и не видящие далее своего носа. Есть какое-то наслаждение (это очень понятно) казаться самым пустым человеком, даже мальчишкой и школьником перед такими господами. И для Лермонтова это было, кажется, действительным наслаждением. Он не отыскивал людей равных себе по уму и по мысли вне своего круга. Natura его была слишком горда для этого, он был весь глубоко сосредоточен в самом себе и не нуждался в посторонней опоре».

В 1837 году, выражая свое отношение к высшим кругам общества, Лермонтов писал:

Я не хочу, чтоб свет узнал
Мою таинственную повесть;
Как я любил, за что страдал,
Тому судья лишь бог да совесть!..

Им сердце в чувствах даст отчет,
У них попросит сожаленья;
И пусть меня накажет тот,
Кто изобрел мои мученья;

Укор невежд, укор людей
Души высокой не печалит;
Пусть шумит полна морей,
Утес гранитный не повалит;

Его чело меж облаков,
Он двух стихий жилец угрюмый,
И, кроме бури да громов,
Он никому не вверит думы...

В 1873 году выходит новое издание сочинений Лермонтова под редакцией П. А. Ефремова, где впервые были напечатаны «Жалобы турка», «Ужасная судьба отца и сына», письма Лермонтова.

Честным и порядочным по отношению к друзьям, добрым и доверчивым к «милрой тетеньке» М. А. Шан-Гирей, почтительным внуком по отношению к бабушке, проницательным по отношению к светскому обществу предстает поэт в этих письмах. «Я возбуждаю любопытство,— сообщал поэт в конце 1838 года М. А. Лопухиной,— меня ищут, всюду приглашают, даже когда я не выражаю в том ни малейшего желания... И мало-помалу я начинаю находить все это довольно невыносимым. Эта новая опытность полезна: она мне дала оружие против этого общества, которое непременно будет меня преследовать своими клеветами».

Эти слова Лермонтова оказались пророческими. После гибели поэта, писал П. А. Висковатов, над его могилой это общество громче прежнего стало кричать «о его легкомыслии, ничтожности, подражательности, необразовании, пошлой шаловливости — невыносимости характера. Кричали много и громко, заглушая голоса, певшие ему хвалу».

В 1857 году Е. А. Сушкова опубликовала в «Русском вестнике» часть своих записок под заглавием «Воспоминания о Лермонтове». После ее смерти 10 сентября 1868 года были напечатаны все ее мемуары, которые назывались «Записки Е. А. Хвостовой, рожденной Сушковой, 1812—1841. Материалы для биографии Лермонтова. Издание второе с значительными против первого издания, напечатанного в «Вестнике Европы» 1869 г., дополнениями и приложениями». На титульном листе стоял 1870 год, а на обложке — 1871-й.

Эти воспоминания отличались достоверностью описываемых событий и сразу же вызвали большой интерес среди широких читательских кругов. Современная американская исследовательница А. Гласе указывает, что «Записки» Е. А. Сушковой в мемуарной литературе о поэте «выделяются как один из наиболее полных источников биографии раннего Лермонтова, хотя ряд фактов и суждений, в них содержащихся, не всеми и не всегда воспринимались с полным доверием...».

Такое суждение о «Записках» Е. А. Сушковой вполне естественно, ибо в них действительно имеются какие-то погрешности. В частности, мемуаристка говорит о том, что стихотворение «Весна» было написано для нее осенью 1830 года. На самом деле оно опубликовано в четвертой части журнала «Атеней» (цензурное разрешение 10 мая 1830 г.), который посетители видят в экспозиции. Это первое выступление Лермонтова в печати.

Когда весной разбитый лед
 Рекой взволнованной идет,
 Когда среди полей местами
 Чернеет голая земля
 И мгла ложится облаками
 На полуоные поля,—
 Мечтанье злое грусть лелеет
 В душе неопытной моей;
 Гляжу, природа молодеет.
 Но молодеть лишь только ей;
 Ланит спокойных пламень алый
 С собою время уведет,
 И тот, кто так страдал, бывало,
 Любви к ней в сердце не найдет.

Знакомство Лермонтова с Сушковой произошло в Москве у А. М. Верещагиной. Красивая, умная, ироничная, она стала юношеским увлечением поэта. Душа юного Лермонтова была открыта любви, искала ее. Совсем по-иному относилась к этому Сушкова: она была старше его на два года, уже выезжала в свет, и поэтому в своих отношениях к пылкому юноше она не могла подняться выше насмешки над ним. Свое состояние Лермонтов выразил в маленьком шедевре «Нищий», толчком к его написанию послужила встреча со слепым нищим в Троице-Сергиевой лавре, который рассказал о молодых «господах», бросивших ему камни вместо денег.

У врат обители святой
 Стоял просящий подавня
 Бедняк иссохший, чуть живой
 От глада, жажды и страданья.

Куска лишь хлеба он просил,
 И взор являл живую муку,
 И кто-то камень положил
 В его протянутую руку.

Так я молил твоей любви
 С слезами горькими, с тоскою;
 Так чувства лучшие мои
 Обмануты навек тобою!

Прошло несколько лет. Лермонтов кончил Школу подпрапорщиков. Он повзрослел, изменился внешне. Художник М. Е. Меликов, увидевший поэта в это время, писал: «Он был одет в гусарскую форму. В наружности его я нашел значительную перемену. Я видел уже перед собой не ребенка и юношу, а мужчину во цвете лет, с пламенными, но грустными по выражению глазами, смотрящими на меня приветливо, с душевной теплотой». Два «ужасных» года, проведенные в Школе, наложили отпечаток и на характер поэта. «Я ведь очень изменился! Не знаю, как это происходит, но только каждый день придает новый оттенок моему характеру и взглядам — так и должно было случиться, я всегда это знал... но я не думал, что это будет так скоро», — писал он о

себе А. М. Верещагиной. И теперь уже не глазами восторженно влюбленного юноши смотрел на Сушкову. Он увидел в ней лишь кокетку, стремящуюся найти жениха. Лермонтов заставил ее признаться в любви, тем самым скомпрометировав ее в глазах света, а потом написал анонимное письмо ее родным, приведшее к разрыву. Рассказывая об этом А. Верещагиной, Лермонтов писал: «...я хорошо отомстил за слезы, которые проливал из-за кокетства m-lle S. 5 лет тому назад. Но мы еще не расквитались! Она терзала сердце ребенка, а я только помучал самолюбие старой кокетки...»

Естественно, что образ поэта в «Записках» Сушковой в ряде случаев получился несколько обедненным и совсем не привлекательным.

Во многом расширилось представление о Лермонтове, его биографии и душевных переживаниях, когда увидели свет его юношеские драмы.

Он шел в своем творчестве не от литературы, которую блистательно знал, а от жизни, от ее идей. Увиденное, самым им пережитое, волновавшее его не раз находило отражение в этих драмах. «Я решился изложить драматически происшествие истинное, которое долго беспокоило меня и всю жизнь, может быть, занимать не перестанет...

Справедливо ли описано у меня общество? — не знаю! По крайней мере, оно всегда останется для меня собранием людей бесчувственных, самолюбивых в высшей степени и полных зависти к тем, в душе которых сохраняется хотя малейшая искра небесного огня!..»

И вот это общество убивает Пушкина. Без пощады и страха, с гневом и ненавистью судит Лермонтов это общество.

А вы, надменные потомки
 Известной подлостью прославленных отцов,
 Пятою рабскою поправившие обломки
 Игрою счастья обиженных родов!
 Вы, жадною толпой стоящие у трона,
 Свободы, Гения и Славы палачи!
 Таитесь вы под сению закона,
 Пред вами суд и правда — всё молчи!..
 Но есть и божий суд, наперсники разврата!
 Есть грозный суд: он ждет;
 Он не доступен звону злата,
 И мысли и дела он знает наперед.
 Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
 Оно вам не поможет вновь,
 И вы не смоете всей вашей черной кровью
 Поэта праведную кровь!

Веселым, беспощадно пронизательным, остроумным остался Лермонтов в памяти многих современников. И не могли заслонить этот образ ни клевета, ни напасти врагов. Потому что самую глубокую и самую верную лермонтовскую характеристику содер-

жат его сочинения, в которых он отразился весь, каким был в действительности и каким хотел быть! «Он исповедовался в своих стихах, невольно, увлеченный восторгом поэзии».

Чисто вечернее небо,
Ясны далекие звезды,
Ясны, как счастье ребенка;
О! для чего мне нельзя и подумать:
Звезды, вы ясны, как счастье мое!

Чем ты несчастлив? —
Скажут мне люди.
Тем я несчастлив,
Добрые люди, что звезды и небо —
Звезды и небо! — а я человек!..

Люди друг к другу
Зависть питают;
Я же, напротив,
Только завидую звездам прекрасным,
Только их место занять бы желал.

Но ужасный, скорбный удел был уготован в николаевской России всякому, кто «осмеливался поднять свою голову выше уровня, начертанного императорским скипетром». Лермонтов умел быть смелым даже тогда, когда смелость грозила бедой. И беда не замедлила явиться.

Вскоре после написания стихов на смерть Пушкина была наложена резолюция Николая I: «...старшему медику гвардейского корпуса посетить этого господина и удостовериться, не помешан ли он...».

Формулировка резолюции выглядела более чем зловещей: современники еще помнили, как за «Философические письма» был объявлен сумасшедшим П. Я. Чаадаев. 22 февраля 1837 года Лермонтов был арестован и посажен на гауптвахту. Все творчество Лермонтова, его отношение к жизни шли вразрез с моралью, навыками житейского поведения и даже нормами мышления официальной императорской России. И Лермонтов понимал это.

Одинок я — нет отрады:
Стены голые кругом,
Тускло светит луч лампы
Умирающим огнем;
Только слышно: за дверями
Звучно-мерными шагами
Ходит в тишине ночной
Безответный часовой.

Во второй половине марта Лермонтов покидает Петербург. Ссылка на Кавказ, в Нижегородский драгунский полк.

«С тех пор как выехал из России... я находился до сих пор в непрерывном странствовании, то на перекладной, то верхом; изъездил Линию всю вдоль, от Кизляра до Тамани, переехал горы, был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии, одетый по-черкесски,

с ружьем за плечами; ночевал в чистом поле, засыпал под крик шакалов, ел чурек, пил кахетинское даже... Я снял на скорую руку виды всех примечательных мест, которые посещал, и везу с собою порядочную коллекцию», — сообщал Лермонтов С. Раевскому из Тифлиса. Один из рисунков, представленных в экспозиции, называется «Тамань». В этом домике, вероятно, жил товарищ Лермонтова М. Цейдлер.

Время, проведенное на Кавказе, было богато встречами и впечатлениями.

В 1837 году на Кавказ перевели часть отбывавших в Сибири наказание декабристов. Отношения Лермонтова с ними были довольно сложными. «Сознаюсь, мы плохо друг друга понимали...» — вспоминал М. А. Назимов. — Над некоторыми распоряжениями правительства, коим мы от души сочувствовали и о коих мы мечтали в нашей несчастной молодости, он глумился. Статьи журналов, особенно критические, которые... заживо задевали нас и вызывали восторги, что в России можно так писать, не возбуждали в нем удивления». Лермонтов был воспитан в эпоху последекабрьского разгрома, и в 30—40-е годы он был большим реалистом, чем декабристы. Он лучше знал Россию, знал не понаслышке и потому скептически относился к реформаторской деятельности правительства. Его мятежной натуре было чуждо примирение с действительностью, ставшее к тому времени уделом многих декабристов.

«В сарказмах его,— делился своими мыслями М. А. Назимов,— слышалась скорбь души, возмущенной пошлостью современной ему великосветской жизни и страхом неизбежного влияния этой пошлости на прочие слои общества. Это чувство души его отразилось на многих его стихотворениях, которые останутся живыми памятниками приниженности нравственного уровня той эпохи».

И эти слова бывшего члена Северного общества невольно воскрешают в памяти лермонтовские строки:

Чтоб бытия земного звуки
Не замесались в песнь мою,
Чтоб лучшей жизни на краю
Не вспомнил я людей и муки,
Чтоб я не вспомнил этот свет,
Где носит все печать проклятья,
Где полны ядом все объятья,
Где счастья без обмана нет.

Но ненависть к действительности сочеталась в нем с жадной жизнью, с обостренным восприятием реального. Как бы ни была страшна действительность, он никогда не отворачивался от нее, хотя она приносила ему только боль и отчаяние.

Ближе, чем со всеми ссыльными, Лермонтов сошелся с А. И. Одоевским. Поэту с поэтом было проще. Обычно скрытный, Лермонтов не таился и много говорил.

Больше всего в Одоевском поэта привлекало то, что и «среди волнений трудных», «и средь пустынь безлюдных»

В нем тихий пламень чувства не угас:
Он сохранил и блеск лазурных глаз,
И звонкий детский смех, и речь живую,
И веру гордую в людей и жизнь иную.

Все это в полной мере можно отнести и к Лермонтову. То, что он ценил в современниках, современники ценили и находили в нем. «...У него было милое выражение лица, и глаза его искрились умом... Речь его была интересна, всегда оригинальна и немногое язвительна»,— вспоминал о Лермонтове Лобанов-Ростовский, флигель-адъютант Николая I.

От Лермонтова исходило какое-то внутреннее обаяние. Кто хоть один раз видел поэта, уже не мог забыть его и искал с ним новой встречи. Офицер А. Чарыков, встретившийся с ним на Кавказе, вспоминал: «...пробираясь шаг за шагом в танцевальный зал, я столкнулся с одним из офицеров Тенгинского полка, и когда, извиняясь, мы взглянули друг на друга, то взгляд этот и глаза его так поразили меня и произвели такое чарующее впечатление, что я уже не отставал от него, желая непременно узнать, кто он такой. Случались со мною подобные столкновения и прежде и после... но мне никогда не приходило в голову спрашивать о тех особах, с которыми я имел неудовольствие' или удовольствие сталкиваться».

В начале октября 1837 года был отдан высочайший приказ о переводе прапорщика Лермонтова в Гродненский гусарский полк корнетом. И новые мысли овладевают им:

Что, если я со дня изгнания
Совсем на родине забыт!
Найду ль там прежние объятья?
Старинный встречу ли привет?
Узнают ли друзья и братья
Страдальца, после многих лет?

Узнали, не забыли. И первые дни в Петербурге «прошли в непрерывной беготне: представления, обязательные визиты». Но все чаще Лермонтов пишет, что ему «скучно», что он «упал духом», что «ученье и маневры производят только устдность». И вновь Лермонтов впадал в скорбное раздумье, вновь томили его печаль, сознание пустоты и никчемности жизни, и вновь тяжелым камнем лежала на сердце тоска. Как «похоронная песня всей жизни» звучит его грустная элегия.

И скучно и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...
Желанья!.., что пользы напрасно и вечно желать?..
А годы проходят — все лучшие годы!
Любить... но кого же?.., на время — не стоит труда,
А вечно любить невозможно.

В себя ли заглянешь? — там прошлого нет и следа:
И радость, и муки, и все там ничтожно...

Что страсти? — ведь рано иль поздно их сладкий иедуг
Исчезнет при слове рассудка;
И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг,—
Такая пустая и глупая шутка...

Но поэт не мирился с «пустой» жизнью. Он боролся, боролся словом. И его стих

...как божий дух, носился над толпой
И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вечевой
Во дни торжеств и бед народных.

К периоду возвращения из первой ссылки относится сближение Лермонтова с друзьями Пушкина: он посещает литературные салоны С. Н. Карамзиной, А. А. Олениной, А. О. Смирновой. Только здесь поэт чувствовал себя свободным от плена николаевской России.

Но царские кандалы были уже близко. «Спор о смерти Пушкина был причиной столкновения между ним и г. де Барантом, сыном французского посланника»,— вспоминала русская поэтесса Е. П. Ростопчина.

И вновь через всю Россию с «подорожной по казенной надобности» едет в ссылку поэт-изгнанник.

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурного, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники,
С милого севера в сторону южную. (...)

«Завтра я еду в действующий отряд на левый фланг, в Чечню брать пророка Шамиля»,— пишет Лермонтов А. А. Лопухину в июне 1840 года. По пути отряда генерала Галафеева, в котором служил Лермонтов, в Северный Дагестан у Миатлинской переправы Д. П. Пален нарисовал карандашом портрет поэта, копия с которого представлена в экспозиции. Это единственное его прижизненное профильное изображение.

Таким и запомнил Лермонтова К. Х. Мамацев, подпоручик отряда Галафеева. «Я хорошо помню Лермонтова и как сейчас вижу его перед собою, то в красной канаусовой рубашке, то в офицерском сюртуке без эполет, с откинутым назад воротником и переброшенною через плечо черкесскою шашкой... Натуру его постичь было трудно. В кругу своих товарищей, гвардейских офицеров, участвующих вместе с ним в экспедиции, он был всегда весел, любил острить... Когда он оставался один или с людьми, которых любил, он становился задумчив, и тогда лицо его принимало необыкновенно выразительное, серьезное и даже грустное выражение».

Может быть, в такие минуты вспоминались поэту «желтеющие нивы», проселочные дороги и печальные огни Тархан. А может

быть, поселялась в душе грусть о погибших в Валерикском сражении или возникало предчувствие своей скорой гибели?

Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остается жить!

Поедешь скоро ты домой;
Смотри ж... Да что? моей судьбой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен.

А если спросит кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросил,
Скажи им, что навылет в грудь
Я пулей ранен был...

Поэту была свойственна быстрая смена настроения, резкие переходы от безудержного веселья к грусти, непонятные многим современникам, но всегда имеющие свое психологическое оправдание.

Мамацев, в отличие от менее наблюдательных и проницательных мемуаристов, понял, что настоящий характер Лермонтова не соответствует поведению его среди армейских товарищей.

В начале 1841 года Лермонтов получает отпуск и едет в Петербург. К этому времени относится близкое знакомство его с графиней Е. П. Ростопчиной. «...Двух дней было довольно, чтобы связать нас дружбой», — вспоминает она. Эти месяцы, по словам поэтессы, были «самые счастливые и самые блестящие в его жизни».

Но недовольны царь и двор. В 48 часов Лермонтову было приказано покинуть столицу.

«Лермонтову очень не хотелось ехать, — утверждала свидетельница тех событий Е. П. Ростопчина, — у него были всякого рода дурные предчувствия... На прощание Лермонтов только и говорил об ожидавшей его скорой смерти». Предчувствия поэта осуществились: «...пистолетный выстрел во второй раз похитил у России драгоценную жизнь, составлявшую национальную гордость».

О трагедии, разыгравшейся у подножия Перкальской скалы, немедленно узнал весь Пятигорск, а оттуда «весть разнеслась по стране. «Все говорят, что это убийство, а не дуэль», — писал Андрей Елагин, младший сын А. П. Елагиной, в салоне которой собиралась вся литературная Москва.

Эта мысль содержится и в других письмах, где авторы не только скорбят, но и негодуют по поводу совершенного преступления. «Плачьте, милостивый государь... плачьте, надевайте глубокий траур... Нашего поэта нет, — Лермонтов пятнадцатого числа текущего месяца в семь часов пополудни убит на дуэли отставным майором Мартыновым... И этот возрождающийся ге-

ний должен погибнуть от руки подлеца: Мартынов — чистейший сколок с Дантеса... Мартынов никем не был терпим в кругу, который составлялся из молодежи гвардейцев. Лермонтов, не терпя глупых выходок Мартынова, всегда весьма умно и резко трюнил над Мартыновым, желая, вероятно, тем заметить, что он ведет себя неприлично званию дворянина. Мартынов никогда не умел порядочно отшутиться — сердился, Лермонтов более и более над ним смеялся; но смех его был хотя едок, но всегда деликатен... Приехав на место, назначенное для дуэли... Лермонтов сказал, что он удовлетворяет желанию Мартынова, но стрелять в него ни в каком случае не будет... Мартынов, в душе подлец и трус, зная, что Лермонтов всегда держит свое слово, и радуясь, что тот не стреляет, прицелился в Лермонтова». Это из письма Полеводина, которое написано в Пятигорске 21 июля 1841 года.

Но такие мысли могли появиться только в частной переписке. В печати было единственное сообщение о смерти поэта в газете «Одесский вестник». «15 июля, около 5-ти часов вечера разразилась ужасная буря с молнией и громом: в это самое время между горами Машуком и Бештау скончался, лечившийся в Пятигорске, М. Ю. Лермонтов».

В 1889 году в журнале «Русский архив» появились воспоминания Э. А. Шан-Гирей, которая была свидетельницей ссоры между Лермонтовым и Мартыновым. 13 июля в доме ее отца генерала Верзилина собралась молодежь, были там и Лермонтов с Мартыновым.

«...Не выдержал Лермонтов и начал острить на его счет, называя его «горец с большим кинжалом»... Когда... ударил последний аккорд, слово «кинжал» раздалось по всей зале. Мартынов победнел, закусил губы, глаза его сверкнули гневом; он подошел к нам и голосом весьма сдержанным сказал Лермонтову: «Сколько раз просил я вас оставить свои шутки при дамах», — и так быстро отвернулся и отошел прочь, что не дал и опомниться Лермонтову, а на мое замечание: «Язык мой — враг мой», — Михаил Юрьевич отвечал спокойно: «Это ничего, завтра мы будем добрыми друзьями».

Разительное несоответствие между характером ссоры и ее трагическим концом поражало современников. Почему секунданты не предотвратили дуэль, почему не уберегли Лермонтова, кто еще виновен в убийстве поэта? Эти вопросы с приближением первых юбилейных дат Лермонтова звучали все чаще. Передовая русская мысль требовала правды.

Вся тяжесть ответственности за случившееся падает на единственного оставшегося к тому времени в живых секунданта, А. И. Васильчикова. Передавая страшные события гибели Лермонтова, он все с тем же смаком, как это делали однокашники, рассказывал о его «проказах» и «шалостях», о его заносчивом характере, о его неуемных шутках. Клевета продолжалась. Но теперь это была «друзей клевета ядовитая», которой Лермонтов боялся

больше всего. А Васильчиков хотел казаться другом. Но даже этот человек сумел сказать, что но из-за злобы и зависти высмеивал Лермонтов «свет». «Лермонтов не принадлежал к числу разочарованных, озлобленных поэтов, бичующих слабости и пороки людские из зависти, что не могут насладиться запрещенным плодом; он был вполне человек своего века, герой своего времени: века и времени самых пустых в истории русской гражданственности. Но, живя этой жизнью... вращаясь в среде великосветского общества... он глубоко и горько сознавал его ничтожество и выражал это чувство не только в стихах «Печально я гляжу на наше поколение», но и в ежедневных, светских и товарищеских своих сношениях». Лермонтов очень рано понял свое предназначение поэта и гражданина, понял, что, если не скажет он, не скажет никто.

Передаёт Васильчиков и страшные подробности убийства Лермонтова. «Зарядили пистолеты... Лермонтов остался неподвижен и, взведя курок, поднял пистолет дулом вверх, засхляпывая рукой и локтем по всем правилам опытного дуэлиста. Мартынов быстрыми шагами подошел к барьеру и выстрелил. Лермонтов упал, как будто его скосило на месте, не сделав движения ни взад, ни вперед, не успев даже захватить больное место, как это обыкновенно делают люди раненные или ушибленные».

Заявление Васильчикова обличало Мартынова, который, видя, что дуло пистолета Лермонтова направлено вверх и указывало на явное нежелание стрелять, подошел и убил его. Вот оно, подтверждение мысли современников об убийстве.

Идут годы, слава Лермонтова растет. И 30 декабря 1880 года было получено разрешение на открытие в Петербурге первого музея, посвященного Лермонтову. «Узнав из газет, что учрежденный в память Михаила Юрьевича Лермонтова музей собирает... материалы, относящиеся к его жизни и художественному творчеству, я... могу... принести музею в дар... экземпляр с собранием рисунков... поэта», — писал директору музея Н. Манвелов, воспитанник Школы гвардейских подпрапорщиков. На одном из рисунков изображена дуэль. Дуэль, которая не раз описана Лермонтовым, дуэль, которая оказалась роковой в его жизни.

Приближался первый юбилей поэта. К этому времени в распоряжении ученых-текстологов и биографов было уже достаточно материала о Лермонтов-поэте и Лермонтов-человеке. Но все это было разрозненно, не раскрывало черты его характера и творчества. Предстояла трудная задача: систематизировать имеющееся, собрать исчезающие воспоминания, проанализировать письма Лермонтова.

С этой задачей успешно справился профессор Дерптского университета П. А. Висковатов. В 1891 году, когда отмечалось 50-летие со дня гибели Лермонтова, под его редакцией вышло шеститомное собрание сочинений поэта. В этом издании впервые появилось несколько десятков ранних стихов поэта, полностью

были напечатаны ранние драмы. Висковатов подрывал традицию рассматривать раннее творчество Лермонтова только как материал для его биографии.

Весь шестой том был отведен под биографию Лермонтова, составленную на обширном уникальном материале. До наших дней этот труд Висковатова не утратил своего значения и является основой научной биографии поэта.

Годом раньше в «Русском обозрении» появились воспоминания А. П. Шан-Гирея, троюродного брата Лермонтова. Он впервые рассказал о детстве Лермонтова в Тарханах, о литературных увлечениях в Москве, о жизни в Петербурге, ввел в биографию поэта новое лицо — В. А. Лопухину.

В юбилейный год наконец-то появились и мемуары убийцы поэта. Воспоминания Мартынова — тягчайшая улика против него. Главной задачей его воспоминаний было оправдание себя. А чтобы сделать это, надо очернить убитого. Но Мартынов понимал, что если он будет нападать на Лермонтова, то вызовет бурю негодования. И он пытается говорить о поэте спокойно и даже бесстрастно, но ему не удается сделать этого. За строчками его воспоминаний стоит злоба и ненависть к убитому. Не оправдались надежды Мартынова: не забыли Лермонтова, не простили его убийце.

Наряду с изданием П. А. Висковатова, к юбилею выходят сочинения под редакцией А. И. Введенского, И. М. Болдакова, Ф. Павленкова, В. Острогорского. Особое место среди них занимает иллюстрированное издание под редакцией П. А. Кончаловского. Иллюстрировали издание 18 художников различных школ и поколений. Среди них — И. К. Айвазовский, И. И. Шишкин, В. Д. Поленов, братья А. М. и В. М. Васнецовы, В. И. Суриков, К. Е. Маковский, И. Е. Репин, К. А. Коровин, В. А. Серов, Л. О. Пастернак, М. А. Врубель. Никому из иллюстраторов не удалось подойти так близко к творческому и философскому мирозерцанию Лермонтова, как это сумел сделать Врубель — художник, заколдованный «Демоном» Лермонтова и своим собственным.

Он был могущ, как вихорь шумный
Блистал, как молнии струя,
И гордо в дерзости безумной
Он говорит: «Она моя!»

Несколько иллюстраций к стихотворению «Пророк» сделал И. Е. Репин: «Пророк у входа в храм и издевающаяся над ним толпа», «Люди высмеивают и побивают камнями проходящего по улице пророка», «Отверженный пророк в пустыне». Художник остался недоволен своими работами.

Однако до настоящего времени эти иллюстрации остаются наиболее значительной попыткой передать глубокий смысл лермонтовского «Пророка».

С тех пор как вечный судия
Мне дал всеведение пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня же ближние мои
Бросали бешено камня.

Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром божьей пищи;

Завет предвечного храня.
Мне тварь покорна таи земная;
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя.

В. Г. Белинский относил «Пророка» к «лучшим созданиям» Лермонтова: «Какая глубина мысли, какая страшная энергия выражения! Таких стихов долго, долго не дожидаться России!»

Стихов Лермонтова ждали, ждали, когда поэта уже не было в живых. «Что наш Лермонтов? В последнем № «Отечественных записок» не было его стихов. Печатайте их больше. Они так чудно-прекрасны!» — это из письма В. И. Красова к издателю «Отечественных записок» А. А. Краевскому. Мелодичность стихов Лермонтова отмечали многие современники: «А ведь стихи-то его — это просто музыка!» — утверждал друг Лермонтова А. И. Ситницын.

Музыканты стали проявлять интерес к поэзии Лермонтова еще при его жизни. В 40-е годы XIX века были созданы на его слова романсы А. Л. Гурилевым, Н. А. Титовым, П. П. Булаховым.

Первым оперным композитором, обратившимся к творчеству Лермонтова, был А. Г. Рубинштейн. Он создал три оперы на лермонтовские сюжеты: «Мель» (по поэме «Хаджи-Абрек»), «Демон», и «Песня про... купца Калашникова».

В 1875 году на сцене Мариинского театра шла премьера «Демона». Опера имела огромный успех.

В 1914 году в Москве в Большом театре Ф. И. Шаляпин пел главную партию в этой опере. Шла опера с прекрасными декорациями К. А. Коровина. И художник и артист стремились воплотить на сцене образ гордого и страдающего демона.

В 1900-е годы к личности и творчеству Лермонтова проявляют интерес литераторы различных школ и направлений: А. А. Блок, А. М. Горький, А. П. Чехов, Д. С. Мережковский, В. Я. Брюсов, С. А. Есенин, В. Г. Короленко и другие.

Восторженное отношение к стихам Лермонтова прошло у Горького через всю жизнь. Ему были близки вольнолюбивые мотивы творчества Лермонтова, протест против угнетения и насилия, про-

славление героической личности. Стихи Лермонтова упоминаются во многих произведениях Горького, а в романе «Жизнь Клима Самгина» герой поет романс «Ночевала тучка золотая».

Две первые строчки этого стихотворения послужили эпиграфом к рассказу Чехова «На пути». С конца 70-х годов Чехов не только читает и перечитывает Лермонтова, но и часто цитирует его. Известна чеховская характеристика Лермонтова-прозаика: «Я не знаю языка лучше, чем у Лермонтова... Я бы так сделал: взял его рассказ и разбирал бы, как разбирают в школах,— по предложениям, по частям предложения... Так бы и учился писать».

Символисты, декаденты, представители религиозно-философской эстетики не могли пройти мимо такой величины в литературе, как Лермонтов. И естественно, каждое направление «хотело сделать» поэта «своим».

По крупицам в начале нынешнего века продолжали собирать материалы о жизни и творчестве Лермонтова. Несколько новых писем, стихов, поэм было включено в первое академическое издание сочинений Лермонтова под редакцией Д. И. Абрамовича. Еще одну линию в изучении жизни и творчества Лермонтова наметил В. В. Каллаш: он выделил цикл стихов, адресованных Н. Ф. И. Под его редакцией к 100-летию юбилею поэта вышло шеститомное иллюстрированное издание сочинений Лермонтова. Весь шестой том занял свод мемуаров о Лермонтове, к тому времени единственный.

Итоговым для дореволюционного лермонтоведения явился сборник «Венок Лермонтову», вышедший к юбилею. Сборник отразил устойчивый интерес к мировоззрению Лермонтова. Широко отметить юбилей поэта помешала война. И все-таки выходят «Избранные сочинения», отдельным изданием «Тамбовская казначейша» с иллюстрациями М. В. Добужинского.

В этот период появляются воспоминания Рошановского, пятигорского коллежского секретаря; воспоминания датируются 10 октября 1842 года. Рассказ этого человека убедительно доказывает, что жители Пятигорска понимали все значение Лермонтова для русской литературы. Понял это и далекий от литературы коллежский секретарь, понял, что хоронят не просто поручика, хоронят поэта: «...в богато убранном гробе было попеременно несено тело умершего штаб- и обер-офицерами, одетыми в мундиры, в сопровождении многочисленного народа, питавшего уважение к памяти даровитого поэта».

Понимали это и Николай I и его приближенные. К Лермонтову никогда не относились при дворе только как к недостаточно знатному лейб-гвардии поручику, его выделяли как писателя. И талант Лермонтова-писателя не игнорировали, с ним боролись. Это подтверждают и появившиеся в 1911 году воспоминания П. И. Бартенева.

«Летом 1841 года на свадьбу наследника престола собралась в Петербурге вся царская семья. Во второй половине июля в один

из воскресных дней государь по окончании литургии, войдя во внутренние покои дворца... громко сказал: «...получено известие, что Лермонтов убит на поединке — собаке собачья смерть!» Великая княгиня Мария Павловна Веймарская... отнеслась к этим словам с горьким укором. Государь внял сестре своей... и, пошедши назад в комнату перед церковью, где еще оставались бывшие у богослужения лица, сказал: «Господа, получено известие, что тот, кто мог заменить нам Пушкина, убит».

Слава Лермонтова приобрела такой размах, что уже в 70-е годы XIX века правительство разрешило сбор денег на памятник. В 1889 году в Пятигорске был открыт первый памятник поэту работы скульптора А. М. Опекушина. А потом появились памятники в Пензе, Петербурге, Середникове, Тамбове, Москве...

В 1985 году в Тарханах был торжественно открыт еще один памятник поэту. Автор О. К. Комов изобразил Лермонтова в гражданской одежде. Может быть, поэтому он и кажется ближе! роднее. Взгляд поэта устремлен вдаль, на поля, дубовую рошу, сады.

За два года до юбилея был открыт в 1912 году музей «Домик Лермонтова» в Пятигорске. В этом доме почти месяц до роковой дуэли жил поэт, здесь написаны его последние стихи.

Пускай холодною землею
Засыпан я,
О друг! всегда, везде с тобою
Душа моя.

После Октябрьской революции мятежная поэзия Лермонтова оказывается сродни времени. И Лермонтов и его творчество в «сиянье дня». В Постановлении Совета Народных Комиссаров о сооружении памятников великим деятелям социализма в разделе «Писатели и поэты» третьим в списке после Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского названо имя Лермонтова. Постановление подписано В. И. Лениным. Произведения Лермонтова сопутствовали Ленину всегда: они были в домашней библиотеке Ульяновых, в небольших библиотеках Ленина в периоды его политических ссылок и в эмиграции. Одной из последних поступлений в его кремлевской библиотеке была книга С. В. Шувалова «М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников и его письмах» (М., 1923). В последний год жизни в Горках во-время тяжелой болезни Ленин обращался к поэзии Лермонтова: близкие «...слышали у него напев «Долины Дагестана».

В полдневный жар в долине Дагестана
С езинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилась моя...

С 1917 по 1920 год было осуществлено 19 изданий сочинений Лермонтова. Получило одобрение и поддержку Ленина задуманное

Горьким «сокращенное издание русских классиков», куда вошли и избранные сочинения Лермонтова в одном томе.

Наиболее значительными работами о Лермонтове этого периода являются работы представителей «формальной школы», сделавших значительный шаг вперед в изучении стиля Лермонтова.

После Октябрьской революции исполнилась мечта Лермонтова-драматурга. 25 февраля 1917 года в Александринском театре в Петрограде состоялась премьера драмы «Маскарад». Постановку осуществил В. Э. Мейерхольд. Спектакль шел под знаком символизма. И декорации, выполненные А. Я. Головиным, и музыка, написанная А. К. Глазуновым, отражали замысел пьесы. Роль Арбенина исполнял Ю. М. Юрьев, отказавшийся от мелодраматической трактовки образа. Его Арбенин — умный, но изверившийся в людях человек, протестующий против нравов своей среды.

Напрасно я ишу повсюду разачеенья.
Пестреет и жужжит толпа передо мной...
Но сердце холодно, и спит воображенье:
Они все чужды мне, и я им всем чужой...

В сезон 1919/20 года «Маскарад» был включен в репертуар труппы Александринского театра.

Произведения Лермонтова были интересны и для кинематографа. С 1909 года до настоящего времени продолжают попытки воплощения лермонтовской мысли, лермонтовского образа в кино. Но внимание почти всех режиссеров направлено не на раскрытие психологии героев, а на фабулу.

Значительным событием в истории советского кино стал «Маскарад» С. Герасимова, поставленный в 1941 году. В роли Арбенина снялся Н. Мордвинов, Нину играла Т. Макарова. Строился фильм на контрасте незаурядного Арбенина и мира пошлости.

С середины 30-х годов советскими художниками создаются циклы иллюстраций к произведениям Лермонтова. Лучшими иллюстрациями этого периода можно считать работы В. Г. Бехтева, который стремился передать эмоциональное состояние героев, их переживания, острые психологические моменты сюжета.

Все иллюстрации к произведениям Лермонтова, которые были созданы к этому времени, известные портреты поэта вошли в прекрасную работу Н. П. Пахомова «Лермонтов в изобразительном искусстве».

В этот период появляется «Книга о Лермонтове» — почти исчерпывающий свод биографических материалов о поэте, составленный П. Е. Щеголевым; разыскиваются и публикуются новые мемуары.

В 1939 году в сборнике статей и материалов о Лермонтове публикуются письма и дневники из архивов Самариных и Булгаковых.

30 июля 1841 года Ю. Ф. Самарин писал: «Да, смерть Лермонтова поражает незаменимой утратой целое поколение. Это не

частный случай, но общее горе... мы теперь должны считать себя не безвинными и не просто сожалеть и плакать, но углубиться внутрь и строго допросить себя».

Самарин уже тогда был близок к мысли, что причина дуэлей и Лермонтова и Пушкина лежала в условиях тогдашней жизни. Такие избранные натуры, какими были Пушкин и Лермонтов, задохнулись в той атмосфере и должны были в безвыходной борьбе или заглухнуть, или разбиться.

Большим событием этих лет явилось открытие в 1939 году музея М. Ю. Лермонтова в Тарханах. Более двух тысяч крестьян села и окрестных деревень собрались на митинг. Открытие музея вылилось во всенародный праздник.

Любителям поэзии Лермонтова была доставлена еще одна радость: в 1935—1937 годах вышло первое советское академическое издание сочинений поэта под редакцией Б. М. Эйхенбаума.

Издание пополнилось новыми стихами Лермонтова, были напечатаны пять его писем. Справочно-биографический материал издания считается лучшим до настоящего времени: в ряде случаев комментарии явились результатом специальных разысканий.

Так, И. Андрониковым было доказано предположение Каллаша о таинственных инициалах Н. Ф. И. Предмет юношеских увлечений поэта — Наталья Федоровна Иванова, дочь драматурга Ф. Ф. Иванова.

Стихотворные признания юного поэта, восторженное обожание льстили самолюбию избалованной успехами молодой девушки, и сначала она благосклонно относилась к нему. Но вскоре Лермонтов встретил непонимание и холодность. Их отношения кончились разрывом, который вызвал у Лермонтова чувство оскорбленной гордости, обостренное ощущение своего творческого дара и высокой ответственности за него.

Я не унижусь пред тобою;
Ни твой привет, ни твой укор
Не властны над моей душой.
Знай: мы чужие с этих пор.

Как знать, быть может, те мгновенья,
Что протекли у ног твоих,
Я отнимал у вдохновенья!
А чем ты заменила их?
Быть может, мыслию небесной
И силой духа убежден,
Я дал бы миру дар чудесный,
А мне за то бессмертье он?

В этом издании высказаны гипотезы о С. П. Шевыреве как адресате «Романса» (1829); П. Я. Чаадаеве как прототипе «великого мужа» в стихотворении «Великий муж! здесь нет награды...». До настоящего времени это самое исчерпывающее издание по наполнению корпуса. На основе его сложился тип полных и избранных изданий сочинений Лермонтова популярного характера с об-

легченным комментарием. Таков однотомник Лермонтова 1941 года.

Приближался 100-летний юбилей со дня смерти поэта. И вновь война. Но и в школах и в вузах читаются лекции, организуются выставки.

Поэзия Лермонтова в годы войны наполнилась новым общественно-политическим звучанием. В дни битвы под Москвой особенно дороги были бойцам строчки из поэмы «Сашка»:

Москва, Москва!., люблю тебя, как сын,
Как русский,— сильно, пламенно и нежно!
Люблю священный блеск твоих седин
И этот Кремль, зубчатый, безмятежный.
Напрасно думал чуждый властелин
С тобой, столетним русским великаном,
Померяться главою и обманом
Тебя низвергнуть. Тщетно поражал
Тебя пришлец; ты вздрогнул — он упал!
Вселенная замолкла... Величавый,
Один ты жив, наследник нашей славы.

Как призыв звучали строчки «Бородина» в устах героев-панфиловцев:

Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой...

Поэзия Лермонтова жила, боролась, гнала фашистскую нечисть с земли русской. С именем Лермонтова шли в бой земляки поэта. «Перед отъездом на фронт мы клянемся, что будем такими же яростными защитниками своей священной Родины, как наш земляк М. Ю. Лермонтов», — так 17 марта 1943 года записали в книге отзывов музея тарханцы Фролов и Кузьмин.

На протяжении всех лет войны выходили издания произведений Лермонтова, и с их страниц слышался голос поэта-патриота, поэта-гражданина.

Образы, созданные Лермонтовым, продолжают жить на сцене: 21 июня 1941 года в театре имени Вахтангова режиссером А. Ту-тышкиным осуществлена постановка драмы «Маскарад». Музыка А. И. Хачатуряна органично сливалась с пьесой Лермонтова.

Значительными этапами в истории сценической жизни «Маскарада» явились спектакли московского театра имени Моссовета с Н. Мордвиновым в главной роли и Малого театра с М. Царевым в роли Арбенина.

Лермонтовские образы оживают в песнях, в танцах, графике: в 1940 году в Ленинградском театре оперы и балета шел балет Б. Астафьева «Ашик-Кериб»; в 1956 году на сцене Новосибирского театра появился балет «Маскарад»: музыка написана Л. А. Лапутиным. Как остросюжетную драму прочел лермонтовский «Маскарад» художник Н. Кузьмин и сумел тонко передать ее романтический колорит. Сюита Д. Шмаринова передает пережи-

вания героев прозы Лермонтова. Лиричны иллюстрации А. Могилевского к сказке «Ашик-Кериб». Изящны заставки Н. Ильина к стихам Лермонтова.

Но самым значительным явлением в иллюстрировании Лермонтова (после Врубеля) явились работы Ф. Д. Константинова. Художнику удалось передать мятежный дух лермонтовской поэзии, могучие и трагические натуры его героев.

Лермонтов — это часть нашей социалистической культуры. Творчество его настолько прочно вошло в нашу жизнь, что уже невозможно представить ее без лермонтовской «Родины» и «Бородин», без «Песни про... купца Калашникова» и «Демона», без «Героя нашего времени» и «Маскарада», без «Паруса» и «Ничего».

Его произведения волновали, волнуют и будут волновать поколения высокой гражданственностью, смелостью, благородством чувств, потому что в его стихах «и бури духа, и умиление сердца, и вопли отчаяния, и тихие жалобы, и гордое ожесточение, и кроткая грусть, и мраки ночи, и торжественное величие утра, и блеск полудня, и таинственное обаяние вечера».

И через всю жизнь рядом с прекрасными образами, созданными Лермонтовым, мы проносим образ и этого человека — грустного и веселого, нежного и строгого, насмешливого и застенчивого, мечтательного и благородного. «Поэта гениального и так рано погибшего. Бессмертного и навсегда молодого».

Только в центральных издательствах с 1946 по 1984 год вышло более 20 изданий сочинений Лермонтова.

В 1954—1957 годах вышло шеститомное академическое издание сочинений Лермонтова под редакцией Н. Бельчикова, Б. Городецкого и Б. Томашевского.

Корпус издания пополнился вновь найденными автографами: стихотворение «А. А. Олениной», эпиграммы на Ф. В. Булгарина. При подготовке издания был просмотрен весь фонд автографов поэта, уточнены тексты «Сашки», «Смерти поэта», «Героя нашего времени», датировки ранних стихов Лермонтова.

Издание заключалось летописью жизни и творчества Лермонтова, составленной В. А. Мануйловым. В 1964 году труд В. А. Мануйлова вышел отдельным изданием.

В 60-е годы вновь возникает тема, затронутая в общих чертах еще П. А. Висковатовым. Формирование личности Лермонтова в детстве, события, повлиявшие на характер поэта. Этот ранний период жизни Лермонтова получил наиболее полное освещение в книге Н. Л. Бродского «М. Ю. Лермонтов. Биография». Этому же периоду жизни поэта посвящены книги В. Мануйлова, П. Вырыпаева, С. Андреева-Кривича...

«Во всяком сердце, во всякой жизни пробежало чувство, промелькнуло событие, которых никто никому не откроет, а они-то самые важные и есть, они-то обыкновенно дают тайное направление чувствам и поступкам». Эти строки Лермонтова стали

эпиграфом к книге «Мгновение и вечность» П. А. Фролова и А. Д. Семченко. Мгновение — это детство, это Тарханы, которые дали начало вечности.

Окунувшись в крепостную тарханскую действительность, понимаешь, откуда у Лермонтова ненависть к рабству, крепостничеству, откуда свобода мысли и дела. Это тарханское детство дало нам такого Лермонтова, каким мы его знаем.

Знакомство с дворовыми, с их детьми прибавило красок поэтической палитре Лермонтова. Народные обороты русской речи, пословицы, поговорки, загадки, песни были для него родными, он впитал их с самого детства. Потом они зазвучали в «Песне про... купца Калашникова», «Вадиме», «Родине», «Бородине» и других лирических стихах.

Что в поле за пыль пылит,
Что за пыль пылит, столбом валит?
Злы татаровья полон делят,
То тому, то сему по добру коню;
А как зятю тоща доставалась...

Крестьянская усадьба, сами крестьяне с их обычаями и верованиями, с их песнями и легендами предстают в книге П. А. Фролова «Лермонтовские Тарханы». Впервые в лермонтоведении здесь собран и систематизирован этот материал.

В начале 60-х годов развернулась дискуссия о творческом методе Лермонтова. По этой проблеме появились монографии У. Фохта, В. Коровина, К. Григорьяна, Д. Максимова, Б. Удолова, Е. Максимовой.

Не ослабевает интерес и к личности Лермонтова.

Свод мемуаров о поэте представлен в сборнике «Лермонтов в воспоминаниях современников». Но публикуются и новые разыскания о жизни поэта. В «Литературном наследстве» печатается статья А. Дружинина, русского писателя и критика. Источником для статьи послужили его беседы с близкими поэту людьми. По словам современников, «ценивших выше других связей» дружбу с поэтом, «стоило только раз пробить ледяную оболочку, только раз проникнуть под личину суровости... чтоб разгадать сокровища любви, таившиеся в этой богатой натуре». Не всем удавалось пробить эту «ледяную оболочку», не все понимали сложную индивидуальность поэта. Даже В. Г. Белинский при первом знакомстве с поэтом не понял его. «Сомневаться в том, что Лермонтов умен,— говорил он,— было бы довольно странно; но я ни разу не слыхал от него ни одного дельного и умного слова. Он, кажется, нарочно щеголяет светскою пустотою».

Прекрасно понял Лермонтова И. Е. Дядьковский, профессор Московского университета, философ-материалист, участник передовых кружков 30-х годов прошлого века, друг всех замечательных людей своего времени. Он привез Лермонтову в Пятигорск поклон и гостинец от его бабушки. Два раза встречался почтенный ученый с поэтом.

Н. Молчанов, живший вместе с Дядьковским, так описывает эти встречи: «Иустин Евдокимович сам пошел к нему и, не застав его дома, передал слуге о себе и чтоб Лермонтов пришел к нему в дом Христофоровых... Он пришел к нам и все просил прощения, что не брит. Человек молодой, бойкий, умом остер... Долго беседовали они... По уходе его, Иустин Евдокимович много раз повторял: «Что за умница». На другой день... Лермонтов пришел звать на вечер Иустина Евдокимовича в дом Верзилиных... Опять восторг им: «Что за человек! Экой умница, а стихи его — музыка, но тоскующая».

При всей своей резкости, раздражительности Лермонтов был «истинно предан малому числу своих друзей, а в обращении с ними был полон женской деликатности и юношеской горячности».

Действительность ожесточила Лермонтова, но не могла убить в нем чистоту возвышенных душевных порывов.

Я знал одной лишь думы власть,
Одну — но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
От келий душевных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны, как орлы.

Книга Э. Герштейн «Судьба Лермонтова» посвящена проблемам биографии поэта последних лет его короткой жизни. В 1839 году в Петербурге существовало общество оппозиционно настроенных молодых людей, называвшееся по числу его членов «шестнадцатью». К. Браницкий, один из членов этого общества, писал: «Это общество составилось частью из окончивших университет, частью из кавказских офицеров. Каждую ночь, возвращаясь из театра или с бала, они собирались то у одного, то у другого. Там после скромного ужина, куря свои сигары, они... болтали обо всем и все обсуждали с полнейшей непринужденностью и свободой, как будто бы III Отделения... канцелярии вовсе и не существовало, — до того они были уверены в скромности всех членов общества».

По мнению Э. Герштейн, по крайней мере семеро из 16 молодых людей, входивших в кружок, принадлежали к семействам ближайших фаворитов царя. О существовании такого общества стало известно императору. Главное, что возмутило Николая I, — это участие в кружке Лермонтова. Ненависть к Лермонтову возросла: поэт не только клеймит в стихах «свет», но и контактирует непосредственно с близкими «свету» людьми, влияет на их умы.

В 1979 году в печати появился советско-американский сборник «Лермонтов. Материалы и исследования». В издании впервые публикуются лермонтовские записи пансионских лекций, выдержки из лекций в Школе гвардейских подпрапорщиков, публи-

куются письма С. Н. Карамзиной, хозяйки и распорядительницы литературного салона, где с августа 1838 года часто бывал Лермонтов. Письма адресованы сестре, поэтому, не лицемеря, не таясь, С. Н. Карамзина высказывает свои мысли, передает впечатления от встреч, знакомств... «Он очень мил», — первое впечатление от знакомства с Лермонтовым.

Вечера в салоне Карамзиных сближали Лермонтова с избранным просвещенным петербургским обществом. Присутствие поэта на вечерах для всех «всегда приятно и всех одушевляет». В письме, датированном 1 августа 1839 года, С. Н. Карамзина сообщала: «Антуанетт Блудова сказала мне, что ее отец очень ценит Лермонтова и почитает единственным из наших молодых писателей, чей талант постепенно созревает, подобно богатой жатве, возвращаемой на плодородной почве, ибо находит в нем живые источники таланта — душу и мысль!»

В этом сборнике впервые опубликованы рисунки поэта из альбомов А. М. Верещагина.

Природа наделила Лермонтова не только высоким даром поэта и удивительной музыкальностью. Она одарила его еще и подлинным талантом живописца и рисовальщика. Картины и рисунки поэта — часть вдохновенной и упорной его работы, в них живописный дневник жизни и странствий.

В 1980 году все живописное наследие поэта объединил альбом «Лермонтов. Картины, акварели, рисунки». Воспроизведен здесь и автопортрет Лермонтова. Это одно из лучших и достовернейших изображений поэта. На фоне Кавказских гор, в форме Нижегородского драгунского полка, в бурке, накинутой на плечо, с кавказскими газырями на груди, на ремне черкесская шашка. И взволнованно-печальные глаза.

Я холоден и горд; и даже злым
Толпе кажуся; но ужель она
Проникнуть дерзко в сердце мне должна?
Зачем ей знать, что в нем заключено?
Огонь или сумрак там — ей все равно.

Этот портрет Лермонтов подарил В. Лопухиной, которая, опасаясь ревности мужа, раздала знакомым вещи поэта. Автопортрет увезла за границу А. М. Верещагина, и он оказался среди сокровищ замка Хохберг у ее наследников. И только в 1961 году он был возвращен на Родину.

В 1981 году вышла первая на русском языке персональная «Лермонтовская энциклопедия». Она явилась сводом сведений о жизни и творчестве поэта, его бытовом и литературном окружении, о его предшественниках и последователях в русской и мировой литературе, об отражении лермонтовских сюжетов и образов во всех областях искусства. Основу биографических сведений на страницах энциклопедии составляет летопись жизни и творчества Лермонтова.

Отдельная статья посвящена дуэлям. Вот уже сто с лишним

лет биографы Лермонтова пытаются выяснить все детали трагедии, происшедшей июльским вечером 1841 года у подножия горы Ма-шук. Не все здесь ясно и известно, поскольку показания Мартынова и секунданта были направлены на преуменьшение своей вины, а не на установление истины.

Объяснение Лермонтова с Мартыновым по поводу ссоры произошло по выходе из дома Верзилиных вечером 13 июля. Свидетель этого разговора один — убийца. Он хорошо понимал, что от того, кто будет признан инициатором дуэли, зависела мера наказания. Вопрос этот занял на следствии центральное место. Мартынов боялся ошибиться и тщательно обдумывал ответы. И показывает, что вызов шел со стороны Лермонтова. Это же показали и Глебов с Васильчиковым — во время следствия секунданта находились в одной камере и вели переписку с Мартыновым. Важные акценты в пользу Мартынова в их показаниях появились уже в ходе следствия; в первые же часы после дуэли они говорили другое. Старший воинский начальник Траскин допросил секунданта до предъявления им вопросов следственной комиссии. На основе их устных показаний он сообщал П. Х. Граббе: «Мартынов сказал ему, что он заставит его замолчать; Лермонтов ему ответил, что не боится его угроз и готов дать ему удовлетворение, если он считает себя оскорбленным... Лермонтов сказал, что не будет стрелять и станет ждать выстрела Мартынова». Но о письме Траскина узнали только в 1974 году. Значит, верен был слух о том, что Лермонтов выстрелил в воздух. При осмотре тела убитого оказалось, что пуля, попав в правый бок ниже последнего ребра, пробила правое и левое легкое, поднимаясь вверх, вышла между пятым и шестым ребром левой стороны. Такой угол раненого канала возможен только в том случае, если пуля попала в Лермонтова, когда он стоял повернувшись к противнику правым боком с сильно вытянутой вверх правой рукой, отогнувшись для равновесия влево. В пользу выстрела в воздух свидетельствует и тот факт, что пистолет Лермонтова после дуэли оказался разряженным. Мартынов на следствии обмолвился: «Хотя и было положено между нами считать осечку за выстрел, но у его пистолета осечки не было».

Условия дуэли были смертельными: каждый имел право на три выстрела с вызовом отстрелявшегося на барьер; расстояние между барьерами было не более 10 шагов.

Лермонтов скончался не приходя в сознание в течение нескольких минут. «...И лишь только Лермонтов испустил последний вздох — пошел проливной дождь. Сама природа плакала об этом человеке», — писал один из современников поэта. Васильчиков поскакал за врачом, а Глебов, Столыпин, Трубецкой остались у труп.

Друзьям Лермонтова пришлось преодолеть немало трудностей, прежде чем было получено разрешение на похороны. В конце дня 17 июля состоялись похороны при стечении всего Пятигорска. «Офицеры несли прах любимого ими тогда ршца до могилы, а слезы

множества сопровождавших выразили потерю общую, незаменимую», — вспоминал современник.

Тягчайшее преступление против русской культуры, по существу, осталось безнаказанным. Николай I после просмотра дела о ходе следствия вынес решение: «Майора Мартынова посадить в Киевскую крепость на гауптвахту на три месяца и предать церковному покаянию. Титулярного же советника князя Васильчикова и корнета Глебова простить, первого во внимание к заслугам отца, а второго по уважению полученной тяжелой раны». Имена Трубецкого и Столыпина, участвовавших в дуэли, от следствия были скрыты.

Проанализировав все материалы, имеющие отношение к этой трагедии, советские исследователи считают, что «глубинной причиной крайнего ожесточения Мартынова было его неуравновешенное психическое состояние, вызванное крахом военной карьеры, обострившее... его самовлюбленность, постоянную потребность ограниченного человека в самоутверждении, озлобление и зависть ко всем, в ком он видел соперников».

К такому выводу пришли авторы статьи Л. М. Аринштейн и В. А. Мануйлов «Дуэль Лермонтова с Н. С. Мартыновым», которая помещена в «Лермонтовской энциклопедии». Подобное умозаключение содержится и в ряде воспоминаний современников поэта. В частности, об этом свидетельствовал А. Ф. Тиран, который учился вместе с Михаилом Юрьевичем в юнкерской школе, а затем служил с ним в одном и том же лейб-гвардии Гусарском полку. Позже они встретились в Пятигорске, и мемуарист был очевидцем происходивших там событий в последние дни жизни Лермонтова. Вместе с другими офицерами Тенгинского полка А. Ф. Тиран участвовал в похоронах погибшего на дуэли Михаила Юрьевича.

Сохранившиеся источники говорят о том, что А. Ф. Тиран не питал особого уважения к Лермонтову. Но в своих воспоминаниях он характеризовал убийцу поэта как человека завистливого, привыкшего самоутверждаться в мелочах. На Кавказе завистливость Мартынова вспыхнула с новой силой. Завидовал он и успехам поэта в дамском обществе, и его славе «льва»-писателя, завидовал храбрости опального поручика, его честности, его репутации отличного боевого офицера и славного товарища. Всему этому не помешали ни ссылки, ни козни «высшего света».

И хотя ни Николай I, ни Бенкендорф, ни Мартынов не вынашивали тайных планов убийства Лермонтова-человека, но все вместе они создавали такую атмосферу, в которой не было места Лермонтову-поэту. И эта императорская Россия с преступным равнодушием смотрела, как травили и убивали поэта, не видела, что именно Лермонтова русская культура признала одной из блистательнейших своих надежд.

«У этой культуры не было сил и возможностей уберечь Лермонтова физически, — но именно она в лице лучших своих представителей, начиная с Белинского, бережно передавала его на-

следие из рук в руки новым поколениям и донесла его до нашего времени». И благодаря этой культуре мы сегодня можем восхищаться лермонтовскими описаниями Кавказа, прекрасными полями и желтеющими нивами, ощущать аромат серебристого ландыша и слышать шелест осенних листьев под ногами, вместе с нами эту возможность имеют народы Советского Союза и мира.

Сбылись пророческие слова В. Г. Белинского. Настало время, «когда имя Лермонтова в литературе» сделалось «народным именем и гармонические звуки его поэзии» слышимы «в повседневном разговоре толпы, между толками ее о житейских заботах...».

Склеп-часовня

В старой метрической книге церкви Николая Чудотворца записано, что в 1815 году на исповеди вместе с родителями находился шестимесячный Лермонтов. Это самая первая тарханская запись о поэте. Она документально подтверждает, что с этого момента навечно и воедино слились два имени: Лермонтов и Тарханы. И пусть, подрастая, мальчик подолгу и часто уезжал отсюда, а тревожная кочевая жизнь не всегда позволяла навестить родное село, он знал, что есть Тарханы, которые помнят о нем, всегда ждут и всегда примут.

21 апреля 1842 года Тарханы приняли Лермонтова навечно. Гроб с его телом был вторично захоронен рядом с могилами матери и деда. Сбылись слова шестнадцатилетнего поэта:

...я родину люблю
И больше многих: средь ее полей
Есть место, где я горесть начал знать,
Есть место, где я буду отдыхать,
Когда мой прах, смешавшись с землей,
Навеки прежний вид оставит свой.

Над могилой поэта воздвигнут памятник из черного мрамора, на котором золотыми буквами высечено: «Михаиле Юрьевич Лермонтов. 1814—1841».

Слева от него памятник М. М. Лермонтовой, матери поэта. На кресте изображен сломанный якорь — символ несбывшихся надежд. На плите надпись: «Под камнем сим лежит тело М. М. Лермонтовой, урожденной Арсеньевой. Скончавшейся 1817 года февраля 24 дня в субботу. Житие ей было 21 год 11 месяцев и 7 дней».

Справа — памятник деду, М. В. Арсеньеву.

Все три памятника обнесены узорчатой решеткой.

После захоронения Лермонтова построено небольшое кирпичное здание часовни.

Через четыре года после смерти внука умерла Арсеньева. Мраморная плита, установленная под окном, гласит: «Елизавета Алексеевна Арсеньева, рожденная Столыпина, скончалась 16 ноября 1845 года. 85 лет». Здесь вкралась явная неточность. После

смерти дочери Марии Михайловны Е. А. Арсеньева в исповедальных ведомостях значительно увеличила свой возраст. Умерла же она на 73-м году жизни.

Сейчас в часовне висят те же иконы, что были в 1842 году, а на восточной стене картина неизвестного художника XIX века «Воскресение Христово». С расписного купола смотрят вниз бог Саваоф и Михаил Архангел со своим воинством.

С 1850-х годов часовня была объектом паломничества сначала редких одиночек, а потом год от года всевозрастающего людского потока. Стихийно, за 25 лет до открытия музея, здесь в 1914 году уже появилась книга записей посетителей.

Перед Отечественной войной склеп был вскрыт. Винтовая лестница, обложенная мраморной плиткой, ведет в холодное под-земелье к большому металлическому гробу. Здесь с новой силой ощущаешь боль от невосполнимой утраты.

«Какие силы были у этого человека! Что бы сделать он мог! Он начал сразу, как власть имеющий». О вечности и любви шепчутся листья старого дуба, раскинувшего ветви над входом в часовню.

Исполнилось желание поэта:

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.

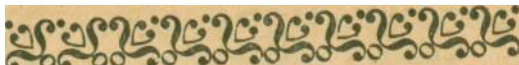
В 1974 году в ограде вблизи часовни появилась еще одна могила. Сюда перевезли останки отца поэта, Юрия Петровича Лермонтова. Всю жизнь отец с сыном стремились к сближению, но судьба, часто в образе бабушки, препятствовала этому. Теперь они рядом.

На могиле высечены строчки из «Эпитафии» Лермонтова.

Прости! увидимся ль мы снова?
И смерть захочет ли свести
Две жертвы жребия земного,
Как знать! итак, прости, прости!..
Ты дал мне жизнь, но счастья не дал;
Ты сам на свете был гоним,
Ты в людях только зло изведаль..
Но понимаем был одним.

Шумит тарханский парк, склоняется над часовней старый дуб. И нескончаемым потоком идут и идут сюда люди.

Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь;

АПАЛИХА

В трех километрах от основного музейного комплекса находится бывшая усадьба двоюродной тетки М. Ю. Лермонтова М. А. Шан-Гирей. Поэт бывал в Апалихе в 1826—1828, 1836 годах и, может быть, в 1841-м. Со всеми членами семьи Шан-Гиреев Лермонтова связывали теплые, дружеские отношения. Первые из дошедших до нас писем поэта адресованы в Апалиху «милой тетеньке» Марии Акимовне. Не обойдены вниманием в этих письмах и «дяденька» Павел Петрович, «братцы Аким и Алексей», «сестрица Катюша». Младший в семье сын Николай, 1829 года рождения, — тот самый «Николенька Шан-Гирей», которого «таскает» и с которым «бесится Михаил Юрьевич», как писала Е. Д. Верещагина из Петербурга за границу дочери А. М. Верещагиной-Хюгель в ноябре 1838 года.

Сближали поэта с семейством Шан-Гиреев и их общие родственные связи с Хастатовыми и Петровыми, жившими на Кавказе. Дети Шан-Гиреев хранили как семейные реликвии вещи, имевшие отношение к поэту. Так, Алексей сохранил «Маскарадную книгу», в которую Лермонтов вписал посвящения своим московским знакомым и с которой явился в костюме астролога на новогодний маскарад 1831 года в залу Благородного дворянского собрания в Москве. Екатерина сберегла парадные носовые платки матери и бабушки поэта. Благодаря апалихинским родственникам до нас дошли рукописи Лермонтова (среди них копия «Панорама Москвы», драма «Люди и страсти», поэмы «Черкесы» и «Боярин Орша», предисловие к роману «Герой нашего времени»), а также учебники, тетради, записи лекций, рисунки и картины поэта.

Предки Павла Петровича Шан-Гирея жили в Козелецком уезде Черниговской губернии. Его отец Петр Федорович служил там коллежским канцеляристом. Дед Федор в 1785 году приобрел имение у ротмистра Столицы и подал в Черниговское дворянское депутатское собрание прошение о внесении рода Шан-Гиреев в дворянскую родословную книгу. Черниговское дворянское собрание удовлетворило просьбу священника Федора Шан-Гирея, но департамент герольдии не согласился с решением, мотивируя свой отказ тем, что покупка имения не дает права на дворянство.

Однако в дошедшем до нас документе от 3 июня 1819 года, который впервые опубликован в книге П. А. Вырыпаева «Лермонтов. Новые материалы к биографии», говорится: «По указу его величества государя императора Александра Павловича, самодержца всероссийского... предьявитель сего штабс-капитан Павел Петрович сын, Шан-Гирей, который, как значится из формулярного полкового списка, от роду имеет двадцать четвертый год, из дворян Черниговской губернии, в службу вступил во Второй кадетский корпус для научения порядку военной службы кадетом 1807 года, сентября 11 дня...»

Возможно, что после первого рассмотрения департамент герольдии вновь вернулся к данному вопросу и решил его положительно. Поэтому в формулярном списке и говорится о П. П. Шан-Гирее как выходеце «из дворян Черниговской губернии».

О дальнейшей службе Павла Петровича мы узнаем из упомянутого выше указа. В 1809 году при окончании кадетского корпуса ему было присвоено звание унтер-офицера. В 1810 году его произвели в прапорщики и определили в 16-й егерский полк, где он через пять лет получил звание подпоручика, а затем поручика. «Уволен по прошению, за болезнью» в отставку в конце 1818 года в чине штабс-капитана. С 1810 года активно участвовал в боях с горцами на Кавказе (в указе подробно описана боевая операция лета 1812 года на реках Тереке и Сунже). В 1816 или 1817 году он женился на Марии Акимовне Хастатовой, племяннице Е. А. Арсеньевой. В 1825 году П. П. Шан-Гирей переехал с семьей в Пензенскую губернию, где и прожил до конца своих дней. И. Н. Захарьин (Якунин) встречался, беседовал с Павлом Петровичем в 1859 году и оставил нам такой его портрет: «Это был отставной кавказец лет за 60, но еще очень бодрый и крепкий человек. Он был выше среднего роста и складно сложенный, с коротко остриженной головою, одетый по старой привычке в бешмет и черкеску».

Как будто с Павла Петровича списан образ героя в очерке Лермонтова «Кавказец»: «Кавказец есть существо полурусское, полуазиатское, наклонность к обычаям восточным берет над ним перевес, но он стыдится ее при посторонних, то есть при приезжих из России. Ему большею частью от тридцати до сорока пяти лет; лицо у него загорелое и немного рябоватое; если он не штабс-капитан, то уже верно майор...

Настоящий кавказец человек удивительный, достойный всякого уважения и участия. До восемнадцати лет он воспитывался в кадетском корпусе и вышел оттуда отличным офицером...

Рассказы Павла Петровича являлись своего рода сюжетной основой для многих юношеских произведений Лермонтова на кавказскую тему. Среди них поэмы «Черкесы», «Кавказский пленник», «Каллы», «Измаил-Бей» и другие.

Старому воину было что вспомнить. Ведь с февраля 1810 по

декабрь 1818 года ему приходилось непрерывно участвовать в военных походах и сражениях.

Как раз в то время на Кавказе развернул патриотическую деятельность в защиту горцев полковник русской армии Измаил Атажуков, предпринимавший решительные действия в защиту соплеменников. 16-му гусарскому полку, в котором служил Павел Петрович Шан-Гирей, в 1810 году было приказано учинить разгром одного из воинственно настроенных горских селений, устроенных Атажуковым близ Пятигорска.

Не исключено, что Шан-Гирей лично знал Атажукова, имя которого было окружено ореолом славы и тайны, о нем слагались легенды. Лермонтов мог слышать их от Павла Петровича. На материале легенд и исторической правды создана поэма «Измаил-Бей»:

Ты знаешь, верно, что служил
В российском войске Измаил;
Но, образованный, меж нами
Родными бредил он полями,
И все черкес в нем виден был.
В пирах и битвах отличался
Он перед всеми!..

Пятнадцать лет, проведенные Павлом Петровичем Шан-Гиреем на Кавказе, сформировали его характер, пристрастия, увлечения. Образованность его в указе об отставке обозначена кратко: «...российской грамоте читать и писать умеет».

Внучка Павла Петровича Евгения Акимовна Шан-Гирей сообщила, что дед ее «был образован, красив и элегантен».

Лермонтов в письме к Марии Акимовне, как бы оправдываясь за свою опрометчивость в отношении Павла Петровича, сообщал: «Не зная, что дяденька в Апалихе, я не писал к нему, но прошу извинения и свидетельствую ему мое почтение».

Мария Акимовна Шан-Гирей была дочерью родной сестры Арсеньевой Екатерины Алексеевны. Ее мужем являлся генерал-майор Аким Васильевич Хастатов.

Лермонтов посещал Хастатовых в имении, которое находилось недалеко от Кизляра. Здесь до 1825 года жили М. А. и П. П. Шан-Гирей. В 1825 году они вместе с Е. А. Арсеньевой приехали с Кавказа в Тарханы. Чтобы помочь родственникам купить соседнее имение Апалиху, Е. А. Арсеньева заложила своих крепостных крестьян в опекунский совет за 26 000 рублей, проценты с которых выплачивали Шан-Гирей. В 1826 году они перебрались из Тархан в Апалиху.

Во время совместной жизни в Тарханах Мария Акимовна помогла Е. А. Арсеньевой следить за воспитанием и обучением детей, которых пригласили заниматься вместе с Лермонтовым. Она закончила Смольный институт и была довольно начитанна.

Воспоминаний о Марии Акимовне не осталось, и мы можем судить о ней только по письмам Лермонтова. «Милая тетенька,—

сообщал он ей 21 декабря 1828 года,— зная вашу любовь ко мне, я не могу медлить, чтобы обрадовать вас: экзамен кончился и ваканция началась до 8 января».

«Постараюсь следовать советам вашим, ибо я уверен, что они служат к моей пользе»,— писал Лермонтов в 1829 году. С Марией Акимовной он делился своими мыслями о двух школах актерского мастерства: петербургской и московской, говорил о превосходстве игры Мочалова над игрой Каратыгина, «вступаясь за честь Шекспира», доказывал Марии Акимовне, что «если Шекспир велик, то именно в Гамлете». Письма поэта в Апалиху свидетельствуют о широте интересов Марии Акимовны, о ее влиянии на поэта в отрочестве и юности. О культурных запросах семьи Шан-Гиреев красноречиво говорит такой факт. В 1837 году была объявлена подписка на сочинения Пушкина. Во всей Пензенской губернии оказалось только два подписчика, и одним из них являлся П. П. Шан-Гирей.

Из всего семейства Шан-Гиреев ближе всех к поэту был старший сын Аким Павлович, или, как его еще называли, Еким. Семилетним ребенком его взяли на воспитание в Тарханы, где он вместе в Лермонтовым провел два года. В 1828 году Аким Павлович вслед за Лермонтовым переехал в Москву и жил в доме Арсеньевой. Когда Лермонтов переехал в 1832 году в Петербург, туда же прибыл Аким Павлович и опять поселился в квартире Е. А. Арсеньевой. А. П. Шан-Гирей был свидетелем и участником многих событий в жизни поэта. Он принадлежал к числу друзей Лермонтова, посвященных в его творческие замыслы. Некоторые произведения Аким Павлович записывал под диктовку поэта (таковы многие страницы неоконченного романа «Княгиня Лиговская»). В 1842 году Аким Павлович принимал участие в захоронении праха поэта в Тарханах. Ему было поручено разбирать вещи Лермонтова. Все книги, рукописи и письма поэта, находившиеся в Тарханах и доставленные из Пятигорска, Аким Павлович (по всей вероятности, во второй половине 1842 г.) передал Публичной библиотеке в Петербурге. Об этом свидетельствовала его дочь Е. А. Шан-Гирей. Огромную ценность для изучения биографии и творчества поэта представляют написанные А. П. Шан-Гиреем воспоминания о Лермонтове.

Впервые эти воспоминания были опубликованы в восьмом номере журнала «Русское обозрение» за 1890 год. Там же было помещено письмо, с которым к автору воспоминаний обратился другой современник и приятель поэта С. А. Раевский: «Ты был его другом, преданным с детства, и почти не расставался с ним; по крайней мере, все значительные изменения в его жизни совершались при тебе, при теплом твоём участии, и редкая твоя память порукою, что никто вернее тебя не может передать обществу многое замечательное об этом человеке, гордости нашей литературы...» К А. П. Шан-Гирею обращался также первый биограф Лермонтова П. А. Висковатов.

Благодаря троюродному брату и другу поэта А. П. Шан-Гирею, стали известны или уточнены многие факты жизни и творчества поэта.

До нас не дошла переписка Лермонтова с Акимом Павловичем, но в сохранившемся письме поэта, отправленном из кавказской ссылки в 1841 году, встречается характерное упоминание о друге: «Скажите Акиму Шан-Гирею, что я ему не советую ехать в Америку, как он располагал, а уж лучше сюда, на Кавказ, оно ближе и гораздо веселее».

Несколько лет спустя Аким Павлович последовал совету Лермонтова. В 1845 году купил на Кавказе Ново-Столыпино, в 50 верстах от Пятигорска, и 1846-м вышел в отставку. В 1851 году он женился на Эмилии Александровне Клингенберг, с которой Лермонтов часто виделся в последние месяцы и дни своей жизни в Пятигорске в доме ее отца генерала Верзилина, где молодые люди из окружения поэта проводили вечера. Эмилия Александровна была свидетелем роковой размолвки между Лермонтовым и Мартыновым, послужившей поводом к дуэли. Об этом рассказано в воспоминаниях Э. А. Клингенберг.

А. П. Шан-Гирей, поселившись на Кавказе, проявлял общественную активность в духе дворянского либерализма. Он был «уездным начальником» в Нахичевани, Ереване, Шуше.

«В 1850 году,— сообщает наиболее значительные сведения из своей биографии Аким Павлович,— я удостоился быть избранным в предводители своего уезда. В 1858 году избрали в члены от дворянства в губернский комитет по крестьянскому делу и в том же году в онный членом от правительства. В 1859 году отправлен наместником Кавказского комитета по устройству крестьян Ставропольской губернии, в январе нынешнего года избран предводителем Пятигорского уезда и, наконец, в настоящее время имею честь нести звание мирового посредника».

После переезда на Кавказ Аким Павлович дважды посещал Апалиху. приезжал на три летних месяца в 1858 году, а также жил в родных местах с середины августа 1859-го до мая 1860 года сначала у отца в Апалихе, потом у брата Алексея, который получил свою долю наследства по имению и с 1857 года поселился в двух верстах от Апалихи в «отселке» (ныне деревня Алексеевка).

В это время А. П. Шан-Гиреем были написаны воспоминания о поэте. Аким Павлович сделал в конце рукописи помету об окончании работы: «10 мая 1860 г. Чембар».

В 1860 году Акима Павловича привели в Апалиху печальные изменения в его имущественном положении (сгорело его имение Ново-Столыпино на Кавказе). Частью Апалихи, выделенной Акиму Павловичу в качестве доли наследства после смерти матери, Марии Акимовны (1845 г.), управлял по доверенности отец, Павел Петрович Шан-Гирей. Рачительностью старый кавказец не отличался, дела вести не умел, положенные деньги

Акиму Павловичу не посылал. Когда стесненность в средствах заставила его потребовать у отца расчета за все годы управления Апалихой, оказалось, что большое хозяйство практически разорено. Доходы за 14 лет с части имения Акима Павловича были истрачены, и движимое и недвижимое имущество (конный завод, крупный рогатый скот, овцы, пасека) оказалось распроданным, лес почти весь вырубленным, деньги в опекунский совет не плачены. Отец не желал входить с сыном ни в какие «щеты». Аким Павлович был вынужден обратиться в суд. Дело Пензенской палаты «О взыскании подпоручиком Шан-Гирей с отца своего Шан-Гирея денег» разбиралось в Совестном суде и было прекращено в 1864 году в связи со смертью Павла Петровича.

В 1873 году А. П. Шан-Гирей продал имение А. И. Щетинину. В 1908—1909 годах сгорел барский дом в усадьбе, а несколько позже, после смерти А. И. Щетинина, поместье приобрел купец В. Бирюков.

После Великой Октябрьской революции бывшая усадьба перешла во владение колхоза, а затем совхоза. Некоторое время «Бирюков сад» арендовали колхозники села Крюково.

В 1969 году решением Совета Министров РСФСР усадьба Апалиха передана Государственному Лермонтовскому музею-заповеднику «Тарханы».

На территории усадьбы ведутся восстановительные работы по садово-парковому ансамблю, проведены археологические исследования на месте дома. Планируется его восстановление с целью размещения в нем музейной экспозиции, раскрывающей связи поэта с семьей Шан-Гирея, истоки кавказской темы в его творчестве.

Дорога в Апалиху начинается от юго-западной границы усадьбы Тарханы. От Дубовой рощи уже видны кроны вековых лип апалихинского парка.

Время не изменило характерного для этих мест пейзажа. Все так же далеко в полях теряется степная речка Марарайка. На юго-западе видна деревня Подсот, владельцами которой в начале XIX века были братья Москвины — коллежский советник Иван, штабс-капитан Яков, майор Николай.

В 25 верстах отсюда — село Анучино, где жила помещица Мансырева, которой был увлечен дед поэта Михаил Васильевич.

На восточной стороне от Апалихи находится Михайловка. Название это дано деревне по имени поэта.

В 1826 году на момент приобретения Апалихи Шан-Гиреями в деревне насчитывалось 43 двора и 147 ревизских душ. Деревня с прилегающими угодьями занимала 1984 десятины. Она уже имела свою историю. В начале XVIII века однодворец Семен Иванович Репкин получил от правительства «30 четвертей земли». В 1727 году сын Репкина Петр Семенович продал имение поручику Михаилу Ивановичу Еропкину. Потом Апалиха перешла по

наследству родственнице М. И. Еропкина Анне Михайловне Гурьевой, затем внучке Екатерине Александровне Савеловой.

В 1826 году у Савеловой имение было куплено на имя Марии Акимовны Шан-Гирей.

Планировка усадьбы Апалихи типична для конца XVIII — начала XIX веков. С трех сторон — вал, обсаженный ветлами и черемухой, западную границу образует русло речки Марараики, которая была перепружена плотиной и в границах усадьбы образовывала небольшой живописный пруд. К месту усадебных построек ведет 15-метровая аллея, обсаженная справа рядом лип. С левой стороны въездной аллеи — пешеходная дорожка между двух рядов акаций подводит к месту, где стоял дом (теперь здесь камень с памятной надписью).

Дом был одноэтажным. Таким изобразил его в своем дневнике троюродный брат поэта Аркадий Павлович Петров. Перед домом на поляне находились хозяйственные постройки и манеж. Вниз от дома к реке через парк спускается липовая аллея, вдоль берега бывшего пруда — ряды пышной сирени. С востока на запад усадьба разделялась валом на две части: в одной части находились дом, хозяйственные постройки, парк; в другой — йасака, фруктовые сады (яблоневый и вишневый). Пасека располагалась на обсаженном липами участке, в центре которого росли одиночные липы (под ними ставились ульи). В парке были устроены две беседки. На месте одной из них растет старый вяз (ему более двухсот лет). В парковой части усадьбы много аспарагуса и лилейника — остатков старых цветников, но общий характер полян и лужаек определяет буйное разнотравье.

Апалиха привлекает своей таинственностью и поэтичностью, шумом вековых деревьев и тишиной степной речушки, сплошь покрытой камышом и кувшинками. В Апалихе невольно вспоминаются стихи поэта, в которых ощущается прикосновение к тайнам природы, бытия, по-новому осмысливаются баллады «Тростник», «Русалка».

В виду окрестностей Тархан и Апалихи — уходящих за горизонт полей, высокого неба — особенно понятным становится душевное состояние поэта, выраженное им в одном юношеском стихотворении:

И мысль о вечности, как великан,
Ум человека поражает вдруг,
Когда степей безбрежный океан
Синеет пред глазами; каждый звук
Гармонии вселенной, каждый час
Страдания или радости для нас
Становится понятен, и себе
Отчет мы можем дать в своей судьбе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в 4-х томах. М., 1975 — 1976.
М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1972.
М. Ю. Лермонтов. Исследования и материалы. М., 1979.
Лермонтовская энциклопедия. М., 1981.
Андреев-Кривич С. А. Всеведение поэта. М., 1973.
Андреев-Кривич С. А. Тарханская пора. Приволж. кн. изд-во, Пенз. отд-ние, 1976.
Андроников И. Л. Лермонтов. Исследования и находки. М., 1964.
Арзамасцев В. Лермонтов в Тарханах. Путеводитель по дому-музею. Приволж. кн. изд-во, Пенз. отд-ние, 1975.
Арзамасцев В., Диапова Л. Новое о родственниках М. Ю. Лермонтова Шан-Гиреях.— В кн.: А. Н. Радищев, В. Г. Белинский, М. Ю. Лермонтов. Рязань, 1974.
Белинский В. Г. Статьи о М. Ю. Лермонтове. Составление, вступительная статья, примечания П. Максашева. Саратов, 1981.
Висковатов П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1987.
Вырыпаев П. А. Лермонтов. Новые материалы к биографии. Саратов, 1976.
Герштейн Э. Судьба Лермонтова. М., 1986.
Захарьин (Якунин) И. Н. Встречи и воспоминания. Спб., 1903.
Иванова Т. Юность Лермонтова. М., 1957.
Иванова Т. Посмертная судьба поэта. М., 1967.
Корнилов В. Тарханы. Музей-усадьба М. Ю. Лермонтова. М., 1948.
Максашев П. В. Г. Белинский в Чембаре и Пензе. Приволж. кн. изд-во, Пенз. отд-ние, 1980.
Мануйлов В. А., Недумов С. И. Друг Лермонтова А. П. Шан-Гирей.— В кн.: М. Ю. Лермонтов. Сборник статей и материалов. Ставрополь, 1960.
Семченко А. Д., Фролов П. А. Мгновение и вечность. К истокам творчества М. Ю. Лермонтова. Приволж. кн. изд-во, Пенз. отд-ние, 1982.
Фролов П. А. Лермонтовские Тарханы. Приволж. кн. изд-во, Пенз. отд-ние, 1987.

СОДЕРЖАНИЕ

Усадьба.	3
Барский дом.	^g
Зала.	20
Гостиная.	24
Столовая.	26
Чайная.	28
Классная.	29
Комнаты Лермонтова.	33
Комнаты Арсеньевой.	38
Образная.	43
Девичья.	43
Церковь Марии Египетской.	45
Дом ключника.	51
Людская	60
«Бородино».	66
«Песня про... купца Калашникова».	69
Сельская церковь	
Склеп-часовня.	102
Апалиха.	104
Список использованной литературы.	Ш

Научно-популярное издание

МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ТАРХАНЫ»

Редактор *П. Мапсяшев*
Художественный редактор *В. Иванов*
Технический редактор *Л. Долгова*
Корректор *Е. Феклистова*

Фото *В. Сильнова*

ИБ 1538

Сдано в набор 15.05.89. Подписано в печать 13.02.90. НГ 55256. Формат 60X90'/i6-
Бумага типографская № 2. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая.
Усл. печ. л. 7+л. вклейка. Усл. кр.-отт. 8,5. Уч.-изд. л. 7,09+0,93 вклейка.
Тираж 100 000. Заказ № 2334. Цена 50 коп.

Приволжское книжное издательство. 410071, Саратов, пл. Революции, 15.

Саратовский ордена Трудового Красного Знамени полиграфический комбинат
Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книж-
ной торговли. 410004, Саратов, ул. Чернышевского, 59.

САРАТОВ
ПРИВОЛЖСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕНЗЕНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1990

